

MODERN RUSSIAN LITERATURE AND CULTURE
STUDIES AND TEXTS

volume 11

АЛЕКСАНДР ДОБРОЛЮБОВ

СОЧИНЕНИЯ

ИЗ КНИГИ НЕВИДИМОЙ

Berkeley, 1983

АЛЕКСАНДР ДОБРОЛЮБОВ

MODERN RUSSIAN LITERATURE AND CULTURE
STUDIES AND TEXTS

volume 11

edited by

Lazar Fleishman *Jerusalem*
Joan Delaney Grossman *Berkeley*
Robert P. Hughes *Berkeley*
Simon Karlinsky *Berkeley*
John E. Malmstad *New York*
Olga Raevsky-Hughes *Berkeley*

Berkeley, 1983

АЛЕКСАНДР ДОБРОЛЮБОВ

ИЗ КНИГИ НЕВИДИМОЙ

WITH AN INTRODUCTION BY

Joan Delaney Grossman

BERKELEY SLAVIC SPECIALTIES

Berkeley, 1983

**“Aleksandr Dobroljubov and the Invisible Book” © 1983
by Joan Delaney Grossman.**

PRINTED IN U.S.A.

ISBN 0-933884-34-6

ALEKSANDR DOBROLJUBOV AND THE INVISIBLE BOOK

JOAN DELANEY GROSSMAN

Aleksandr Dobroljubov, one-time Russian Decadent and later head of a sect called Dobroljubovians, became a myth while his second career as religious leader was at its height. Obscured by legend and lack of factual information, his life and fate have remained in many respects a mystery. The early, Petersburg phase of his biography is better known than the later, thanks to the evidence of close associates like Vladimir Gippius and Valerij Brjusov.¹ Recent Soviet scholarship has opened archival sources which throw light on the later phases.² Moreover, by tracing continued links with members of the educated circles he had abandoned, these studies offer new insights into the milieu of Russian modernism.

Among the Decadents and Symbolists who emerged in Petersburg and Moscow in the mid-1890s, Dobroljubov seems to have absorbed more juices from the movement's Western European sources than most of his Russian fellows. Along with superficial eccentricities of utterance, appearance, and behavior, he assimilated deeply the most extreme attitudes of Western Decadence, exemplified by Huysmans's *Des Esseintes*. Supreme individualism, rejection of the external world and withdrawal into one of his own making, infatuation with death as the ultimate step in that direction and at the same time the ultimate assertion of the individual will: these were the ingredients of Decadence as Dobroljubov understood and exemplified it. At the same time his poetry, as shown by his two earlier published books, *Natura naturans*. *Natura Naturata* (1895) and *Sobranie stikhov* (1900), evidenced at least to astute readers like Brjusov that he had diligently studied the formal literary lessons of the newest western poetry.

The complete reversal in Dobroljubov's external life when he left Petersburg in spring 1898 for a sojourn in the north woods stunned many of those who knew him. However, some who knew him best saw lines of continuity. "His distinguishing feature is this: in everything he goes to the extreme," wrote Brjusov in the summer of 1898. "And in this too he has gone to the extreme."³ From the perspective of another time and place it is less difficult to see the pattern: first the withdrawal from the external world into the self-made Decadent world of esthetics, drugs, imagination; then the complete physical and spiritual withdrawal from the external world of the Russian intelligentsia. Though the premises might change, both withdrawals were a challenge to the society in which he lived and to its culture. Together they showed a man who matched his actions to his beliefs. This image had a strong appeal in the most various quarters. It commanded the respect of Tolstoj; it gathered followers from the educated as well as the uneducated segments of society, longing alike for simplicity of life and spiritual clarity; it attracted in varying degrees those of his own caste, the Symbolist poets, some of whom saw in Dobroljubov's action the logical culmination of their own life strivings. By the year 1905, a year of revolution and spreading disillusion, there were more than a few to read with interest and curiosity, if not with total comprehension, Dobroljubov's distillations from the *Invisible Book*, "Iz knigi nevidimoj."⁴

Who was the man who for some was the avatar of his generation's spiritual wanderings? The fullest account of Dobroljubov up to the time of his departure from Petersburg is that of Vladimir Gippius. Published in 1914, well after Gippius himself had moved on to Orthodoxy and serious scholarly ways, it took a sober and sympathetic view of his former fellow Decadent. Dobroljubov's pilgrimage on foot from Petersburg to Olonec to Moscow, to the St. Sergius-Trinity Monastery, to the noted spiritual guide John of Kronstadt, his withdrawal to the Soloveckij Monastery, followed by years of preaching and proselytizing among the folk: all of this now seemed to Gippius "the most total, frenzied repentance" for his earlier life. It also seemed to him the reassertion of that exalted moral character, even to the point of mar-

tyrdom, inherited from Dobroljubov's father, who was in a sense a martyr to the social ideals of the sixties. Having written in some detail of Dobroljubov's transformation from schoolboy to Decadent poet, Gippius considered his second transformation and elaborated on Brjusov's earlier insight: ". . . For Dobroljubov, having gone in everything to the limits and beyond the limits, not out of voluptuousness, but from inner integrity—to the point of martyrdom, in no way pleasurable—there was one path, equally without restraint, in a completely opposite direction, and he left civilization which he had served in its maddest refinements; he departed from self-worship to the people."⁵

Gippius's view is clearly colored by his own later-found convictions and by affection for his former friend. Another view, less intimate but equally circumstantial, is that provided over a period of several years by Brjusov. Like Gippius, Brjusov had known Dobroljubov from his Decadent student days. Indeed, the visit of the two Petersburg Symbolists Dobroljubov and Gippius to Brjusov in June 1894 was a major event for the latter in establishing his own ideas on Symbolism. Anonymous publisher of and main contributor to the first small volume called *Russkie simvolisty*, the youthful Brjusov had boldly raised the flag for the new art in Russia. As potential recruits, Gippius and especially Dobroljubov turned out to possess a superior grasp of all that that implied. Brjusov was dazzled in particular by Dobroljubov's theory of literary schools, which seemed to him to change existing ideas about the evolution of world literature.⁶ He was less charmed by the pair's highhanded editing of contributions for the second issue of *Russkie simvolisty*. The alliance fell apart, but Brjusov's interest in and contact with Dobroljubov continued. In the summer of 1896 he sent him money to publish a book which never appeared. If this failure marked the beginning of Dobroljubov's crisis, Brjusov was as yet unaware of it. A letter in July 1898 told Brjusov that Dobroljubov had entered on a new phase. Yet it hardly presaged the total renunciation of the past that was in store. For Brjusov at that point Dobroljubov still, along with Konstantin Bal'mont, represented an ideal of esthetic withdrawal from the world which he had discarded but which still haunted him on occasion.⁷ He was hardly prepared for either the direction

or the enormity of the change. When Dobroljubov arrived at Brjusov's door on July 28 he was a man transformed. Not only had the pale face with burning eyes become healthily glowing, but the customary black garb had been exchanged for a red peasant shirt and his manner had become open, joyful and affectionate. Recanting his former views, Dobroljubov described his experiences of the last months of wandering and expounded his new creed. Fascinating as he found this glimpse of another spiritual and physical world, Brjusov was especially charmed by folk songs, formulae, and tales which Dobroljubov had gathered in the north and now recited with great effect. Though this was not a new interest, he had now imbibed folk culture *in situ*. Having actually lived in the hut of a professional *skazitel'*, he had recorded many of his epic songs.⁸ The Brjusovs were enthralled, especially Valerij's wife and his sister Nadežda, with whom Dobroljubov maintained contact over many years.

After this visit Dobroljubov left Moscow and, after a stay in Petersburg, went to the Soloveckij Monastery. After half a year as a novice there, he resumed his wandering. In March 1900 he wrote to Brjusov from the Orenburg province to solicit money and books for his new followers.⁹ At that time he was living in the house of Petr Orlov, a cossack. This Orlov refused military service at Dobroljubov's urging and was tried the following year with another cossack and Dobroljubov.¹⁰ Dobroljubov was sentenced to prison but in fact was only confined to the place. After a few months he notified the authorities he was leaving. He was arrested and returned to Petersburg. Here he was again threatened with arrest and exile, this time for blasphemy and breaking of icons. His mother rescued him by having him confined to a mental hospital. Visiting him there at the end of 1902, Brjusov found him ready to return to the life of the intelligentsia. Even the new poems he was writing sounded much like the old ones. "Was it worth going off to the Soloveckij Monastery and to the Urals in order to return five years later to the same old thing?"¹¹ Later, having returned to his preaching, Dobroljubov called this his time of temptation. Brjusov's subsequent cooling may have begun at this time. Nonetheless, a letter of August 1904 from Brjusov to Andrej Belyj demonstrates the kind of hold which Dobroljubov

had on the imaginations of former comrades at that point, a hold soon to be reinforced by the appearance of *Iz knigi nevidimoj*.¹² What we all lack, Brjusov wrote, is the will to heroic achievement, *podvig*. We thirst for this, yet we make excuses. "We meekly put on our suitcoats and meekly repeat words which have lost both their primary and their secondary meanings." Only Bal'mont in his lightheaded way and Dobroljubov have dared to do otherwise. "And I doubt that with Dobroljubov there are these shrieks of 'why!'"

A few months later Belyj too received a letter from Dobroljubov, followed by a visit. Though censuring him for using old "educated" words, Dobroljubov commended Belyj for his religious tendencies. "Brother, now is not the time for refined tricks with words and ideas, not the time for art; now is the time for prophesying about the imminent coming of a new earth and about faith and about nothing else. For the temple of faith will be all, the whole world!"¹³ Belyj wrote little about this visit, but Dobroljubov's example remained with him. He was also disturbed by the departure of a young friend and poet Leonid Semenov, who became a political activist under the influence of Dobroljubov's sister Maria and then a follower of Dobroljubov.¹⁴ "The theme of 'uxod' tormented me as it did Semenov," he wrote.¹⁵ Nor, he acknowledged, was he alone in this. Speaking of himself and Aleksandr Blok he added, "We talked about perhaps going away ourselves. But where? Into the 'big dark wood'? Dobroljubov went: but not Blok."

Blok's attitude toward Dobroljubov before 1905 was ambivalent. In a 1903 poem he portrayed him as a "sick boy," pathetically naive if lofty in aim. This attitude altered sometime after the year when *Iz knigi nevidimoj* appeared. Ioanna Matveevna Brjusov sent the book to Blok shortly after its publication. His reply, dated February 11, 1906, is revealing.¹⁶ He confessed to a changing attitude toward Dobroljubov and, quoting his earlier poem, acknowledged that it was based on current descriptions and one chance encounter. Now he was beginning to understand not only Dobroljubov's 1900 book but the whole "Dobroljubovian tendency." The "Invisible Book," he told Ioanna Matveevna, was something he "badly needed to have." In his article

“O sovremennoj kritike” (1907), Blok held up Dobroljubov as a kind of forerunner of a new movement which he saw developing in Symbolism. “There is something in it akin to the ‘going to the people’ of the Russian intelligentsia. It is not chance that we have before our eyes the activity of A.M. Dobroljubov, and not him alone; and that example points out sharply that the movement of Russian symbolism to realism began long ago, almost from the very birth of Russian symbolism.”¹⁷

Clearly it was not realism as a literary movement that was in question here, but a yearning in Blok and some of his peers toward simpler, more elemental links with the universe through their newly felt Russian roots. The year 1905 and the Russian Revolution of that time marked a spiritual revolution of sorts which led some of the cultured intelligentsia toward a kind of neopopulism. Early in 1908 Blok mulled a pilgrimage to the Volga, or to Olonec to the peasant poet Kljuev or the writer Prišvin, lately the author of two books on his wanderings in the northern provinces. “To the sectarians — into Russia,” he concluded his notes.¹⁸

It has been said that Dobroljubov simply anticipated the crisis of Symbolism by a few years.¹⁹ Obviously, in a period of uncertainty and spiritual turmoil, a man like Dobroljubov, who shared their upbringing and early cultural experiences yet escaped to another kind of existence, was a figure to draw the Symbolists’ attention. Symbolism held that life and art should be one. Dobroljubov was a man who joined his actions to his words. Of this the 1905 publication of *Iz knigi nevidimoj* was dramatic and timely evidence.

Beyond the Symbolists and their followers stood the figure of Tolstoj, drawn to Dobroljubov essentially for the same reason as they. The grandfather of all contemporary writers, Tolstoj had first given the example of withdrawal from cultured society and association of his life with the common people. True, his withdrawal was in many ways not so complete as Dobroljubov’s, and Jasnaja Poljana was a relatively convenient trip from Moscow or even Petersburg, so that his ties with cultivated people continued, though on a different basis. Despite the chronology it is not at all clear that Tolstoj’s example influenced Dobroljubov’s decision. The latter seems to have reached his conclusions about

what was required of him by different paths than those offered by Tolstoj. In spite of their common traits — rejection of organized religion and of secular institutions like the army, their belief in nonviolent resistance to evil and the value of physical labor — they differed strongly on points of practice. In particular Tolstoj rejected Dobroljubov's mysticism. Dobroljubov questioned Tolstoj's mode of life. Nonetheless, given Tolstoj's enormous spiritual prestige, it was nearly inevitable that Dobroljubov should at some time present himself at Jasnaja Poljana. This happened in August of 1903. Tolstoj immediately loved this "Christian-living man."²⁰ It was later reported that at their first meeting Tolstoj took him for a peasant sectarian and only subsequently understood his true identity.²¹ Shortly after this first visit Dobroljubov wrote a friendly but candid admonition to Tolstoj.²² Even before illness prevented his changing to a simpler manner of living, Tolstoj had remained in his comfortable house and had not given himself to physical labor. Dobroljubov begged him to explain his position publicly and correct the harmful impression this failure to live according to his teaching might have created. Tolstoj accepted criticism from the younger man, and their contact was maintained for several years. While reports from Dobroljubov's followers about the life of the sect did not always meet with Tolstoj's approval, he nonetheless sent them material aid and continued to regard their leader sympathetically. After their last meeting in July 1907 Tolstoj wrote in his diary, "One must not preach about the good [*blago*] while living in opposition to this teaching, as I live. The only way to prove that that teaching brings about the good is to live according to it, the way Dobroljubov lives."²³

Iz knigi nevidimoj, when it appeared early in 1905, thus found at least some potential readers who felt their own formulae for dealing with reality to be exhausted or at least inadequate. The book was addressed primarily to the author's former associates, the cultivated modernists of Moscow and Petersburg. It was published by Scorpio, the firm established in 1900 to make available to Russian readers the best of modern writing, Russian and Western. Scorpio's managing editor was Valerij Brjusov. Unlike

the 1900 *Sobranie stixov*, also published by Scorpio, this book did not consist of papers left behind with friends when Dobroljubov himself had retired to distant parts. Although Nadežda Brjusov was the chief (though unacknowledged) editor of the latest book, Dobroljubov probably took a direct hand in its shaping.²⁴ Certainly the messages to various parts of his audience were written very much to the minute. The book was intended as a compendium of Dobroljubov's teachings, evolved over the wandering years. At the same time it was a polemic with contemporaries and with the teachings which they took seriously. Finally it was written as a "history of the soul" in the manner recently made popular among the Symbolists by the poetry collections of Brjusov and Konstantin Bal'mont. Not surprisingly, then, it reflects both the author's previous literary culture and earlier work and his more recent religious preoccupations.

Iz knigi nevidimoj opens with a brief and simple statement describing the author's transition from the life of an educated man to that of a wandering prophet. Almost at once he begins his polemic. He contrasts the unity of spirit he found among the common people with the fragmentation of ideas and expression among the educated classes. Of the latter he says their language betrays them: "Where it is too fine, the thread breaks."²⁵ A central theme of the book and of his teaching as a whole is sounded in the introductory passage's title: "Of Language Without Artful and Learned Words." Indeed language as such provides one of the common threads uniting Dobroljubov's life experience. That it played an important role in the revolution in his life and thought is evident from his report to Brjusov of his first journey, when he lived among the peasants of the Olonec province.²⁶ It was their language apparently that led him into deeper knowledge of the simple people and thence to the simplicity of heart which he sought. Now he writes: "Formerly I knew many languages but did not know the one — the genuine language of the heart." [3] From many elaborate words and fragmented thinking, to unity of thought and simplicity of speech, to silent contemplation of the one all-embracing thought: this is the path he has followed and now exhorts others to seek. However, while less speech is better than more, speaking is sometimes necessary and useful. "Blessed

are those who remain silent [*molčalivye*], for they magnify God's mystery, blessed are those who are never silent [*neumolkajušče*], for they bear the lamp of the Word [*Slovo*]." [14] *Slovo* is a key word for Dobroljubov which he used in all its traditional richness of meaning. First *slovo* designates "the genuine language of the heart," expressing the truth he has grasped after discarding the language of educated men. Following the gospel usage *slovo* also designates his public message. Finally his use of *slovo* in some cases recalls the genre beloved of preachers in Old Russia to convey their lessons and exemplary narrative. Thus it links him to a vital Russian literary and religious tradition. Basically Dobroljubov's *slovo* is the visible, audible expression of the Invisible Book from which he reads and preaches the wisdom of God. Mere learned books, on the other hand, *učene knigi*, belong to that culture to which he returns only to admonish it or to learn from its errors how to protect his brethren. "Like a candle before the morning light" are these books in contrast to the "Endless, Free, Most Invisible Book." [144]

Dobroljubov also refers to his source as the book of life. This close kinship with life which replaced his earlier infatuation with death is expressed in words which may have given Pasternak his title: "Sestra moja — Žizn'." [54] Such expressions suggest possible indebtedness to the writings of St. Francis of Assisi. Two years after the appearance of *Iz knigi nevidimoj* Dmitrij Merežkovskij compared Dobroljubov with the saint in extravagant terms.²⁷ He recounted how one day he met Dobroljubov and a Tatar companion "Brother Stepan" on the street in St. Petersburg and brought them home with him. As Dobroljubov sat before him in contemplative silence, Merežkovskij felt uneasy. He wrote, "I did not doubt that I was seeing before me a saint. It seemed as if there shone around that bowed head as on an icon a golden halo worthy of Fra Beato Angelico." And, he exclaimed, "indeed, over five centuries of Christianity, who can be placed third beside these two — St. Francis of Assisi and Aleksandr Dobroljubov?" Merežkovskij must have been greatly helped in retrospect to this interpretation by the many passages in *Iz knigi nevidimoj* which express close communication with nature. The spirit and even at times the words recall *The Canticle of the Sun*

of St. Francis:

Blessed be Thou, my Lord, for the gift of all Thy creatures and especially for our brother, Master Sun, by whom the day is enlightened. . . .

Blessed be Thou, my Lord, for our sister the moon and the stars. . . . for my brother the Wind. . . . for our sister Water . . . for brother Fire, gay, noble and beautiful, untamable and strong. . . .²⁸

However, Dobroljubov's invocations again employ the theme of language. The seeker has heard the talk of the waves, the song of the stars, while the quiet rivers speak to him:

We will reveal to you the secret word:

Beasts and stones have their language,

But we are your unnamed brothers,

.....

And in the streams and in people is another language,

There is one language, all-embracing, penetrating. [58-59]

It would be interesting to know whether Dobroljubov encountered the writings of St. Francis during the winter before his withdrawal, when, still a student at St. Petersburg University, he wore penitential chains beneath his student uniform.²⁹ He knew them when he wrote to Brjusov in March 1900 to request copies for his followers. Whatever its origin, his sensitivity to the natural world developed during his Olonec travels to the point of justifying a new world view. Shortly after his return from that journey Vladimir Gippius found him meditating in a remote hideaway. "He told me briefly and with great emotion that 'gulls had instructed' him; when he was hunting and had taken aim, they flew low over his head and screamed their protests, and he understood that all his life he had been cruel."³⁰ During the Olonec stay peasants, evidently marking his way with beasts, begged him to bless their animals, and Brjusov, to whom he related this, noted the same trait during his visit to the Brjusovs' dacha in July 1898.

One possibly important pre-Olonec influence on Dobroljubov may have been another young poet, Ivan Konevskoj, who also celebrated the forces of life in nature in unconventional verse. Brjusov wrote of him in a posthumous article: "The natural blood-relationship of man with all forms of life on earth make

him the 'friend' not only of birds, beasts, and domestic animals, but of all nature. Konevskoj well knew the feeling of ecstasy before all manifestations of the life of the universe, before the splendor and radiance of the magical veil of Maya."³¹ Konevskoj was one of those to whom Dobroljubov entrusted his papers when he left Petersburg late in 1898.³² The value which the latter placed on his spiritual gifts is suggested in his 1905 letter to Belyj: "You are the successor to Konevskoj [who drowned in 1901], be a worthy heir. Forget his errors and select the best from him."³³ In his foreword to Dobroljubov's 1900 *Sobranie stixov* Konevskoj analyzed the spiritual path of his fellow poet turned "holy wanderer" as a natural development of his earlier exploits of will. It is possible that Dobroljubov rejected Konevskoj's conclusions, yet they are extremely suggestive. Konevskoj wrote of Dobroljubov's continual striving by the strength of his will to create a world beyond the strictly human range of thoughts and perceptions. He compared him to mystics of many religions:

Apparently, having abandoned literary creation, Aleksandr Dobroljubov has also set out on that path. But it must be supposed that, besides this road to re-creation of the world for himself, his will will require the restructuring of consciousness in other beings as well. It follows from his personality that he will move on from the struggle with the common animal, common human, and personal nature in himself to struggle with the common human and personal nature in other personalities. We here hail the future work of this great spirit, who at the dawn of his activity tried to accomplish that task in the creation of verbal beauty.³⁴

From reconstruction of his own nature to reconstruction of others' through the sole force of his will: this was the way a possibly kindred spirit described Dobroljubov's spiritual path. This interpretation of course kept Dobroljubov firmly in the Decadent camp, where he himself refused any longer to be classed. That Dobroljubov might have rejected this analysis is of course no necessary proof that it is incorrect. Juxtaposed to Merežkovskij's view, Konevskoj's essay indicates the enigma which Dobroljubov's personality and life offered to his contemporaries.

Iz knigi nevidimoj is divided into six sections which are at once

a record of his pilgrim's progress and a vehicle of his teaching. The first short section, as has already been discussed, describes the road by which he reached his present state and begs his former friends to reconsider their lives. The second, which bears the title of the book, is by and large a paean to universal love. The third, "Žertvennik iz zemli," expands upon the first. This "altar made of earth" on which his prayer is laid is made up of all his past life. The subtitles "Times of Doubt" and "Thou Hast Conquered, Galilean" summarize the story. The final piece in the first of these targets those who lead others astray: "Letter to the Editors of *The Balance*. Against Art, Science, the Final Word to My Former Like-Minded Colleagues." His "final word" is one of condemnation: "All your books, all your arts, all your science, all your education, all your cities and customs are one great desert." [87] The fourth section, "Dela i dni," relates to a special recent period in his life. Dobroljubov was incarcerated at various times, sometimes actually in prison, other times in mental hospitals. Whatever concrete experience is referred to, in "Diary of a Prisoner in 1904" he understands "that God again sent me a parable from the book of His Life." [109] His love of all things is reaffirmed, as is his belief that the prison of these present days will end for all in the transformation of this world. Dobroljubov shared with many sectarians a sense of living in the final days before a cataclysm. In this again he supported some of the moods of the cultured part of society that he left behind.

In the fifth section, "Iz issledovaniij," Dobroljubov returns to the twin tasks of elaborating his teachings and disabusing former associates of their errors. The subsection "Among Books" takes on thinkers past and present — Descartes, Leibniz, Mill, down to Nietzsche and Tolstoj. His method is not to consign all to hell-fire but instead to show where each has fallen short. Of particular interest is the passage addressed "to Sisters Ioanna and Nadežda Brjusov," two of the educated ones who are receptive to his truth. Reviewing contemporary writers for their true spiritual value he concludes that "closest of all the contemporaries [to the truth] are certain things of Maeterlinck." [160] In early days Dobroljubov loved this writer. Brjusov also, who very early translated Maeterlinck's *L'Intruse*, said of some of his essays: "Strange

— all this Unseen Goodness, Inner Beauty, etc., produces on me the impression of *hidden* poetry.”³⁵ The cult of silence in Maeterlinck touched Dobroljubov in both his Decadent and post-Decadent phases. But in his “Final Words” he renounced finally all these “visible” books. For “on visible [*vidimaja*] paper one will never express the Chief Truth and Mystery. Enter into the book of Life!” [202]

For both form and content of his last published book Dobroljubov drew on his wide reading of the world’s religious writings. Epigraphs appear from the Old and New Testaments, especially the prophets and the Apocalypse, from the Koran, the Zend-Avesta and more. Nor are secular sources disdained: Epicurus, Plotinus, Heraclitus appear beside Ruskin and Nietzsche and the little-known Russian thinker Fedor Šperk.³⁶ Most strongly felt, and not surprisingly, are connections with folk sources. Apocrypha are often cited. Poetic forms are sometimes demonstratively close to folk epic. Popular religious songs, possibly sectarian in origin, and traditional pilgrim chants seem to inform many pieces in the second and third parts of the book. Unrhymed rhythmic lines with traditional turns of speech (“*dobryj molodec*”) and patterns (“*A skažu ja vam pravdu istinu*”) [58], along with numerous more subtle features, bear witness to Dobroljubov’s affinity for and long experience of folk poetry. Nor did this taste postdate his *uxod*. Even his first book, *Natura naturans. Natura naturata*, evidenced it, and *Sobranie stixov* was rich in these features. Vladimir Gippius wrote that, in the height of his Decadent days, Dobroljubov knew the folksongs collected by the ethnographer P.N. Rybnikov almost by heart.³⁷ (We may wonder what the fact that Rybnikov’s work was done largely in the Olonec province had to do with Dobroljubov’s first journey there.) The interest of Brjusov and other Symbolists in folk culture and verse forms may have owed little or nothing to Dobroljubov, but once again a continuity in Dobroljubov’s life and a point of contact with his former associates emerges. A study of Dobroljubov’s poetic language, its sources and its possible links to that of other Russian poets, too specific a topic for treatment here, could be of considerable interest.

Whatever the continuities and contacts, Aleksandr Dobroljubov did in fact drop out of general view a few years after the publication of *Iz knigi nevidimoj*. Tolstoj was in touch with him at least indirectly until a few months before his death in 1910.³⁸ Ioanna and Nadežda Brjusov remained in contact with him for many years more. To Nadežda, possibly in the late twenties, he described the change in his way of life sometime in the war years which suggests as well the shift away from his role as sectarian leader. Before that time, in his sectarian days, he had always sought the hardest manual labor possible for moral reasons, pay being incidental. Subsequently he set about learning skills, and wages were more important. At the beginning of 1920 he fled the famine in the Volga area, his followers having dispersed or he having left them. He was now earning his way as itinerant housepainter and stove builder, and his travels took him into Siberia and Central Asia. His disillusionment with sectarians whom he encountered was apparently extreme. He avoided them after Siberia, he wrote. "All that was too close to me to subject myself to such rending of the spirit."³⁹ In 1930 Dobroljubov was in Azerbaijan, where he remained most of the time until his death, probably in early 1943. In the mid-thirties he attempted to return to literature by way of poems on current themes ("Workers' Thoughts"), which he commissioned Nadežda Brjusov to have printed in *Pravda* or sent to Romain Rolland. However, his new poetry met with no more success than did his effort to obtain through Bonč-Bruevič permission to live again in Leningrad.⁴⁰ Nonetheless he did travel to his native city for a prolonged visit to his sister Irina, and enroute he visited the Brjusov ladies in Moscow. During his Leningrad stay from May 1937 to the end of 1938 he earned money as a housepainter,⁴¹ but by the time war broke out he was back in Transcaucasia.

A letter purportedly written by Dobroljubov on August 24, 1940, answers some of the questions one might ask about his pilgrimage in its later stages.⁴² Over forty years after he assumed the role of wandering prophet and at least twenty years after he laid it down again, Dobroljubov seems to have reached a position which might be called Decadence tinged with anti-religious propaganda. The letter claims to have been written to two former

disciples, Tat'jana and Nikolaj Uzkov, and other former adherents, and it gives an account of his present state of belief. Dobroljubov now repents of his sect's earlier tendency toward external show and ritual (for which Tolstoj had reproached him). "I recognize the brotherhood even now, but not so strictly externally: anyone who approaches to all that is good is already in the brotherhood." But there has been a more fundamental change in his views: "I have abandoned any acknowledgement of a supreme being higher than the human personality." Any such acknowledgement now seems to him slavery. "The light which I perceived clearly with my inner sight, which I took for the light of some kind of special being — that was the light of my personality." Many will say this is betrayal. "But it is not betrayal. It is the final clearing of the roads. Superstition is terrible and shameful, and the most ancient of deceptions is always being reborn under thousands of new guises."

"I have plumbed these questions to the depths, weighed them. . . ." Yet at sixty-three he does not preach in the old way; he merely makes known what he feels his former followers should know. This is his new "word": "That which I have imparted is one of the chief ideas ['words' — *slov*] of my foundation now." His rejection of the printed word is a thing of the past; he even hankers to rejoin the world of "visible paper" again. The "Invisible Book" is no longer the mystery it once was. He has finally concluded that it is and has always been within him. Ivan Konevskoj would have felt his analysis vindicated.

NOTES

1. Vladimir Gippius, "Aleksandr Dobroljubov," in *Russkaja literatura XX veka. 1890–1910*, ed. S.A. Vengerov, vol. 1 (Moscow, 1914), pp. 272–287; Valerij Brjusov, *Dnevnik 1891–1900* (Moscow, 1927); Zinaida Gippius, "Kritika ljubvi," *Literaturnyj dnevnik 1899–1907* (St. Petersburg, 1908), pp. 43–63; Ivan Konevskoj, "K issledovaniju ličnosti Aleksandra Dobroljubova," in Aleksandr Dobroljubov, *Sobranie stixov* (Moscow, 1900; reprinted, Dobroljubov, *Sočinenija*, Berkeley, 1981).

2. K.M. Azadovskij, "Put' Aleksandra Dobroljubova," *Tvorčestvo A.A. Bloka i russkaja kul'tura XX veka. Blokovskij sbornik III*, ed.

Z.G. Minc et al. (Tartu, 1979), pp. 121–146; K.M. Azadovskij, “Blok i A.M. Dobroljubov,” *Tezisy I Vsesojuznoj (III) konferencii “Tvorčestvo A.A. Bloka i russkaja kul’tura XX veka”* (Tartu, 1975), pp. 96–102; E.V. Ivanova, “Odin iz ‘temnyx’ viziterov,” *Prometej*, vol. 12, pp. 303–313; Ivanova, “Valerij Brjusov i Aleksandr Dobroljubov,” *Izvestija Akademii nauk SSSR. Serija literatury i jazyka*, vol. 40, no. 3 (1981), pp. 255–265. There has been little written on Dobroljubov in English. Studies which can be mentioned are: Franklin D. Reeve, “Dobroljubov and Brjusov: Symbolist Extremists,” *Slavic and East European Journal*, vol. 8, no. 3 (Fall, 1964), pp. 292–301; Jean Laves Hellie, “Aleksandr Mikhailovich Dobroliubov,” *The Modern Encyclopedia of Russian and Soviet Literatures*, ed. Harry B. Weber, vol. 5 (Gulf Breeze, Fl.: Academic International Press, 1981), pp. 182–189; Joan Delaney Grossman, “Aleksandr Dobroljubov: The Making of a Decadent,” in Dobroljubov, *Sočinenija: Natura naturans. Natura naturata. Sobranie stixov. Iz Al’manaxa “Severnye cvety” na 1901, 1902, i 1903 g.* (Berkeley, 1981), pp. 7–18. 3. Brjusov, pp. 42–43.

4. The meaning of this term in Dobroljubov’s usage will be discussed below. The irregular stress on “nevidimaja,” carefully specified in the text, is likely a dialectal or substandard one. It does not appear in Vladimir Dal’, *Tolkovyj slovar’*, second ed. (Moscow-Petersburg, 1881), where the closest form is “nevidím, nevidímka,” an object which is present but not seen. (Vol. 2, p. 520.)

At presumably about the same time this book was published, a hectographed collection of Dobroljubov’s favorite selections from a wide range of sources, religious and secular, was prepared for private circulation in Moscow but was quickly suppressed by the censorship. Its title was *Moi večnye sputniki*. (Azadovskij, “Put’,” p. 133.) The epigraphs in the present book indicate the sources represented in that collection.

5. V. Gippius, p. 286.

6. Brjusov, p. 17. Brjusov headed his diary account of the visit “The Week of Symbolism.” Using archival material Ivanova elaborates on this incident and its immediate aftermath.

7. This relationship is treated extensively in my forthcoming book, *Valery Bryusov and the Riddle of Russian Decadence* (University of California Press).

8. Azadovskij, “Put’,” p. 136.

9. The text of this letter, given below, is from the copy made by Brjusov for Vladimir Gippius. The letter is marked as arriving in Moscow March 9, 1900. It is found in the Gippius archive, Institut ruskoj literatury (Puškinskij Dom), fond 77, ed. xr. 9.

Брат Валерий

Во имя блага народного вышлите для меня гражданскую Библию, сборник древних христианских апологетов, собрание сочинений «мужей апостольских», «ученье двенадцати апостолов» кажется К. Попова или иное — только был перевод рукописи.

Чтоб совершилось благословенье ваше шлите скорей святую милостыню уже не мне для засева двух десятин р. 12 очень бедному верному мне сильно жаждущему.

Буду тут недолго, не спрашивайте, не пишите о мире вашем, все совершится благословеньем Вышнего. Не сообщите никому что я жил тут, чтоб случайно чрез друзей не дошло до родных: Я везде в опасности сумасшедшего дома.

Ваш будущий брат

Александр Добролюбов

Пр. Вышлите еще непременно дешевые издания Посредника — жизнь древних христиан, Франциск Ассизский, Иван Гусь (несколько книг каждой).

Не пишите мое имя в адресе.

These requests indicate some of the sources and the direction of Dobroljubov's teaching. In particular they point to his interest in writings dating from early Christian times and especially in apocrypha. The "ancient Christian apologists" were writers of the second and third centuries A.D., notable for defending the faith against pagan adversaries. "Muži apostol'skie" was the name applied from the seventeenth century on to five, and later seven, writers directly connected with the twelve apostles. Their writings stressed the imminent second coming of Christ. The "Učen'e dvenadcati apostolov," or *Didache*, was a collection of writings thought to date from the end of the first century A.D., which disappeared and then reemerged in the 1870s. The Russian translation, indeed the work of Popov, was published by the Kiev Theological Academy (*Trudy*, 1884). It was often published together with the writings of the Apostolic Fathers (*Polnyj pravoslavnyj bogoslovskij ènciklopedičeskij slovar'* [Spb., 1913; reprinted, London: Variorum, 1971], vol. 1, cols. 208-209; vol. 2, col. 2217; Johannes Quasten, *Patrology*, vol. 1 [Utrecht-Antwerp, 1966] pp. 29-43, 186ff.).

10. Azadovskij, "Put'," p. 131, has an account of this trial. See also Brjusov, p. 116 passim, for details concerning Dobroljubov upon his return to Petersburg.

11. Brjusov, p. 130.

12. *Literaturnoe nasledstvo. Valerij Brjusov*, vol. 85 (Moscow, 1976), pp. 378–379. Brjusov's cooling during these years was no doubt encouraged by family reasons. His favorite sister Nadežda and his wife Ioanna Matveevna had been greatly attracted by Dobroljubov and his teaching from the time of his July 1898 visit. Nadežda followed his example so far as to live for periods of time in the north among sectarians; Ioanna Matveevna confided to him her desire to leave her present life. (Azadovskij, "Put'," p. 142, n. 77.)

13. Azadovskij, "Put'," p. 139. Belyj's account of the visit is contained in his autobiographical *Načalo veka* (Moscow-Leningrad, 1933; reprint, Chicago, 1966), pp. 365–366.

14. Semenov's autobiographical notes written in the 1910s have been published by Z. Minc: "Grešnyj grešnym. Zapiski," *Učenyje zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta*, 414, *Trudy po ruskoj i slavjanskoj filologii XXVIII. Literaturovedenie* (Tartu, 1977), pp. 108–146 (first part).

15. Belyj, p. 302.

16. Aleksandr Blok, *Sobranie sočinenij v 8-i tomax* (Moscow-Leningrad, 1960–1963), vol. 8, pp. 150–151. The poem "A.M. Dobroljubov" (vol. 1, p. 275) was originally entitled "Odnomu iz dekadentov."

17. Blok, vol. 5, p. 206.

18. Blok, *Zapisnye knižki 1901–1920* (1965), p. 131.

19. Azadovskij, "Blok i Dobroljubov," p. 97.

20. L.N. Tolstoj, *Polnoe sobranie sočinenij* (Moscow-Leningrad, 1928–1958), vol. 54, p. 191.

21. D.S. Merežkovskij, "Revoljucija i religija," *Russkaja mysl'*, 1907, no. 3, part 2, p. 26.

22. Tolstoj, vol. 54, p. 532.

23. Tolstoj, vol. 56, p. 47.

24. Azadovskij, "Put'," reports that Nadežda Brjusova prepared the edition (p. 135). Ivanova, "Dobroljubov i Brjusov," shows Dobroljubov living in the Brjusov house in February 1905 (p. 264).

25. *Iz knigi nevidimoj*, p. 4. References to this book will be given hereafter in the text. This French proverb was known to Russian readers as the title of a play by Turgenev.

26. Brjusov, pp. 41–46.

27. Merežkovskij, pp. 27–28.

28. *The Writings of St. Francis of Assisi* (London: Burns & Oates, n.d.), pp. 118–119.

29. V. Gippius, p. 285.

30. V. Gippius, p. 285.

31. Brjusov, "Mudroe ditja," *Sobranie sočinenij v 7-i tomax* (Moscow, 1973–1975), vol. 6, p. 244.
32. Brjusov, p. 58.
33. Azadovskij, "Put'," p. 139.
34. Ivan Konevskoj, "K issledovaniju ličnosti Aleksandra Dobroljubova," p. [127] 7.
35. Brjusov, p. 24.
36. Fedor Šperk died in 1897 at the age of 26, having already written several serious philosophical studies. He produced a strong impression on contemporaries like Brjusov, though perhaps less for his philosophical writings than for his short pieces of literary criticism and his personality. Brjusov, p. 31, and excerpts from obituary by V.V. Rozanov, quoted in Brjusov, pp. 155–156.
37. V. Gippius, p. 282.
38. In a letter to Leonid Semenov dated July 18, 1910 Tolstoj mentioned a recent visit by two friends P.P. Kartušin and N.G. Sutkovej, both of whom had fallen under Dobroljubov's influence. "They talked a great deal about Dobroljubov and his close friends." Tolstoj, vol. 82, p. 76.
39. Ivanova, *Prometej*, p. 312; also quoted in part by Azadovskij, "Put'," p. 145.
40. Azadovskij, "Put'," p. 146.
41. This was told me by D.E. Maksimov.
42. Ivanova, *Prometej*, p. 312. Unfortunately Ivanova gives no source for this letter. The last footnotes of her article are missing, which leaves in doubt whether this was an error or a deliberate omission. It is nonetheless offered as partial evidence because of the other attested signs of a change of heart in this direction.

АЛЕКСАНДРЪ ДОБРОЛЮБОВЪ
ИЗЪ КНИГИ НЕВИДИМОЙ

1

О ПРЕЖНЕМЪ

О ЯЗЫКЪ БЕЗЪ ХИТРЫХЪ И УЧЕНЫХЪ СЛОВЪ.

ПРЕДУПРЕЖДЕНІЕ КЪ НАЗЫВАЕМЫМЪ ОБРАЗОВАННЫМЪ ЛЮДЯМЪ.

Настоящее образованье одно—по образу Божию.

Я человекъ, воспитанный въ называемомъ образованномъ обществѣ, но Богъ поставилъ меня на другую дорогу. Нѣсколько лѣтъ я провелъ въ уединеніи и въ духовной пустынѣ, въ исканьи и трудѣ и молчаньи среди молчаливаго трудящаго народа. Дѣтскими, можетъ быть, для многихъ смѣшными шагами я ступилъ на путь вѣры и дѣла, на искренній путь мой.

Живя среди всѣми презираемыхъ людей я услышалъ ихъ простой глубокой языкъ и увидѣлъ, что онъ можетъ высказать все такъ-же и еще лучше, чѣмъ сухія слова образованныхъ.

Въ народѣ я нашелъ тѣ же глубокія разумѣнья, тѣ-же чувства. Даже я увидѣлъ, что настоящее сокровище еще болѣе скрыто, чѣмъ думаютъ, потому что въ истинно великихъ людяхъ глубочайшее смиренье. Такъ какъ они нежелали быть рабовладѣльцами, то оставались рабами, но важность достоинства проникаетъ всѣ и малѣйшія дѣла ихъ.

Прежде я зналъ много языковъ, но не зналъ одного — истинно сердечнаго. Когда я встрѣтился опять съ тѣмъ обще-

ствомъ, которое называетъ себя образованнымъ, и рѣчи и чувства и книги ихъ были мнѣ тяжелы. И по истинѣ глубоко паденье слова человѣческаго. Гдѣ Исайя, гдѣ древніе пророки высказывали одну всеобъемлющую мысль, все обнимающую какъ молнія отъ востока до запада, тамъ современные люди эту-же мысль раздѣляютъ на сотни мыслей, на тысячи доказательствъ и въ концѣ концовъ приходятъ къ тому-же. И это еще хорошо если приходятъ. Вѣдь дѣлать нѣтъ конца! Это ли называется ходомъ впередъ?

Гдѣ слишкомъ тонко, тамъ всегда рвется.

Соединенье, соединенье — вотъ слово, которое я нашелъ въ народѣ. вмѣсто раздѣленья соединенье всего, вмѣсто сухого разсудка всеобъемлющее духовное устремленье, вмѣсто изученья частей, вмѣсто рабства отдѣльных частныхъ наукъ—вѣра, все творящая, дающая мѣсто свое и изученью видимаго міра и дѣлу и тѣлеснымъ трудамъ, но главное — соединенье и вѣра. И тогда только наука частей становится не идоломъ, а только такимъ-же необходимымъ и неглавнымъ дѣломъ какъ всякое полезное ремесло. А то, что вы называете творчествомъ и искусствомъ и красотой, что вы такъ обожаете, этотъ творческій духъ и безъ вашихъ дрожащихъ заботъ наполняетъ весь міръ и творить только въ храмѣ и жизни, а не въ мертвыхъ стѣнахъ. Какъ малъ законъ Моисея предъ благодатью, такъ мала и теперешняя наука предъ грядущей наукой вѣры и сильной любви.

Но долго еще современные народы будутъ идти путемъ одного совопросничества и сомнѣнья и раздѣленья.

2

Не злословь никого даже въ домъ твоемъ
ибо птица небесная перенесетъ голосъ твой.
изъ притчъ Соломона.

Какъ исповѣдь примите, братья, это слово. Простите меня злые и добрые, высокіе, низкіе, знакомые и незнаемые, мужчины и женщины, дѣти и старцы, до кого достигала зараза моя, и кого не достигла, друзья и враги, забывшіе и помнящіе меня, ненавидѣвшіе и любившіе и смѣявшіеся надо мной, простите меня, идущіе путемъ чистоты и развратники и убійцы, заключенные въ дальнихъ тюрьмахъ и каторгахъ. Прости меня, всякая тварь, и звѣри и скоть, свободныя птицы, горы, и вѣчные холмы земли, небеса спокойно сіяющія, простите меня, сестры травки, когда я лежалъ въ іюньскіе дни среди вашего храма, васъ обижая. Тяжелыми благовоньями дышитъ степь, а моя привычная ко злу рука неизвѣстно зачѣмъ обрываетъ ваши тихіе листики. Простите меня, и ангелы и всѣ непокорные Богу возставшіе духи, всѣ демоны, зачѣмъ столько времени былъ я вашимъ помощникомъ, помогалъ вашему ослѣпленью?

Ибо мы всѣ одно тѣло. Одинъ тайный грѣхъ, одно самое тайное злое дѣло, одно самое тайное злое слово прибавляетъ тяжести всѣмъ и ярмо на всѣхъ сынахъ Адама и на всемъ мѣрѣ дѣлается еще тяжеле. И одно самое тайное доброе дѣло, одно самое тайное чистое слово молитвы прибавляетъ радости всѣмъ и всѣмъ становится легче итти.

Господи, прости меня. Грѣхи забвенья моего удали отъ меня. Не возлагай на насъ грѣховъ отцовъ нашихъ, Самъ —и наши и ихніе—все прими. Для того положилъ Ты покаянье и исповѣдыванье предъ всѣми, потому что мы предъ всѣми виновны.

II

ИЗЪ КНИГИ НЕВИДИМОЙ

Онъ не требуетъ Себѣ рабскаго поклоненья,
Но это жизнь наша—идѣиЕ Его;
Повторяйте Священное Имя,
Ходите предъ лицомъ Его.

Отъ дѣтства пѣсни рождались въ сердцѣ моемъ. Когда я вступилъ на путь покаянья, нѣсколько лѣтъ удерживалъ я уста свои. Однажды открылись они, я не могъ запретить имъ, я запѣлъ зимой среди лѣса на пустынной дорогѣ. Теперь я узналъ, что это была не столбовая дорога, а только проселокъ. Но это одинъ изъ самыхъ прямыхъ и удобныхъ проселковъ, можетъ кого-нибудь вывести онъ на большую дорогу. Иногда безъ проселка не выйдешь никакъ изъ глухого угла.

Всѣ эти пѣсни рождались готовыми во всеоружьи въ сердцѣ моемъ, онѣ отпечатались въ сердцѣ моемъ, поэтому я запомнилъ ихъ. Нѣсколько лѣтъ я жилъ съ одной книгой жизни жизнью вѣры и дѣла и я пѣлъ все, что пѣлъ, только для самыхъ близкихъ братьевъ моихъ и для Бога, я никогда не подумалъ бы, что я напечатаю ихъ или даже запишу на бумагѣ, я никогда не предполагалъ возвратиться къ писанью. Но теперь я возвращаюсь и къ книгамъ и признаю васъ, мудрецы всѣхъ временъ, священныя чистыя книги всѣхъ временъ, всѣхъ народовъ! Я увидѣлъ, что и книга одно изъ прекрасныхъ непримѣрныхъ чудесно-таинственныхъ орудій въ новыхъ народахъ, она достигаетъ и низкаго и дрожащаго и высокаго и надменнаго.

1

И конецъ всего—Онъ есть Все.
изъ книги Іисуса сына
Спрахова.

Пою царство неизмѣнное неколебимое
Царя Безконечнаго
Древняго и Мудраго,
Котораго никто непринимаетъ,
Котораго страшнаго имени никто не знаетъ,
Котораго никто невидитъ,
Котораго чистаго голоса неслышать даже ангелы,
Но повинуются Его повелѣньямъ.
Имя Его—Одинъ и Все,
Онъ Самъ въ Себѣ и все во всемъ.
Кто какъ Онъ всегда и вездѣ и нигдѣ?
Онъ выше всякаго времени,
Онъ выше всякой любви
И всякаго слова и разума человѣческаго.
Онъ—Слово Слова
И Разумъ разумовъ.
У Него разумъ,
У Него слово,
У Него царство,
У Него сила,
У Него слава,
У Него дѣло.
Ты открылъ тайнѣйшее имя Твое сынамъ человѣческимъ
И отъ руки ихъ принимаешь вѣнецъ головъ Своей.

Братья, Онъ родился въ насъ какъ въ вертепѣ разбойномъ,
Какъ пастухи мы Его Одного не знали,
Золотымъ богамъ гордо всѣ поклонялись,
Какъ ученые волхвы долго напрасно искали,
Самъ открылъ намъ миръ и сразу узнали,
Но несразу нашли всѣ дорогу прямую..
Никого не зовите Отцомъ кромѣ Бога!

Братья, скажите миръ ближнимъ и дальнимъ.
Я вѣрный ученикъ Господень,
Въ простотѣ заповѣдъ исполняю,
Не гнушаюсь на трудной землѣ низкаго дѣла,
Духомъ Святымъ Истинѣ поклоняюсь,
Дѣлаю миръ, а свободу открываю...
Купите даромъ тайну, камень многоцѣнный!

Народы, покайтесь и примите прощенье!
Огня всѣ примите и страстную чашу испейте!
Нѣтъ на землѣ другого добраго слова!
Не увидите Бога безъ братьевъ!
Вотъ открыты двери народу святому:
Идутъ искупленные—избавленные Богомъ.
Они на вѣкъ—на твердомъ камнѣ многоцѣнномъ.

3

Учитель Невидимый, Сынъ Бога Живого,
 Изъ міра наружной тьмы въ міръ невидимый Твой уведи
 Къ чистымъ рѣкамъ, водамъ живымъ Твоимъ.
 Горы Твои — судьбы Божьи!
 Тамъ Сіонъ, гора горъ земли и небесъ!
 И надъ нами благословенье неба невидимаго,
 А за небомъ небо небесъ, въ которомъ Самъ Богъ.
 Звѣзды на небѣ — цвѣты на землѣ.
 И намъ указаны звѣздные пути неизмѣнные среди звѣздъ и цвѣтовъ.
 Вращаемся по вѣчнымъ кругамъ съ пѣснью святой неизмѣнной одной!
 Принимаю изъ руки Твоей всѣ дѣла свои,
 Неотвергаю никакъ всякую великую волю Господню.
 Благодаренье Богу за неизрѣченный даръ Его!

4

Вечерняя.

Смерть, гдѣ твое жало?
 Адъ, гдѣ твоя побѣда?
 Спла-же смерти грѣхъ,
 А жало грѣха законъ.

пѣсь писаній Павла Тарсалина.

Крестъ Твой, Господи, выше звѣздъ,
 Выше неба невидимаго,
 Выше всякаго царства разума человѣческаго.
 Душу Свою положилъ Ты за насъ
 И Духъ явилъ въ ночь преисподнюю,

Но тлѣнье и смерть немогли побѣдить Начальника жизни,
Ибо имъ невозможно было удержать Его.

Гдѣ твое жало, смерть?

Бездна, гдѣ твоя побѣда?

Свободно открылись уста мои на враговъ моихъ..

Слава Сидящему на престолѣ и Сыну Человѣческому,

Слава зарѣ вечерней

Свѣта Незаходимаго!

5

ВОСКРЕСНАЯ ПѢСНЯ.

Радуйтесь, дѣти, Адамъ воскресъ:
Отецъ сошелъ на землю нашу,
А Сынъ на небеса вознесся
И Духъ все наполняетъ
—Земное и небесное,
Видимое и невидимое.
Крестомъ Его все примиряется
И новое вино проливается.
Свидѣтельствуешь Духъ и кровь:
Адамъ воскресъ, Адамъ воскресъ!

6

блаженны робкіе, ибо только они будутъ мужественны,
блаженны любящіе, ибо они возлюблены будутъ,
блаженны гонимые, ибо ихъ гонять прямо въ царство небесное,
блаженны молчаливые, ибо возвышаютъ тайну Божью,
блаженны неумолгающіе, ибо носятъ свѣтильникъ Слова,
блаженны обличающіе, ибо они старшіе братья народовъ,
блаженны побѣждающіе, ибо только имъ откроется путь непо-
бѣдимый,
блаженны бодрствующіе неусыпающіе, ибо Самъ Бодрствующій
за нихъ бодрствуетъ,
блаженны радующіеся, ибо такъ будетъ радоваться о тебѣ
Богъ твой,
блаженны сочетающіеся съ братьями и Богомъ, ибо это тайна
великая,
блаженны молящіеся другъ за друга, ибо Самъ Богъ молится
о всѣхъ и за все.
Имя Его—Молитва Безконечная и Благословенье Всемірное.

7

Мудрость Человѣка вознесетъ голову его
И посадитъ его среди собранья
И будетъ онъ удивимъ предъ царемъ
И предъ вельможами, сынами его.
Слуги царя будутъ служить ему
И сядетъ онъ какъ царь предъ лицомъ царя царей,

Сядетъ какъ Сынъ на престолѣ Бога Отца.
За то, что покорился единому
Мудрому неизмѣнному,
Возлюбилъ его всѣмъ сердцемъ какъ сынъ.
Слава Отцу и Сыну въ вѣка вѣковъ!

8

Какъ вождѣнны всѣ дѣла Его,
Хоть мы можемъ видѣть ихъ только какъ искры!
А громъ могущества Его кто уразумѣетъ?
Только тотъ, кто закрываетъ глаза отъ стѣнъ плоти наружной,
Кто говоритъ истину въ сердцѣ своемъ.
Онъ услышитъ языки незнакомые,
Дивные міры откроются ему,
Живые законы, живые ангелы будутъ жить въ сердцѣ его,
Расширилось сердце его,
Ты вложилъ цѣлый міръ въ сердце его
— И видимый и невидимый..
Слава Отцу и Сыну въ вѣка вѣковъ!

ПРОЩАЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

Гдѣ одинъ или два во имя Божье, тамъ всѣ
братья наши—сейчасъ живущіе и всѣ прежде
умершіе.

изъ Книги Невидимой.

Прощай, мой добрый другъ, прощай!
Богъ проститъ всякую плоть, прощай!
Кто разрушитъ дружбу, которая въ Богѣ Живомъ?
Всякій разъ преломляя хлѣбъ, меня вспоминай.

Стой въ истинѣ и приду къ тебѣ и буду съ тобой,
И придемъ къ тебѣ, всѣ будемъ съ тобой.
Вечеруемъ семьей за однимъ безконечнымъ великимъ столомъ.
Привѣтствуютъ васъ всѣ святые земли и небесъ!
Привѣтствуйте всѣ другъ друга лобзаньемъ святымъ!

«Забудешь ли ты меня, десница?»

«Забуду ль я тебя, десница,

Украшенье на правой рукѣ моей?

Забвена будь моя десница!

Стѣны твои всегда предъ глазами моими:

Я написалъ тебя на правой рукѣ моей.»

«Забуду ль я тебя, десница,

Прекрасный городъ Ерусалимъ?

Я обиталъ въ тебѣ какъ въ Ерусалимѣ,

Цѣлый міръ видалъ я въ сердцѣ твоемъ.»

10

ПРЕДСМЕРТНЫЯ СЛОВА ХРИСТА.

Тогда Онъ сказалъ: „Не бойтесь, что Я погибну. И не бойтесь силы смерти. Радуйтесь, ибо Я побѣдиль вселенную. Я буду жить.“

изъ новонайденныхъ отрывковъ Евангелія отъ Египтянъ.

Не бойтесь, что я погибну
И силы смерти не бойтесь, друзья!
Погибель моя—спасенье,
Погибель моя—любовь,
Погибель моя въ спасенье,
Погибель моя въ любви.

Я непремѣнно погибну,
Я на то жизнь положилъ,
Идите къ освобожденью,
Имѣйте миръ ко мнѣ,
Идите къ освобожденью
Имѣйте миръ во мнѣ.

Я побѣдившій вселенную,
Знающій торжество.
Даю вамъ имя братское,
Даю вамъ сердце единое.
Я живу и буду жить!
Имѣйте сердце братское,
Имѣйте Имя Единое,
Я живу и буду жить.

11

Въ часъ тотъ умрутъ люди и
звѣри и ангелы.
изъ словъ Магомета.

Нѣтъ! мы не умремъ какъ человѣки
И не будемъ на землѣ князьями,
Но будемъ царями Богу,
Съ Богомъ будемъ богами.

Тогда не будетъ у насъ другого знанья
Кромѣ того, что мы дѣти Божьи.
Исчезнетъ видимое и все невидимое,
Благословенъ Единный Покой!

Имя Его Отецъ мировъ!
Благословенъ Единный Покой!

Прощайте, птички, прощайте, травки,
Васъ невидать ужъ долго мнѣ.
Иду въ глубокія темницы,
Въ молитвахъ буду и постахъ.
Иду въ глубокія темницы,
Въ молитвахъ буду и постахъ.

Я другъ былъ всякой твари вольной
И всякую любить желалъ,
Я поднялъ примиренья знамя,
Я объявилъ свободу вамъ.
Я поднялъ примиренья знамя,
Я братьями скотовъ считалъ.

Но вы живите и молитесь
Единому Творцу вѣковъ,
Благовѣстите миръ другъ другу
И забудьте обо мнѣ.
Благовѣстите миръ другъ другу
И забудьте обо мнѣ.

Прощайте, птички, прощайте, травки,
Васъ невидать ужъ долго мнѣ,
Иду въ глубокіе подвалы,
Въ молитвахъ буду и постахъ.
Иду въ глубокіе подвалы,
Въ молитвахъ буду и постахъ.

ВЪ ЗАКЛЮЧЕНЬИ.

Вы дозорцы мои строгіе,
Вы милѣй мнѣ отца-матери,
Стѣны вы мои высокія,
Я невижу васъ и радуюсь.
Тюрьмы вы мои печальныя,
Въ васъ живетъ и красно солнышко,
Ходить въ васъ и красно солнышко,
Часть звѣзды загораются,
Съ навечерья до полуночи
Заряпицы закатаются.
Часть звѣзды разгораются..
Вы товарищи безумные,
Вы мудрѣй прегордой мудрости,
Вы страданьями измучены,
Къ мудрой нѣжности приучены.
Вы рѣшеточки темничныя,
Вы запоры ли дубовые,
Я за вашими охранами
Какъ за крѣпостями царскими
Словно царь живу и радуюсь,
Словно царь хожу и радуюсь.

Тебя призываю, Всесильный,
Тебя призываю, Всевышній,
Тебя призываю, Всеединый!
Имя Твое—Свобода.
Благослови всякое заключенье,
Благослови и всякое освобожденье.

14

Не унывай, не унывай, душа моя,
Уповай, уповай на Вѣчнаго.
Ты видишь, Господинъ, печаль мою,
Ты кого пришлешь утѣшить меня
Иль ангела иль архангеловъ
Иль Самъ сойдешь, Владыка мой?

А я овца Твоя заблудшая,
Отъ Твоего стада осталась я.
Меня враги изловляютъ,
На свои пути наставляютъ
И свои сѣти разставляютъ
И своими сѣтьми уловляютъ.

О Богъ Живой Избавитель,
Избавь меня отъ тѣхъ сѣтей,
Отъ тѣхъ сѣтей изъ вражескихъ,
Заставь меня любить Тебя,
Наставь меня на путь Твою,
На путь Твою на истину.

Вы шепните мнѣ, братцу вашему,
— Цвѣтутъ цвѣтики жарче солнышка—
Побесѣдуемъ. братцы цвѣтики,
Вы о чемъ призадумались, затуманились?
И зачѣмъ во снѣ застоялись вы?
Скоро ль кончится сонъ земныхъ вѣковъ?
Отчего годъ за годомъ идетъ какъ вода течетъ?
Что не рветесь вы къ свѣту Божьему?

Не бѣгите вдаль, зайцы прыткіе!
Разскажите мнѣ, звѣри дикіе,
Звѣри дикіе, камни горные,
Камни горные, рѣки тихія, воды чистыя..

Такъ скитаюсь я по тюрьмѣ своей,
Жду отвѣта съ тюрьмъ, гдѣ товарищи.
А и въ тюрьмахъ тѣхъ я и самъ бывалъ,
Былъ царемъ и рабомъ во всѣхъ дольнихъ странахъ,
Камнемъ въ нѣдрахъ горъ я вѣка лежалъ
И на той-же горѣ я какъ левъ рычалъ
И на той-же горѣ листвою осѣнялъ
И на той-же горѣ человекомъ рыдалъ.
Скоро ль кончится сонъ земныхъ вѣковъ?
Что не рветесь всѣ на свободушку?
Аль забыли свою волюн волюшку?

16

Чаща лѣсная,
Гдѣ бродятъ отшельники
— Радость моя!
изъ пѣсень Будды - Гаутамы.

Миръ вамъ, о горы!
Молчанье ночи
— Сила моя.
Молитва единая,
Имя Единое
— Скала моя.
Чаща лѣсная,
Гдѣ бродятъ отшельники,
— Радость моя.
Гдѣ прыгаютъ зайцы,
Гдѣ горныя козы,
— Земля моя.
Сны и видѣнья—
Призраки міра
И міръ невещественный
— Борьба моя.
Цѣпи, дороги,
Тюрьмы, свобода
— Судьба моя.
Рубище странника,
Въ немъ алмазь драгоцѣнный
— Тайна моя.

17

ИЗЪ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИХЪ ЦЕРКОВНЫХЪ ПѢСЕНЪ.

Не умру, но живъ буду
И скажу дѣла Господни.
Образъ я невещественной Твоей славы,
Хотя язвы ношу прегрѣшеній.
Ущедри, ущедри Твое создавье, Владыко,
Чтобъ опять по подобью
Древней добротой возобразиться,
Рая опять жителемъ меня сотворяя.

18

Братъ, возрадуются стѣны темницы
И расцвѣтутъ и оживутъ
И покроются тысячами зеленыхъ листьевъ
И облаками золотыхъ цвѣтовъ.
И побѣдитъ храмъ нерукотворный
Храмъ рукотворный
И весь видимый міръ.
И раздвинутся стѣны
И откроется небо

И дохнетъ вѣтеръ Божій,
Вѣянье тонкой прохлады.
И придутъ всѣ братья наши и скажутъ:
И ты сталъ какъ одинъ изъ насъ!
И сядемъ на деревѣ жизни.
И дадутъ тебѣ поцѣлуй любви безконечной всѣ души Божьи
И откроется брачный пиръ,
Котораго радость доносится даже до этого міра,
Потому что сильна какъ смерть любовь,
Люта какъ преисподняя ревность.
Положи меня какъ печать на сердце твое,
Какъ перстень на правую руку твою!
Потому что сильна какъ смерть любовь,
Люта какъ преисподняя ревность,
Непобѣдимы какъ жизнь волны свѣта
И звѣзды проникають чрезъ самыя толстыя стѣны темницы.
Братъ, предъ Богомъ Живымъ наши темницы
И годы и столѣтья и вся земля
Только туманъ ранній утренній,
И взойдетъ солнце правды вѣковъ!

Открою уста въ гаданьи,
Произнесу въ подобьи сокровенное,
Отъ созданья міра повелѣнное.
Покоряйтесь, горы могучія,
Отвѣчайте, звѣри дикіе,
Слушайте народы,
Растите, растите, цвѣты весенніе!
Выросло дерево горчичное
Изъ сѣмени малѣйшаго,
На вѣтвяхъ его два ангела встрѣчались.
На нихъ одежды прозрачныя,
Брони могучія гіацинтовыя,
За плечами крылья радужныя...
Первый юноша на колѣна сталъ,
Скинулъ шлемъ серебрянный,
На челѣ имя тайное,
Котораго никто не знаетъ,
Кромѣ того, кто получаетъ.
Отстегнулъ броню тяжелую,
Кинулъ вдаль копье и мечъ.
Надъ плечами силы означаются,
Волнами по тѣлу разливаются,
Искрами подъ ногами загораются.
Второй юноша на колѣна сталъ,
Скинулъ шлемъ серебрянный,
Тайной всѣ небеса освѣтились:

На челѣ имя тайное,
Котораго и самъ не знаетъ.
Въ глазахъ голубиныхъ небо отражается
— Закатилось солнце, звѣзды загораются,
Въ водахъ по зарѣ голуби купаются.
Разстегнулъ броню тяжелую,
Кинулъ вдаль копье и мечъ.
Въ руку взялъ цвѣтокъ благоуханный
— Серебрянный и весь въ росѣ серебрянный.
Братья другъ другу въ объятъя кидались.
Плакали, цѣловались,
Въ свѣтлые глаза любовались.
Дрогнуло небо синее,
Вспыхнули звѣзды чистыя
И всякое творенье на небѣ,
Всякое дыханье подъ землею говорило:
«Братъ и братъ повстрѣчались,
Женихъ и невѣста сочетались
Въ единомъ союзѣ неизмѣнномъ—въ Богѣ.»

20

Слава, слава Вышнему Богу!
Миръ землѣ и миръ и миръ!
Хвалите Бога, хвалите Бога!
Спасенье Богу и хвала!

И ангелы воскликнули:
«Свободная воля на рабской землѣ!»
Хвалите Бога, хвалите Бога!
Спасенье Богу и хвала!

21

ПѢСНЯ БРАТЬЯМЪ.

Братья, Духъ удостовѣряетъ
Во всѣхъ народахъ во всѣ времена,
Что настанетъ время Духа
И Неизмѣримой Любви
И время настало, настало:
Пожалуйте всѣхъ и все!

И зачѣмъ и надломленную тростинку ломать?
 Пусть зеленѣеть кой-какъ до зимы!
 Камни огнистые будутъ въ раю,
 Дивныя пѣсни спокуютъ.
 Люди умолкли.
 Богъ изъ камней
 Воздвигнетъ дѣтей Аврааму.
 Неумолкнуть они никогда
 И въ общемъ напѣвъ ихъ голосъ раздастся,
 Когда освободишь ихъ отъ рабства въ свободный міръ славы Твоей.

Неизмѣримое царство!
 Неизмѣримое царство!
 Лицо земли и небесъ!
 Безконечная лѣстница Духа!
 Тамъ волкъ будетъ вмѣстѣ съ ягненкомъ пастись.
 Дитя заглянетъ въ нору змѣи
 И будетъ играть со змѣятами,
 Змѣя будетъ пылью питаться,
 Небудутъ вредить по всей Сіонской скалѣ,
 Такъ говоритъ Тотъ, Чье имя Господинъ Вседержитель.

Братья, примите меня.
 Я васъ искалъ и нашелъ
 По лицу всей земли,
 Радостно видимъ васъ мы,
 Благословляемъ васъ мы,
 Благословить васъ и Богъ.

Друзья.

1

Слышите ли вы, друзья, голосъ мой во уединеньяхъ, по ночамъ, когда я вечеромъ или ночью или днемъ простираюсь къ вамъ и вижу васъ, простые, твердые, мудрые ради заповѣдей смиренномудрія. Я буду жить, но только ради васъ. Я хочу сидѣть за вашимъ пиромъ всемірнымъ и съ нами Возлюбленный мой! Я буду ходить, но только если тысячи тысячъ постоянно окружаютъ каждый шагъ мой, если каждое движеніе мое къ вѣчности и въ вѣчности.

Я падаю духомъ, если невижу другихъ сильныхъ и малыхъ братьевъ моихъ, если неможетъ рука моя протянуться черезъ стѣны и поддерживать слабыхъ.

Я видѣлъ сегодня залу залитую огнемъ, гдѣ всѣ вы сидѣли за столомъ Его. Цвѣтущая весна одѣвала звѣздами черемухи ваши золотистые кудри, вѣчная спускалась на всѣ члены ваши.

Развѣ это притча—пиръ Его?

Внѣ церкви нѣтъ спасенья!

II

ПѢСНЯ ДРУЗЬЯМЪ.

Все исходитъ изъ Слова, все возвращается
въ Слово и опять въ Него подымается и Слово
есть Богъ.

изъ Зо х о р а (одной изъ книгъ тайнаго
ученья евреевъ—Каббалы).

У хозяина на крыльцѣ будемъ всѣ, друзья,—друзья и враги,
животныя и ангелы и растенія и камни и рѣки и дѣти небесъ.
Зеленые листья закроютъ бесѣдку отъ зноя, виноградныя лозы
прольютъ вино свое.

Тогда Онъ скажетъ: «Друзья, Я отдаю вамъ царство Свое,
отказываюсь отъ вѣнца Своего. Рабомъ всѣхъ, рабомъ хочу
быть Я для васъ,—опояшется полотенцемъ, умоетъ всѣмъ
самые низшіе члены — ближайшіе къ праху,—ноги хочу Я
омыть вамъ, даже всегда былъ Я только какъ рабъ вашъ —
Я, Господинъ вашъ.

«Пищу, даже тѣлесную пищу и жизнь и дыханье Я пода-
валъ вамъ, вы двигались только Мною. Постоянно ходилъ Я
за вами, все приносилъ вамъ, служилъ вамъ — Я, Господинъ
вашъ.»

Въ безконечной любви какъ любовникъ предъ первой не-
вѣстой своей какъ сынъ предъ отцомъ какъ другъ предъ
друзьями упадетъ Онъ къ ногамъ моимъ, какъ женщина оти-
равшая ноги Его волосами и покрывавшая ихъ лобзаньемъ
святымъ, такъ будетъ рыдать Онъ въ любви безконечной, въ
ужасѣ за прошлыя вѣчныя заблужденья друзей Своихъ.

Потому что во всемъ искушенъ Онъ какъ мы, только чистъ. Часто, часто глядѣлъ въ бездну грѣха скорбный взоръ Его, даже смерть едва не побѣдила Его. Ибо однажды ради друзей Онъ спустился въ долины земли.

Въ тѣ дни совершится написанное: «и будутъ священниками и царями даже Богу своему.» Боже, какъ я взойду на престолъ Твой, въ побѣждающій свѣтъ Твой? Я боюсь, что умереть отъ радости духъ мой. Ты — Духъ, отъ Отца Исходящій, Обитающій въ мірѣ, все къ Отцу Приводящій, зачѣмъ такъ полюбилъ Ты меня неудержимой любовью?

III

ПѢСНЯ БРАКА.

Камень, камень подарилъ Онъ мнѣ. Онъ глядѣлъ на меня, Онъ написалъ имя мое на рукѣ Своей.

Никто неслышалъ, какъ Онъ назвалъ меня. Онъ далъ мнѣ кольцо, желѣзное кольцо и золотую цѣпь, такія какъ никому. Другое такое-же кольцо на рукѣ Его, оно отлично отъ множества другихъ колець Его.

Въ этотъ день мы ушли за городъ въ рощи и луга и долины Его, никто въ этотъ день невидаль меня съ Нимъ.

Онъ сказалъ мнѣ вечеромъ: «Другъ, Я люблю всѣхъ друзей твоихъ, ради любви къ тебѣ завтра позову Я на брачный пиръ Мой твоего лучшаго друга. Назови имена ихъ?»

«Но могу ли Я забыть и тогда тебя? Онъ чистъ и нѣженъ твой другъ, въ его лицѣ Я увижу отраженье твое. И чрезъ

семь дней Я опять увижу тебя, на тѣхъ ступеняхъ будешь стоять ты тогда, которыя выше всѣхъ теперешнихъ вершинъ твоихъ. Я одѣваю другими одеждами птицъ полей и цвѣты, возвожу всѣхъ къ Отцу Моему.

«Тогда твоя звѣзда, человѣкъ, будетъ звѣницей глазъ Моихъ.

«Нѣтъ конца долинамъ Моимъ, нѣтъ конца днямъ Моимъ, нѣтъ конца лугамъ Моимъ, нѣтъ конца брачнымъ днямъ Моимъ, нѣтъ числа друзьямъ Моимъ.

«Радуйтесь! Я, Я радуюсь о васъ. Не только вы пьете изъ чаши истинной крови Моей, но Я принимаю рыбу, которую приносишь ты на твой жертвенникъ изъ земли. Не только ты читаешь въ писаньи Моемъ, но Я открываю книгу твою, вѣчно читаю ее — всерадостную, вѣчнорадостную для очей Моихъ.

Онъ сказалъ: «благословляю, благословляю тебя за сегодняшній день. Вотъ тебѣ — Я написалъ имена лучшихъ друзей Моихъ, иди и люби ихъ.»

Но я какъ ослѣпленный отвѣчалъ:

«Но я немогу любить навѣрно никого послѣ красоты Твоей. Я жилъ сегодня съ Тобой, видѣлъ лицомъ къ лицу душу Твою, слышалъ безконечное бѣенье сердца въ груди Твоей.»

Но Онъ сказалъ:

«Красота Моя—друзья Мои, жизнь Моя въ глазахъ друзей Моихъ. Истинно болѣе жизни Своей возлюбилъ Я ихъ.»

И повязка спала съ глазъ моихъ.

23

ПѢСНЬ ПѢСНЕЙ.

1

Подойдя поближе къ городу, они могли лучше рассмотреть его. Весь онъ былъ построенъ изъ жемчуга и другихъ драгоценныхъ камней, улицы были вымощены золотомъ. Благодаря этому лучи солнца придавали мѣстности такой блескъ, что вначалѣ странники совершенно не могли выносить видъ Города. Христианинъ даже занемогъ отъ избытка нахлынувшихъ чувствъ, съ его спутникомъ тоже случились два или три припадка той-же болѣзни. Оба они были принуждены тутъ пролежать въ некоторое время, жалуясь на свои страданья. „Если кто изъ васъ увидитъ моего возлюбленнаго, скажите ему, что я заболѣлъ отъ любви къ нему.“

изъ Буэньяна.

Миръ Магомету!

Магометъ—да почиетъ миръ на немъ какъ и на всякомъ пророкѣ!—Магометъ иногда говорилъ слова изъ Истинной Книги Очевидности, изъ Книги—Матери, какъ написано въ Коранѣ: «Мы ниспослали тебѣ эту книгу въ благословенную ночь. Въ ту-же ночь Высшая Мудрость наложила печать на законы свои. И нѣтъ былинки и нѣтъ листка, которые не-

были бы означены въ Явственномъ Писаньи.» Но притчи его, записанныя на наружныхъ свиткахъ, съ вѣками понимались все болѣе и болѣе буквально и превращались въ буквальные разумѣнья и послѣдователями и врагами его.

Современные европейскіе ученые особенно любятъ насмѣхаться надъ Магометомъ, что онъ общалъ правовѣрнымъ здѣшнюю плотскую любовь даже въ раю. Но онъ никогда не говорилъ ни о чемъ подобномъ, ни о чемъ кромѣ брака всемірнаго, какъ написано: «Какъ юноша сочетаетсяъ съ дѣвой, такъ сочетаются съ тобой сыны твои, и какъ женихъ радуется о невѣстѣ, такъ будетъ радоваться о тебѣ Богъ твой.» «И заключу для тебя въ тотъ день союзъ со звѣрями полевыми и съ птицами небесными и съ гадами пресмыкающимися по землѣ. Съ камнемъ дикимъ будетъ завѣтъ твой, звѣри дикіе примирятся тебѣ.

Этотъ союзъ и всемірный и съ Богомъ и съ каждой песчинкой и съ ангелами и со звѣрями, какъ написано: «И находилъ въ пустынѣ и былъ со звѣрями и ангелы служили ему.» И разны ступени всемірнаго брака.

Ины таинственно предназначены навсегда къ одному направлению, какъ два члена всегда рядомъ расположенные въ тѣлѣ болѣе связаны чѣмъ остальные.

Миръ тебѣ, Магометъ. Ты предсказывалъ, что только на новой землѣ расцвѣтетъ голое зерно нашей жизни, только тамъ сочетаются тѣ, въ комъ горѣла любовь.

II

Ты свѣтись, свѣтись, Ісусе.
Ровно звѣзды въ небесахъ,
Ты возстань и воскресни
Во нетлѣнныхъ тѣлесахъ.
изъ народныхъ пѣсень.

Онъ пришелъ на поля мои весной, когда сочetalись птички и вѣтки черемухи. На холмахъ моихъ останавливались ноги Его, я пошелъ за Нимъ и искалъ Его, ковыли чистаго серебра расцвѣтали, гдѣ только коснулась ступня Его.

Онъ проходилъ въ воскресный день утромъ чрезъ селенье, когда миръ уже утвердился въ городахъ моихъ, когда звонъ колоколовъ заставлялъ въ постели тѣхъ, которые трудились всю недѣлю, когда чистое влажное утро какъ весна подымалось надъ землей, когда дѣти смѣялись на полатяхъ и большухи управлялись у печекъ.

Дѣвушки, ходившія за водой къ колодцу, видѣли, какъ тихо и величественно, но безостановочно проходилъ Невидимый Странникъ по главной улицѣ. Долго смотрѣли онѣ оборотившись и вода изъ ведеръ пролилась на зеленую землю.

Города были очищены давно и ангелы стояли на углахъ всѣхъ главныхъ улицъ.

1:1

ДОЧЕРИ НАРОДА.

Ликуй отъ радости, дочь народа,
 Торжествуй, дочь Ерусалима!
 Ибо сокрушилъ Господнй врага твоего
 И расторгъ ярмо твое.
 Господнй твой, Богъ твой среди тебя,
 Уже болѣе не увидишь зла!
 изъ вѣтхозавѣтныхъ пророковъ.

Ты ломала руки въ смертельной тоскѣ,
 Ты глядѣла прямо въ глаза мои,
 Ты спросила меня «гдѣ торжество?»
 Господнй твой Богъ твой среди тебя,
 Уже болѣе не увидишь зла!

Всѣ стояли кругомъ въ той-же страшной тоскѣ
 И взглянулъ я прямо въ лицо твое.
 И сказалъ тебѣ: «Есть страна торжества.
 «Тамъ въ пляскѣ священной кружатся вѣка!
 «Весь мiръ колесницей стремится къ Нему!»

Тамъ царство свободныхъ, царство святыхъ!
 Изъ радости въ радость, изъ жизни въ жизнь
 Проходятъ они и ты среди нихъ.
 Изъ радости въ радость, изъ жизни въ жизнь
 Проходятъ они и мы среди нихъ.

Я увидѣлъ все это въ глазахъ твоихъ,
 Ты увидѣла это въ глазахъ моихъ.
 Господнй твой Богъ твой среди тебя,
 Уже болѣе не увидишь зла.

IV

ЖАЛОБА БЕРЕЗКИ ПОДЪ ТРОИЦЫНЪ ДЕНЬ.

Подъ самый подъ корень ее подрѣзалъ онъ,
За вершинку ухмыляясь бралъ,
Съ комля сокъ какъ слеза бѣжалъ,
Къ матери сырой землѣ бѣжалъ.
Глядѣть на зеленую-то радостно,
На подкошенную больно жалобно.

Привесли меня въ жертву богу невѣдомому,
Срубили въ началѣ свѣтлой весны,
Продали въ великій праздникъ весны.
Всѣ порадовались листьѣ моей,
Никто не помогъ жалобѣ моей,
Каждый ухмыляясь подходилъ,
Каждый насмѣхаясь говорилъ..

v

Бодрую ночь предъ Тобой
Я какъ рабъ положилъ,
Отъ вечера до утра
Въ храмѣ Твоемъ ходилъ.

Сердце зимы прошло,
Дождь пролилъ, пересталъ.
Выйди, Невѣста моя,
Покажи лицо, Голубица моя!

Слушай! ночь протекла
И распустились цвѣты,
Ты мнѣ мать иль сестра
Иль Единый Женихъ!
Ты мнѣ мать и сестра
И единый женихъ.

Весна утвердилась кругомъ,
Одѣлись листьями кусты,
За ними рыкающій звѣрь,
Притаился рыкающій левъ.

Сіяетъ улыбка вездѣ,
Мальчикъ играетъ въ песокъ.
Дитя! не играй, берегись.
За горушкой рыкающій левъ.
За горушкой рыкающій левъ.

Здоровьемъ пышетъ лицо,
Упала коса до колѣнъ,
Окрылились улыбкой уста..
За улыбкой рыкающій левъ,
Какъ въ кустахъ рыкающій левъ!

Этотъ звѣрь пожираетъ весь міръ,
Огонь зажегъ всѣ міры!
Этотъ звѣрь красота похотей.
Ты прими красоту единую,
Если вѣришь въ радость любви.

Я сталъ ногой въ суету,
Но имя Твое сохранилъ,
— Одной ногой въ суету,
Но имя Твое сохранилъ.

Миръ вамъ, пташки мои,
Миръ вамъ, всѣ братцы мои
— Песчинки и травки мои!
Сочетаюсь со всѣми въ любви!
Сочетаюсь со всѣми въ любви!

VI

Бракъ въ Канъ Галилейской.

Онъ зашелъ къ намъ какъ странникъ, потому что весна стояла вездѣ, потому что любовь наполняла и рѣки и юношей и дѣтей и отцовъ и дѣвушекъ и небеса. Онъ проходилъ чрезъ селенье и вѣрно замѣтилъ свадьбу въ нашемъ домѣ. И Онъ присѣлъ на завалинкѣ у окна, гдѣ пировали наши юноши.

Мы несмѣли глядѣть на Него, такъ чистъ былъ взоръ Его. И Онъ первый сказалъ намъ: «друзья, зачѣмъ вы сидите въ рукотворной избѣ—такой тѣсной, пойдите всѣ въ нерукотворный храмъ Мой—ко всѣмъ братьямъ Моимъ.» И мы пошли на поля и Онъ приказалъ небесамъ и словно росой были покрыты кусты и долины. Это былъ ангельскій хлѣбъ, древняя манна нашихъ отцовъ. Бурю назвалъ Онъ сестрой Своей и велѣлъ ей укротиться и донести до насъ благоуханье странъ поддня.

Рѣки текли молокомъ и виномъ. Насъ встрѣтили олени и лани и лоси и мы видѣли, что они просятъ насъ освободить вымена ихъ. Струями молоко капало на траву. Медъ изъ ульевъ текъ длинной рѣкой въ дѣвственныхъ лѣсахъ, гдѣ никогда не ступала нога человѣческая. Мы дошли до нихъ..

Онъ принесъ намъ пищу изъ всѣхъ цвѣтовъ. «Что это такое?» спрашивали всѣ. Потомъ Онъ далъ намъ медъ изъ сердца скалы и сказалъ: «Вотъ для васъ она была мертвая—эта скала, но смотрите, какое богатство у ней, какъ таинственно сердце ея! заключите и съ ней Мой союзъ, въ благоговѣннн отъ утра до вечера ходите по всей землѣ, проникайте въ сущность вещей.» Въ сосудахъ вмѣсто трезвой воды стру-

ились живые источники вина. Распорядитель пира принялъ Его на нашъ пиръ.

Но подъ бѣдной одеждой Странника скрывался цѣлый міръ и не мы угощали Его, а Онъ раскрылъ Свою грудь и далъ намъ Свое сердце и Свою плоть, Онъ отдалъ намъ Свою душу и духъ и вино Свое.

vii

На напѣвъ «Встрѣтимся ли мы съ тобою?»

Встрѣтимся ли мы съ тобою
Надъ чудной, надъ чудной рѣкой?
Тамъ съ неумолкаемой хвалою
Иисусу мы будемъ служить.

Берега рѣки покрыты цвѣтами
И звѣзды небесъ дрожать въ рѣкѣ.
Тамъ между струями и между звѣздами
Подымаются души къ небесной странѣ.
Да, мы встрѣтимся..

Между нами и рѣкою
Путь непроходимый былъ,
Но сколь тяжкою цѣною
Агнецъ намъ его открылъ.
Да, мы встрѣтимся..

По тернію Онъ шелъ и кровью
Означенъ былъ малѣйшій шагъ Его.

Гдѣ пала кровь, цвѣты съ любовью
И съ вѣрой возросли въ Него.

Да, мы встрѣтимся..

Тамъ собирать будемъ алыя розы,
Что расцвѣтали, гдѣ падала кровь,
Тамъ донесется къ намъ вмѣстѣ съ вѣтрами
Голосъ Отца безконечныхъ міровъ.

Да, мы встрѣтимся съ тобою
Надъ чудной, надъ чудной рѣкой.
Тамъ съ неумолкаемой хвалою
Иисусу мы будемъ служить.

VIII

«Ты прости—прощай, моя милая сестра вѣрная.
Не туманы надъ степями надъ родимыми затуманились,
Опускалось среди дня съ небесъ пророчество:
Проходить ли будетъ скорбь по свѣту бѣлому,
Совѣщались на Христа всѣ князи земскіи,
Укрѣпились противъ истины всѣ боги всей земли.
Проходила по цвѣтамъ—селеньямъ скорая смеретушка,
Отравляла полынемъ всѣ рѣки тихія.

Ты прости—прощай, невѣста чистая.
Обвѣнчались мы съ тобою да не по здѣшнему.

Мучениковъ мы вѣнцами помѣнялися,
Полагали заповѣдь великую—
Чистоту навѣкъ хранить тѣлесную,
Охранить навѣкъ и непорочность мысленную.
Этимъ бракомъ мы вѣдь съ Агнецемъ сочеталися
И всемірнымъ бракомъ съ каждой тварью сочеталися,
Со звѣздами, съ ангелами, съ морями сочеталися,
Даже съ грѣшными и со звѣрями сочеталися,
Даже съ демонами сожалѣньемъ сочеталися.»
«Только ты скажи мнѣ на прощанье на великое,
Гдѣ увижу вновь я эти очи зоркія,
Гдѣ услышу вновь твои бесѣды бодрія,
Ты назначь, назначь мнѣ мѣсто вѣрное.»
«Что среди обителей высокихъ райскихъ
Не иди ты въ сторону полдневную,
Не иди ты по рѣкѣ блистающей,
Ты зайдитко въ мѣсто тихое пустынное
Что подъ сторону ли подъ восточную,
Тамъ ручей течеть въ долинушкѣ,
Тамъ съ купавами идетъ его бесѣдушка,
Тамъ сидѣть я буду добрый молодець,
На челѣ моемъ напишетъ Вѣчный имя новое,
Тамъ я буду съ Батюшкой лицомъ къ лицу бесѣдовать,
Надъ главою моею весна благоуханная,
Это Онъ Всенаполяющій Невидимый,
Онъ откростъ мнѣ твое названье прежнее,
Но и такъ признаю я тебя, родимая,
Что по этому по взору чистому,
Что по сожалѣнью по великому всемірному.»

III

ЖЕРТВЕННИКЪ ИЗЪ ЗЕМЛИ

Если строишь жертвенникъ Богу, строй его изъ земли, а если будешь класть изъ камней, смотри! клади изъ нетесаныхъ, потому что какъ скоро возложишь на нихъ тесло твое, то осквернишь ихъ.

И не устраивай ступеней, чтобъ гордо восходить по нимъ къ жертвеннику Моему, чтобъ не открылась нагота твоя.

изъ заповѣдей Моисея.

„Какъ устроить небесное, какъ воздвигнуть небесное?“ „Построй изъ самой настоящей простой необдѣланной, необтесанной земли и будетъ самое небесное. Исповѣдуй откровенно всѣ прошлыя отступленья твои.“

1

ВРЕМЕНА СОМНѢНЬЯ.

ДВА ОТРЫВКА.

Въ прошлыхъ трудахъ, въ мгновенья жгучія и болѣзненныя я высказалъ нѣсколько мучительныхъ для себя словъ и обнаружилъ гордость, самомнѣіе, душевную бѣдноту свою и великое уродство своего духа.

Я проповѣдывалъ торжество человѣка и, довѣряя непосредственному чутью своему, искалъ его въ немъ же, въ его природѣ, въ существѣ его. Я заблуждался, но искренно и жизненно—какъ заблуждается правый. Уклоненіе отъ истины касалось не главнѣйшаго, что даруетъ жизнь или смерть, славу или безславіе намъ,—цѣли жизни; а относилось къ второстепенному, побочному, къ образу дѣйствительности, которая воплощаетъ цѣль.

Я заблуждался и, скажу, заблуждался въ томъ, что смотрѣлъ на душу человѣка какъ на солнце, которое есть источникъ свѣта, а не какъ на землю, которую солнце освѣщаетъ.

Я заблуждался, утверждая личность человѣка и не будучи въ состояніи утвердить смысла жизни его..

изъ Ѳ. Ш перка.

ПЕРВЫЙ ОТРЫВОКЪ.

Это были два мѣсяца ужаса.

Нѣсколько лѣтъ я уже сражался съ идолами, одного за другимъ я сокрушалъ ихъ. И наконецъ я убоился поклоняться и Тебѣ, Великій Духъ. Не раболѣпство ли это, думалъ

я, не идолопоклонство ли? Потому что сказано: Онъ не требуетъ Себѣ рабскаго поклоненья. И необходимо ли понятіе о Немъ, не довольно ли одной истины?

Не хочу скрыть отъ васъ, братья, о дняхъ скорби, бывшихъ со мной тогда, къ какимъ странамъ смерти приблизился я. Я поднималъ мечъ свой на любимый жертвенникъ мой, на всѣ сокровища въ дому моемъ, но и тогда, когда я уже невѣрилъ даже въ Него, я неосмѣлился усомниться въ этомъ свѣтильникѣ, въ безсмертіи. И оно сохранило меня среди царства истинной смерти и оно возвратило меня къ Нему. Держитесь безсмертія!

Меня ободряли на пути моемъ всѣ люди и ученья сомнѣнья. Я вспомнилъ, что я встрѣчалъ невѣрующихъ и равнодушныхъ въ самомъ низкомъ и кроткомъ народѣ. Въ тѣ дни я приблизился такъ, какъ никогда всѣ послѣдніе годы, ко всѣмъ современнымъ образованнымъ людямъ, я протянулъ руку даже наслѣдникамъ Эпикура, я шелъ вмѣстѣ со всѣми освободившимися въ жизни отъ понятія о Божествѣ. Буддійское ученье, мало говорящее о Богѣ, и Капила, всѣ отвергавшіе Его или обрѣзывавшіе пониманье о Немъ, умалявшіе Его силу—я видѣлъ тутъ цѣлый новый путь. И какъ обрадовался я однажды въ тѣ дни словамъ Фихте, какъ онъ сказалъ: «Мнѣ внушаютъ отвращенье всѣ религиозныя представленья о Богѣ, Онъ совсѣмъ другой.» Господи, прости меня.

Самъ въ себѣ имѣлъ я приговоръ смерти и уже не надѣялся остаться въ живыхъ, чтобъ надѣяться не на себя, а на Бога Воскрешающаго мертвыхъ.

Но и тогда въ ясновидѣньи опять пробуждался мой духъ и въ устремленіи неудержимомъ возвращался къ Нему, хотя еще немогъ назвать Его Его именемъ.

Нѣсколько слѣдующихъ страницъ выбраны изъ одной то-

гдашней тетради. Хотя я распиналъ Его и все хотѣлъ наложить на Него покрывало, какъ Моисей покрываломъ ветхаго завѣта закрывалъ лицо свое, но Духъ Божій воскресалъ во мнѣ и тогда, несмотря на распятыя Свои.

ВТОРОЙ ОТРЫВОКЪ.

ИЗЪ ПИСЬМА.

Всѣ вы, читавшіе рукописи мои тогдашнихъ временъ моего заблужденія!

безконечно простите меня, это было ужасное отклоненіе, я посѣялъ въ васъ вмѣстѣ съ чистымъ сѣменемъ и нечистое, я поддерживалъ въ прошломъ году нѣсколько всемірныхъ заблужденій, поддерживалъ ваше общее заблужденіе.

Правда, говорятъ—честныя ошибки никогда не вредны до смерти и всегда могутъ быть исправлены. Господи, прости меня.

Истина Божья открывается только на путяхъ истинной чистоты и смиренія.

Но все это отклоненіе было нужно, потому что только теперь я разъ навсегда понялъ, какъ прекрасны и вѣчны заповѣди Его, всѣ, даже малѣйшія. Я увидѣлъ, какъ страшно отступать отъ нихъ. Богъ попустилъ меня отклониться, чтобъ я до конца постигнулъ ничтожество этихъ путей.

Простите меня безконечнымъ прощеньемъ въ истинномъ сожалѣніи..

Я не повѣрять вамъ, пловцы! вы обѣщали мнѣ мѣста опасныя, подводныя ущелья, горы, мели.. Въ истрепанныхъ одеждахъ вы стояли, морщины бороздили извѣтренныя лица, но крѣпость видѣлъ я еще въ рукахъ и взорахъ..

Я вѣрилъ кораблю — младенцу моему. Я самъ вскормилъ его, я зналъ его, но я не зналъ пути.

Онъ небылъ изъ желѣза какъ ваши пароходы; на мачтахъ, на стѣнахъ невидно было множества машинъ, орудій; невидно было современныхъ изобрѣтеній ума.. Корабль мой былъ младенецъ, одно я зналъ—онъ будетъ какъ цвѣтокъ—таинственно цвѣсти, расти и не умереть.

Я бодрствовалъ въ туманы, въ бури, въ ночи.. Корабль носился по волнамъ, въ отчаянны непринималъ я пищи цѣлыя недѣли, я выгрузилъ весь грузъ въ морскую глубину. Я наклонялся надъ кормой, волна плескала въ лицо изнеможенное безсонными ночами, рука отталкивалась бодро отъ мелей.

Когда я спалъ, глаза мои не спали..

Теперь я вѣрю вамъ, могучіе товарищи, прекрасные бойцы, изслѣдователи міра! Я встрѣтилъ много скалъ подводныхъ, о нихъ читалъ я въ книгахъ вашихъ, но чрезъ проливъ—опасный, узкій, мимо гребней подводныхъ горъ я выплылъ въ безконечный океанъ, на однобойкѣ-душегубкѣ стрѣлой я вылетѣлъ въ свободный вѣчный океанъ.

Предъ вами стою я, современные люди! Вамъ не надо борьбы со своей плотью, со своимъ тлѣньемъ, со своимъ зломъ, вы называете все это ничтожествомъ и униженьемъ для чловѣка, вы называете это любовью къ себѣ, заботой лишь о себѣ. Какъ притворяетесь вы, какъ ухищряетесь и невидите этого!

Нѣтъ! я не буду лгать такъ какъ вы, я не скажу, что всякое намѣренье мое чисто, у кого чисто оно? Вы привыкли къ безобразію своему.

Нѣтъ! я лжець какъ послѣдній предатель, отъ дѣтства учили меня воровать, я не говорю и обманываю, я краду истину.

Иногда вспоминаю я правду, но такъ равнодушно.. И тогда я беру эту плеть и изгоняю всѣхъ этихъ бродягъ, всѣхъ продающихъ и покупающихъ изъ груди моей. Гнѣвъ мой священенъ.

Чему хотите вы научить меня? Развѣ незнаю я, что очень легко признать благодѣтельными всѣхъ этихъ лицеѣровъ, безконечныхъ спорщиковъ, многорѣчивыхъ самозащитниковъ, разговорщиковъ?

О развѣ я помышляю противъ тебя? развѣ помыслилъ когда противъ тебя, сила моя, свобода моя! только ради тебя я борюсь.

Кто нехочетъ бороться, тотъ трусь. Я запретилъ вамъ только борьбу недостойную, борьбу дикарей. Вездѣ есть безконечность и цѣлый міръ въ каждомъ сердцѣ.

Боритесь и будете жить!

Кто мнѣ далъ этотъ законъ смерти? Я хочу жить, поэтому буду жить.

Вы говорите—есть законъ смерти. Я искалъ его въ себѣ и вездѣ и не нашель. Есть только безсмертіе, потому что есть воля.

Долго изнемогала воля моя, долго немогла она найти жизни безъ смерти..

Но и чрезъ смерть устремлялась она неутомимая, даже въ теперешней смертной жизни твоей есть безсмертіе..

Смертное подражаетъ безсмертному, стремится быть вѣчнымъ и смертное. Эти тысячи переселеній, эти тьмы перерожденій—начало безсмертія.

Ты забылъ всѣ тѣ страны, гдѣ ты обиталъ, потому что путь безъ конца, потому что все это дѣтство предъ быстротой твоей.

Кто забылъ, онъ можетъ и вспомнить. На концѣ твоей лѣстницы я построю широкую площадь съ перилами. Такъ шепнула мнѣ дѣвушка, сестра моя—Жизнь.

Оттуда оглянешься и увидишь все прошлое даже до бездны. Но она поражена ногой твоей, рана на головѣ ея, кровью истекаетъ она. Узкая лѣстница безъ перилъ, какъ прошелъ ты ее?

Во всей истинѣ ты Безсмертный, поэтому не упалъ ты.

Ты коснулся перилъ и увидѣтъ все прошлое и грядущее.

5

Вотъ шепчетъ воинъ
Въ предсмертномъ свѣ:
«Побѣды жаждетъ
Сердце мое!»

Побѣды, побѣды!
Возстань мой Богъ!
Еще осталась
Моя любовь.

И кто сіялъ мнѣ
На всемъ пути?
Въ слезахъ лежалъ я
У ногъ ея.

Благоухали
Ея цвѣты..
Свободы, свободы
Такъ жаждалъ я.

О сила вѣры!
Изъ моря силъ
Одна осталась
Волна любви.

Хоть мертвый—сяду,
Вновь буду жить,
Взгляну на землю,
Дохну на мигъ.

О вы смѣялись
Надъ нищетою,
Но я спокоюсь,
Я вижу силу
Въ груди моей.

Товарищъ, руку!
Послѣдній разъ
Взгляну на землю
И на тебя.

Суровый воинъ,
Любящій другъ!
Я шель безъ страха
Съ твоей рукой.

И поднимаюсь
Послѣдній разъ,
Зову протяжно
Моихъ друзей..

Друзья, идите!
Послѣдній мигъ.
Какъ волны моря
Я вижу васъ.

Онъ сѣлъ предъ смертью,
Предсмертный стонъ:
«Побѣды, побѣды
Жаждетъ земля!»

ОТВѢТЪ ЛЮДЯМЪ ВО ВРЕМЕНА СОМНѢНЬЯ.

Я былъ дитя и жилъ среди дѣтей
И удивлялся я какъ вы играли.
Лишь иногда съ однимъ заигрывался я.
Былъ мальчикъ, имя его Вася.
Онъ нѣжностью предсмертною сіялъ. И скоро умеръ онъ.
Кругомъ и мальчики и дѣвочки шумѣли,
Но вдругъ и въ ужасѣ я оставлялъ игру
И долго слезы на лицѣ дрожали.

Теперь вы возросли и стали помудрѣй,
Прочли немало книгъ и разсуждать прекрасно научились,
Но, братья, я невѣрю въ вашу силу,
Я вижу ту-же древнюю игру,
Вы дѣти, прыганья васъ забавляли.

О кто-же бодрствовалъ надъ первымъ днемъ моимъ,
Кто нашепталъ мнѣ что-то въ колыбели?
Пророкъ иль Богъ всю жизнь меня руководилъ?
Даль вѣру мнѣ и нужное невѣрье..
Кому-то вѣрю я—Кому? еще незнаю самъ,
Назвать на языкѣ теперешнемъ несмѣю,
Но вамъ, теперешніе, я невѣрю.

Други вѣрные меня спрашивали:
Ты не бойся, скажи, добрый молодецъ,
Ты зачѣмъ блуждалъ столько лѣтъ въ горахъ,
Ты кого искалъ по лицу земли?
Ты искалъ всю жизнь друга чистаго,
Жизнь дарить тебя дружбой вѣчною..
Ты не бойся, скажи, добрый молодецъ,
А мы радостью о тебѣ не нарадуемся,
Будемъ бодрствовать въ ночи темныя
И зажжемъ огни свои предразсвѣтныя,
Сквозь окно далеко проникающіе,
Въ ночь глубокую проникающіе..
Мы изучимъ всѣ книги мудрыя,
Укрѣпимся бесѣдой полночною.
Отвѣчаю я вамъ, свободные:
А скажу я вамъ правду-истину.
Я искалъ языка неизмѣннаго
И рабамъ и царямъ откровеннаго
И богатымъ и нищимъ понятнаго,
Словно молнія обымающаго,
Отъ востока ли и до запада.
Я искалъ у людей, у звѣрей, въ лѣсахъ,
Слушалъ говоръ волнъ, слушалъ пѣсню звѣздъ.
Отвѣчали мнѣ рѣки тихія:
О внимающій, изучающій, исполняющій!
Мы откроемъ тебѣ слово тайное:
Свой языкъ у звѣрей, свой языкъ у камней,
Но мы братья твои неназванные,
Братцы—всѣ тебѣ—вѣковѣчныя и родимыя.

И въ ручьяхъ и въ людяхъ есть другой языкъ,
 Есть одинъ языкъ всеобъемлющій, проникающій,
 Какъ любовь какъ жизнь какъ безсмертіе опьяняющій.
 Отвѣчали мнѣ звѣри дикіе,
 Открывались мнѣ люди низкіе,
 Объясняли мнѣ люди мудрые,
 Нашептали мнѣ родники придорожные:
 Ты ищи языка всеобъемлющаго
 Отъ востока небесъ и до запада!
 Чтобъ отъ пѣсни твоей содрогнулись лѣса,
 Чтобъ при пѣснѣ твоей звѣри дикіе умирились,
 Чтобъ лютую зиму побѣдила весна!
 Чтобъ нестало конца этой вѣчной весны!

8

Примиреніе съ землею и звѣрями.

Миръ и миръ горахъ, миръ и миръ лѣсамъ,
 Всякой твари миръ объявляю я.
 И идутъ уже зайцы робкіе,
 Пѣсня имъ люба, вразумительна.
 Загорѣлись огнемъ всѣ былиночки,
 Струи чистыя въ родникахъ поднимаются,
 За рѣкой пѣсня чистая разглашается:
 То горять въ лучахъ камни дикіе
 И поютъ свою пѣсню древнюю,

Ту ли думушку вѣковѣчную,
Испоконъ вѣковъ необъявленную.
Щѣсню братскую принимаю я..
Вотъ у ногъ моихъ козы горныя,
Лижуть руки мои лоси глупыя..
Ай вы звѣри мои, вы свободныя!
Путь у каждаго неизвѣданный,
Вы идите своимъ ли однимъ путемъ,
Только мирную человѣчью рѣчь принимайте!
Вотъ, медвѣди, вамъ мирный заговоръ:
Вы нетрогайте жеребеночка,
Пощадите крестьянскую животинушку..
Ай вы змѣи ползучія подколодныя!
Вы нежальте насъ на родныхъ поляхъ,
Недосугъ болѣтъ да крестьянствовать въ пашню жаркую.
Всѣ примите миръ—слово крѣпкое:
Чтобъ огняѣ ли даже до вѣку,
Съ нами праздновать воскресеніе!
Чтобъ вѣтра текли только тихіе,
Волки прыткіе на своихъ мѣстахъ застоялись бы,
Чтобъ былиночекъ понапрасному не обидѣли,
Чтобъ трава расти не росла въ тотъ день,
Чтобъ въ согласный день согласились всѣ
Погрузиться въ глубокое размышленіе!
На одинъ только день эта заповѣдь:
Вновь растеть трава укрѣпленная,
Миръ и миръ людямъ, миръ и миръ звѣрямъ,
Начинають работу совмѣстную и вселенскую,
Но работа та животворная,
Не погибнетъ нигдѣ и сухой листокъ,
Не ломаетъ никто даже вѣточки.

9

ПРОРОЧЕСТВО.

И дана будетъ ему власть дѣйствовать
42 мѣсяца.
пѣть откровенья Іоанна.

Обличенье, обличенье народамъ!
Огонь, огонь на весь міръ!
Народы, примите пророчество!
Приклонитесь къ рѣкѣ моей!

Я жилъ среди васъ въ изступленьи,
Въ изумленьи прошли мои дни,
Младенцемъ позналъ я всѣ скорби
И юношей часто рыдалъ.

Мое дѣтство—суровые люди и городъ,
Въ колыбели пронзала мнѣ сердце стрѣла.
Какъ небо сіяли обширныя комнаты,
Вереницей тянулись позорныя ночи
И громко-тревожно друзья ликовали,
Попирали всѣ душу свою.

Вѣка за вѣками смѣнялись печальные
Равнодушные въ жизни своей.
Сплеталось такъ тѣсно лукавое съ добрымъ
И небыло чистаго, истинно добраго
И небыло ужаса зла.

Невозможное сбудется, сбудется!
Настануть великіе дни
И первый какъ первая птица залетная,
Второй какъ воронье крыло.

Народы и небо и звѣри и камни
Возсіяютъ въ могуществомъ силъ,
Возстанетъ изъ гроба Невѣдомый Праведникъ
И кровь на ланитахъ его.—Божество.

Но въ полдень откроется ужасъ внезапный,
Померкнетъ все царство святыхъ
И бездна возстанетъ на Вѣчнаго Бога,
Надъ бездною высокій, спокойный и гордый
— Царь бездны въ своей красотѣ.
Царь бездны въ тотъ день побѣдитъ.

Въ тѣ дни невозможное сбудется,
Великая Тайна придетъ.
Разсыплются храмы и дрогнуть священники,
Изъ низкаго рода возстанетъ пророчица,
Рѣшится борьба всѣхъ міровъ.

УЧЕНЬЮ БАЗАРА И УЧЕНИКОВЪ СЕНТЬ-СИМОНА, ВОЗСТАНОВЛЕНЬЮ ПРАВЪ ПЛОТИ.

Конечно плоть имѣеть свои права и чѣмъ менѣе эти права уважаются, тѣмъ болѣе даютъ себя знать на дѣлѣ. Но въ чемъ эти права? Ихъ можно разумѣть не только въ различныхъ, но въ прямо противоположныхъ смыслахъ. По одному смыслу плоть не есть особая область дѣйствія или примѣненія нравственныхъ началъ, а имѣеть и въ человѣкѣ и для него свое собственное совершенно самостоятельное и самодержавное вещественное начало—страсти.

Но по истинѣ область плоти имѣеть право, но не на это, а на то, чтобъ стать предметомъ нравственнаго дѣйствія человѣка, имѣеть право на одухотвореніе.

изъ В. С о л о в ь е в а.

Я приблизился къ вамъ одно время и въ вашемъ ученьи не отвергаю одной части правдивой. Пусть и низшая плотская ступень стоитъ, но только какъ низшая. Есть не только хозяинъ, есть и изба, въ которой живетъ онъ. Безумные гости проходятъ и не видятъ хозяина и только смотрятъ на стѣны.

Но, братья, построимъ дворецъ вмѣсто прежней избы, зачѣмъ поддерживать тѣ ступени съ ихъ разрушеньемъ? А всѣ годныя балки годятся на лучшее дѣло.

Но совершится все это только тогда, если небудемъ молиться на балки, а будемъ строить изъ нихъ. И одухотворится вся плоть, станетъ подобной духу могущества, воскреснетъ всемірное духовное тѣло.

Всякая песчинка преобразится и зажжется какъ солнце въ царствѣ Твоемъ.

Я вернусь къ вамъ, поля и дороги родныя,
Вы года, что какъ други всегда окружали меня.
Съ утра дней я стремился къ вамъ, рѣки живыя,
Но суровые люди, слѣпая стихія,
Уносили меня отъ небснаго дня.

Но однажды я вырвался изъ толпы нелюдимой
И бѣжалъ къ тѣмъ рѣкамъ моимъ—вѣрнымъ, любимымъ.

Я ходилъ средь лѣсовъ въ простотѣ и свободѣ,
Я не думалъ, какъ люди глядятъ на меня.
Мнѣ пріютъ былъ готовъ въ самомъ низкомъ народѣ,
Сестры птички въ лѣсахъ привѣчали меня.

Рано утромъ однажды открылъ мнѣ Онъ двери,
Розлюбленнымъ громко и тайно назвалъ,
Мы пошли въ Твои горы и юные звѣри
Насъ встрѣчали склонясь у подножія скалъ.

Я вернусь къ вамъ пути и дни, мнѣ святыя,
Я вернусь къ вамъ, скорбя и живя и любя,
Всѣ хвалы, всѣ сокровища наши земныя
И всю праведность также отдамъ за Тебя.

Я покрою себя золотымъ одѣяньемъ,
Возвратить мнѣ блистанье сестрица весна,

Я одѣнусь навѣкъ бѣлизной и блистаньемъ
И весенняго выпью съ друзьями вина.

Этотъ городъ боролся съ моей чистотою,
Съ моей вѣрой боролись и лучшіе ихъ
И потомъ-же они посмѣялись надъ мною,
Заключили меня въ тѣсныхъ тюрьмахъ своихъ.

За то выслушай городъ—я тебѣ объявляю:
Смертью дышутъ твой мракъ и краса твоихъ стѣнъ.
И тюрьму и твой храмъ наравнѣ отвергаю,
Въ твоемъ знаньи и вѣрѣ одинаковъ твой плѣнъ.

ВЪ ЦАРСТВѢ ТРУДА.

Однажды Атагонъ спросилъ Клеанта: зачѣмъ онъ накачиваетъ воду и ничего болѣе не дѣлаетъ? Клеантъ отвѣчалъ: „Развѣ я не копалъ и не орошалъ землю, развѣ я не дѣлалъ всего, что угодно пазъ любви къ Высшей Мудрости“?

изъ жизни Клеанта по Л а е р т і ю.

Кто воздѣлываетъ плоды земные, воздѣлываетъ и чистоту, занимающійся земледѣліемъ поддерживаетъ и распространяетъ законъ Великаго Духа.

изъ З е н д ъ-А в е с т ы, священнаго писанья древнихъ персовъ.

Даже по самому простому тѣлесному сужденію невозможно, чтобы истинно вѣрующее знаніе или чистота сердца существовали въ тѣхъ сословіяхъ, которыя не добываютъ хлѣба трудами рукъ своихъ. Никто не можетъ научить ничему, стоящему познанія какъ только работой рукъ.

изъ Р е с к и н а.

I

ПѢСНЯ НА РАБОТѢ.

1901 года.

Благослови насъ, Царь нашъ Батюшка,
На труды Твои, на трудную землю Твою

Какъ сына Твоего возлюбленнаго,
Какъ отрока Твоего Иисуса.
Да плотничалъ онъ, други, на землѣ да тридцать лѣтъ
И побѣдилъ начальника зла и отца праздности
И царь небесъ укрѣплялся трудомъ какъ сынъ человѣческій.
Такъ благослови насъ на всякое низкое дѣло Твое по лицу
всей земли,
Потомъ на дѣло Божье въ виноградникъ Твоемъ.
Нѣтъ въ небесахъ Твоихъ ни одного отдыхающаго или
сидящаго,
Не имѣютъ покоя день и ночь тьмы темъ и тысячи тысячъ
Твоихъ.
Ибо Ты Отецъ Вѣчнодѣлающій
И сынъ Твой Искупитель—Рабъ всѣхъ даже до этого дня,
А мы трудящіе названные братья Его,
Избранные въ вѣки. Аминь.

Сколько дѣлъ у Тебя, Боже мой, я вижу царство труда
Твоего.

Я увидѣлъ, что тысячи назначенныхъ работъ Твоихъ ожи-
даютъ работниковъ Твоихъ. Работайте, подмастерья.

Въ свободное время работайте для себя, мало вамъ хватаетъ
времени.

Иногда Онъ посылаетъ намъ праздникъ, пользуйтесь и освобожденными днями Его, сходите въ храмъ, помолитесь, подышите чистымъ воздухомъ вешняго утра, но зайдите и въ мастерскую.

Ночью размышляйте, какъ лучше удѣлать всѣ работы, которыя вамъ еще не даются, спрашивайте у старшихъ, друзья, иногда они отвѣчаютъ.

Главное приглядывайтесь, какъ работаетъ мастеръ, молчаливо сурово работаетъ онъ, онъ не любитъ открывать дверей своихъ, смотрите! легко ходить рука его, почти неглядитъ на верстакъ глазъ его, онъ работаетъ и свободенъ, онъ думаетъ о другомъ, думаетъ обо всемъ.

И Ангелъ воскликнулъ: нѣтъ конца, нѣтъ конца Его дѣлу, нѣтъ конца ступенямъ Его, Онъ не отвергаетъ и малѣйшаго дѣла и даже, когда даетъ и великое—просить не оставлять и малѣйшаго.

III

У ЗЕМЛИ.

Нѣсколько воспомнаній изъ рабочей жизни.

Работа только тогда хорошо сдѣлана, когда выполнена съ охотой, но ни одинъ человѣкъ не можетъ охотно работать, если не сознаеть, что дѣлаетъ именно то, что нужно въ сей-часный мигъ.

Въ глазахъ Творца всего великаго и малаго и малое и великое священы и день какъ тысяча лѣтъ и всѣ самыя ничтожныя какъ и самыя великія вещи полны неизяснимой тайны Великаго Духа.

Полезнѣй всего было бы составить описанье жизни тѣхъ людей, о которыхъ мѣръ недумалъ и неслышалъ, но которые теперь исполняютъ большую часть всѣхъ его трудовъ и отъ которыхъ лучше всего научиться молчаливому исполненью всякаго труда.

изъ Р е с к и н а.

I

Гдѣ вы, прекрасные годы мои, когда я какъ невѣдомый странникъ жилъ среди низкихъ и бѣдныхъ во всемъ, когда я сталъ дитей и благоговѣйно вступилъ во всю мудрость народную и въ работу народную, когда зимы и весны смѣнялись надъ нами какъ милые долгожданные братья? Гдѣ товарищи мои, вы свободные, вы прекрасные? Съ вами вмѣстѣ вступилъ я въ рѣку, протекающую въ самомъ глубокомъ мѣстѣ земли.

Я извѣрился въ ручейкахъ, я извѣрился въ образованныхъ, извѣрился въ мудрыхъ и сильныхъ, вы указали мнѣ путь.

Медленно протекаетъ рѣка по равнинѣ, но дорога ея прямо къ морю.

Гостепріимные домохозяйева, чистыя сильныя женщины, мудрыя дѣвушки, суровыя дѣти, нѣжные ни на мигъ не сомнѣвающіеся юноши, вы всѣ, которые еще не перестали бороться съ природой, меня оторвали отъ васъ. Теперь скитаюсь я около этого города какъ заблудившійся звѣрь, но я вижу предъ глазами своими только васъ, ваши дни, ваши чистыя рѣки, ваши заботы, вашъ трудъ.

2. Изъ круга работъ земледѣльца степей.

1

Утро блеснуло—залило всю палатку небесную. Всѣ разбѣжались съ уздами, некогда мыться, лошади и быки стоятъ далеко на равнинѣ, почти у небосклона. Когда запрягешь,

когда отпашешься, глядь уже полдень. Едва приволочать на стань тяжелыя ноги, тотчасъ всѣ завалятся спать. Одинъ проснется поранѣе, сварить лапшицы, разбудить товарищей, поѣдятъ неумывшись пятеро двумя ложками. И опять до вечера раздаются понуканья со всѣхъ концовъ степи. Вечеромъ тоже только выпрягутъ, завалятся и не встанутъ, даже солнцу иной разъ долго не разбудить припавшихъ къ грудямъ земли-матери.

Онъ только что нашелъ подъ одной цѣлизной кусокъ дикаго меда. Вдругъ чарующее благоуханье поразило его, онъ поднялъ голову. Нѣтъ, вокругъ шатра всѣ цвѣты вытоптаны, ужели это отъ рукъ? Онъ поднялъ къ самому носу свои черныя руки словно изваянныя изъ самой земли, немытыя всю недѣлю. Пальцы насквозь пропитались всѣмъ залахомъ травъ и черные ногти благоухали. Нѣтъ, никогда живущіе въ жизни позора, умащающіе все тѣло съ головы до ногъ дорогими духами — никогда неслыхали они подобнаго запаха. Лѣтомъ даже ноги рабочихъ людей благоухаютъ всѣми цвѣтами покоса даже подъ засыпанною землею портянкой.

11

До этого дня, братья, я не зналъ, что такое любовь до конца, какъ она исполняется въ самомъ маломъ.

Мы встали рано утромъ въ этотъ день, задолго до зари. Какъ радостно работать въ чистотѣ утра, обогнать сестрицу зарю, встрѣтить солнце, когда оно заблеститъ на травахъ и косахъ! Сердце мое пробуждалось въ эту весну много ранѣй всѣхъ друзей моихъ, я встрѣчалъ каждый день какъ корабль

изъ за моря, какъ драгоцѣнный корабль съ драгоцѣнностями. Тогда я будилъ другихъ и мы вставали и радовались: лучше поработать въ полутьмѣ чѣмъ въ зной, потому что въ полдень невозможно было лежать безъ пота подъ пологомъ, лошади запускали головы подъ нашъ пологъ и стояли надъ нами цѣлые часы. Спали мы раскрытой.

Мы спѣли священную пѣсню и кончили загонъ, какъ насъ позвали на станъ завтракать. Дорогой мы свернули немного вправо и стали быстро раздѣваться у ручья. Сестра вода оживила всѣ члены наши, возвратила намъ утомленнымъ чистоту и прозрачность свою.

Вдругъ я увидѣлъ, что братъ Александръ еще въ одной рубахѣ подходитъ ко мнѣ и даетъ мнѣ ягоду земляники. Земляники въ этотъ годъ вовсе и не бывало. Пять ягодокъ лежало на шапкѣ его. Также по ягодкѣ далъ онъ и другимъ, послѣднія двѣ остались ему и кашевару.

Скажите, кто самый добрый и честный изъ васъ исполненъ такой доброты? Я первый разъ видѣлъ ее во всѣхъ моихъ странствіяхъ. Кто считаетъ грѣхомъ, если напалъ на землянику, сначала отвѣдать самъ? и только, если много ея, тогда позоветъ и товарищей. Но только тамъ полная любовь, гдѣ и при людяхъ и безъ людей рука неможетъ протянуться къ тому, чего нѣтъ у другихъ.

3. СТРАНИЦА ИЗЪ ИСПОВѢДИ, ИЗЪ КНИГЪ ЖИЗНИ МОЕЙ.

Выслушайте нѣсколько словъ о томъ, какъ я проходилъ по голоднымъ мѣстамъ.

Съ ужасомъ проходилъ я по этимъ мѣстамъ. Это было на самомъ сѣверѣ Олонецкаго краю. Послѣ Пудожскихъ холмовъ, лѣсовъ и рѣкъ вдругъ открылась хлѣбородная Каргопольская равнина. Уже прошлый годъ обмануль ихъ. Теперь не собрали даже на мѣсяць, только картофель кой-какъ уродился. «Если не подвезутъ намъ хоть высѣвокъ добрые люди,—говорили они:—всѣ помремъ съ голоду даже въ началѣ зимы. Тогда-то пушай запируютъ на нашихъ могилахъ». Я шель уже робко. Хоть я шель безъ всякой котомки, даже безъ смѣнной рубахи, но мнѣ было такъ тяжело. Никто не призналъ бы меня попрошайкой кромѣ злѣйшаго изъ людей. Но имѣлъ ли я право—итти по этой страгѣ, гдѣ сама мать-земля и кричала и мучилась въ мукахъ безплодія, въ мукахъ рожденія? Это крикъ невыносимый—крикъ всей земли, особенно если сверху сіяетъ такое спокойное чистое небо.

Эта земля жгла мои ноги. Мнѣ страшно было глядѣть на поля, страшно было входить и въ селенья. Въ каждой избѣ, въ каждомъ углѣ стоялъ призракъ—ожиданія голода. Это было страшнѣй голоданья.

Безконечныя муки, неслышные стоны гнѣздились вокругъ cadaго дома какъ туманы какъ облака..

Едва нагораетъ избная лучина. Въ углахъ только мракъ. И онъ лучше чѣмъ свѣтъ, а то обнаружится бѣдность и грязь и голыя стѣны.

Особенно немогу забыть я одной женщины. Я встрѣтилъ тебя у колодца, когда воздухъ неотравленъ еще, когда утренній свѣтъ блисталъ надъ деревней. Каждый звукъ раздавался далеко въ глубинѣ прозрачнаго воздуха. Тяжелыя ведра скрипѣли и качались на нѣжныхъ и крѣпкихъ плечахъ твоихъ, неподвижно какъ прекрасное изваянье застоялась ты у журавля..

Ты сама зазвала меня пообѣдать въ своей глухой деревушкѣ. О дочь народа! мужъ твой умеръ съ тоски предъ самымъ голодомъ, изба твоя была обширная, но древняя, вездѣ уже начиналось разрушенье. Когда-то тутъ толпились и умѣщались могучіе люди, крѣпки были ихъ руки и ноги..

Ты ничего не сказала, но забуду ли нѣжность твою? Я не помню лица твоего, только разъ осмѣлился я взглянуть на него, но глаза твои въ моемъ сердцѣ. Ты не пожаловалась, но забуду ль ужасную бѣдность твою? Ты извинялась за пищу, ты унимала меня ночевать, я не остался.. Забуду ли твердость и кротость твою? Я такъ былъ исполненъ тобой, что, еслибъ остался, коснулся бы рукъ твоихъ и зарыдалъ. Я упалъ бы къ ногамъ твоимъ и немогъ бы встать никогда—за безконечную чистоту твою, за безконечную нищету твою!

Тихія мирныя дѣти твои проводили меня до первой разстави.

На пустынной дорогѣ плакать не стыдно. Березки такъ не засудятъ какъ люди.

О люди сѣвера! бѣдные, темные—въ лѣсныхъ деревушкахъ, послѣ васъ я прошелъ много странъ, я видѣлъ пищу, о которой вамъ и не снилось. Но только у васъ привѣчаютъ странника изъ окна, зазываютъ задолго до вечера, только вы дѣлили со мной послѣднюю кринку.

На ночлегахъ я выискивалъ полезную книгу въ хозяйской шкатулкѣ или громко читалъ свой новый завѣтъ; новый за-

вѣтъ былъ неразлучно со мной. Вездѣ шла работа и вечеромъ, всѣ кинулись на ремесла, жадно бондарничали, сапожничали, плели лапти.

Чѣмъ я могъ отплатить имъ? Зналъ я еще такъ немного— и въ работѣ и въ правдѣ.. Наклоненные надъ работой хозяева не подымали и лицъ, когда я говорилъ, но тѣмъ внимательнѣй слушали каждое слово. Я зналъ, какъ глубоко падало каждое слово, и страшно было говорить.

Я могъ только плакать на этихъ засушенныхъ морозомъ и солнцемъ равнинахъ. Отъ полей чрезъ дороги тянулись глубокія щели и трещины. Въ уединенныя я не удерживалъ слезъ, только этимъ я могъ отплатить имъ. И сердце болѣло безостановочно, оно стало какъ червь—мое сердце и изѣло всю радость мою. Я бѣжалъ отъ этого мѣста, но попалъ изъ огня только въ полымя. Я свернулъ востолбовой, но прямой дорогой чрезъ самый заброшенный изъ Вологодскихъ уѣздовъ. Я помню только болѣзни, черныя лица, черныя избы, помню грязныхъ дѣтей въ синякахъ и наростахъ, въ одеждахъ изъ разнообразнѣйшихъ тряпокъ какъ одѣяла.. Я нехочу вспоминать того, что увидѣлъ. Во многихъ домахъ отказывали отъ подавня, иные подавали щепотку соли или луковку, чтобъ не обидѣть отказомъ. Хлѣбъ подавали тонкими ломтиками и неглядѣли въ лицо.

Въ хлѣбородныхъ южныхъ мѣстахъ, особенно въ богатыхъ домахъ иногда получалъ я упреки, но здѣсь никто не упрекнулъ меня даже взглядомъ.

4. По дорогамъ.

Странникъ въ желтенькомъ полушубкѣ идетъ по дорогѣ. Широкая столбовая дорога легла какъ стрѣла, оперенная двумя рошами. Еще вовсе темно, но привычныя ноги бьютъ мерзлую землю. Никто въ этотъ часъ, даже дорожный товарищъ не замѣтилъ бы, не узналъ, что дѣется въ душѣ странника. Но въ глазахъ его тихія слезы молитвы о всѣхъ и за все, за погибающихъ въ бурной степи, за плавающихъ, за всѣхъ трудящихся, за младенцевъ и за разбойниковъ, за всякую травку, за скоть—милый крестьянскій животъ, за поля и за лютыхъ звѣрей, за свободную птицу, за всякую песчинку земную, за небо и землю, за долины и горы, за всѣхъ богатыхъ и нищихъ земля. Миръ и благословенье несетъ онъ сестрицамъ-березкамъ и мостику, закрытому снѣжнымъ заносомъ. Миръ несетъ онъ и рѣчкѣ и старается узнать его сердце, какъ лежать ей тамъ подъ хрустальными стеклами до самой весны.

Безпрерывно падаютъ крупныя радостныя слезы. Далеко проходятъ онѣ въ снѣговую опушку земли и радуются и снѣгъ и земля этой молитвѣ любви.

Вотъ вспыхнуло небо тѣмъ чистымъ огнемъ, какимъ вспыхиваетъ оно только зимой. Зablестѣли серебряныя, синіе, бѣлыя лучи: давно какъ воръ по всей равнинѣ подкрадывался день.

Странникъ вытираетъ глаза и моетъ ихъ снѣгомъ: теперь нельзя плакать, встрѣчные могутъ замѣтить.

И подвигаются ноги и ночью и днемъ по холмамъ, гдѣ за каждымъ уклономъ открываются новыя дали; внизу неожиданный-негаданный мостъ надъ обрывистымъ берегомъ; за-

чернѣлись куревки деревень за тѣмъ косогоромъ. На равнинахъ день голубѣеть, алѣеть по всей широтѣ, ровными скатертями разбѣгаются всѣ дороги. Странникъ вступаетъ въ лѣса; красный калинникъ манитъ прохожаго замерзшими гроздами, громадныя сосны поднимаются къ небу съ неудержимой быстротой—ровныя, чистыя, молодыя; то опять разстилаются куши мохнатыхъ еловыхъ палатокъ. Вотъ и Сыртъ, начинаются настоящія горы. Пока навверхъ подынешся, весь вспотѣешь; а вверху какъ пахнетъ холодомъ, бѣжишь внизъ двѣ версты все бѣгомъ — не нагрѣешься. Вотъ обрывы словно винтами, вотъ освѣщенныя полосами и затвердѣвшія навѣчно пласты, вотъ острыя пестрыя скалы ровно крѣпости самой земли-матери.

На глазахъ странника набѣгаетъ весна, дорога покрывается тонкими рѣзущими обувъ льдинками; обувъ изнашивается, самыя крѣпкіе четырехцѣпные лапти дюжатъ только нѣсколько дней. То онъ обгоняетъ весну, то зима нагоняетъ его, то чернѣются пашни, то тонкіе послѣдніе пуховые покровы уравниваютъ поля и овраги. Наступаетъ самое легкое чистое теплое время, пока нѣтъ еще мошекъ; радостно бродятъ въ прогалинахъ первыя стада коровъ. Лѣсъ опьяняетъ и самъ весь опьянѣлъ. Всякій камушекъ украшается всею роскошью травъ, нѣтъ ни пяди незанятой жизнью земли. Странникъ совершаетъ свой путь по утрамъ по теплой росѣ. Осень застаетъ семью на жнивьяхъ, а странника опять на дорогѣ. Лапти, уходившіе сорокъ версть, теперь уходятъ едва и десятокъ въ вязущей глинѣ, теперь только ропщеть онъ иногда на свою судьбу на землѣ.

Но зима ему роднѣй всѣхъ остальныхъ дней. Раскрытымъ ртомъ вдыхаетъ онъ воздухъ и этотъ воздухъ крѣпнитъ его на многіе годы. Какой вѣтеръ прозрачнѣй этого зимняго? Когда лучше блистаетъ заря? Какъ пожаръ подымается она почти до сердца небесъ. И всѣ люди зимой бодрѣй и гостепрѣимнѣй.

Зимой у каждаго подъ рукой словно купанье—свѣжій воздухъ и всеочищающій холодъ.

Въ простодушныхъ деревняхъ странника привѣчаютъ еще изъ окна. Даже недовѣрчивые пригородные фабричные улыбаются ему. И по всѣмъ уголкамъ—на равнинахъ, въ лѣсахъ и горахъ—вездѣ понемногу разсѣяны благочестивые мудрые кроткіе люди—задумчивыя женщины; парни съ нѣжной душой; степенные мирные домохозяева, похожіе на родныхъ отцовъ строгіе и готовые все простить старички. Даже стыдливыя дѣти зазываютъ въ нныхъ мѣстахъ странника.

Такъ идетъ онъ всю жизнь и на дорогѣ заболѣваетъ и умираетъ.

Б. ДРАГОЦѢННАЯ ЛЬДИНКА.

ПРИТЧА.

Утро стояло надъ быстрой застывшей рѣкой—изъ хрусталя были выкованы облака и небо и воздухъ и серебрянныя поля и дороги и лѣсъ. Невидимые алѣющіе лучи наполняли воздушное море, лежали на омытыхъ сосновыхъ вѣтвяхъ, отъ каждой иглы отражались зеленые, синіе, красные, серебрянныя лучи. Сейчасъ еще дружны какъ сестры зима и весна, одна отмежевала себѣ утро, другая вечеръ. Съ полдня ровно мечи пронзаютъ снѣга и всѣ льдинки; вода на дорогахъ, но люди идутъ прямо къ мосту, начинаютъ окалывать сваи, чтобъ не

подняло мость быстринной. Подъ пешней открываются три слоя льда—верхній весь мокрый и снѣговой, второй маленько покрѣпче, а третій сейчасъ послѣ полдня такъ крѣпокъ и связанъ, никакъ не отколешь, только сквозь пробиваешь дыры.

Вотъ два человекъ прорыли канавку, продолжаютъ ее. Сначала сымаютъ два слоя, на третьемъ блеститъ драгоценный камень—маленько продолговатый; въ немъ, въ небольшомъ заключѣна вся радуга, живыя краски переливаются всѣми отѣнками, переходятъ другъ въ друга.

Заглядѣлись рабочіе, какой жаръ пышетъ отъ этого камня! такъ вотъ отчего называется онъ драгоценнымъ, даже въ сердце суровыхъ людей проникаетъ его красота. Одинъ осторожно ударилъ пешней, чтобъ отломить, наверхъ всплыла муть, ее сняли лопатой, но невидно уже драгоценнаго камня.

Одинъ опустился у самаго края, засучилъ рукавъ до плеча и напрасно ищетъ въ водѣ рукой, замочилъ все плечо: на мѣстѣ самоцвѣтнаго камня одно углубленье отъ лома.

А второй изъ стоявшихъ сказалъ: «Нѣтъ, обманъ не отъ льдинки. Всякій цвѣтокъ прекрасенъ, пока онъ не знаетъ, что онъ красивъ. Богъ даетъ красоту тому, кто не заботится о одеждахъ и пищахъ своихъ, кто не глядитъ на себя въ зеркало. Мы обидѣли льдинку грубой рукой. А чѣмъ ее краски уступятъ драгоценнымъ алмазамъ? Только люди тщеславятся ожерельями и рубинами, а земля украшается и алмазами и травкой и льдинкой и всякой песчинкой полей».

IV

Восхваленіе нищаго житія.

Слово странника о нищѣ духовной и тѣлесной.

Блаженны нищіе духомъ и тѣломъ.

Такъ сказалъ странникъ.

Хорошо, братья; вы оправдываете себя тѣмъ, что нельзя не заботиться о будущихъ нуждахъ своихъ, о семьѣ своей, о ближнихъ своихъ, о тѣлесномъ пропитаньи своемъ, но скажите, братья, чѣмъ кормится человѣкъ? не сегодняшнимъ ли трудомъ своимъ? Если сегодня ты поработалъ, назавтра Богъ далъ заработать и пищу. Каждый посмотри внимательно на себя. Не такъ ли устроено все, что и не надо заботиться?

Грѣхъ не работать, грѣхъ заботиться. Встань рано утромъ, помолись свѣту міра и можешь подумать и о сегодняшнихъ дѣлахъ своихъ: вотъ это вотъ надо, надо добыть того-то, пойти туда-то. Но и въ этомъ смотри! мѣры не преступи!

Сегодняшняя забота не запрещена и не заботой именуется она. Но если завтрашнюю прибавишь, тогда молитва твоя никакъ не подыметъ къ небу. И сегодняшняя забота можетъ обременить тебя.

Потому что иной встаетъ рано утромъ и думаетъ такъ: ахъ, вотъ надо скорѣй додѣлать одно—вчерашнее, да еще за другое приняться, да увижу того человѣка—такъ не забыть спросить у него и про сѣно и про корову и про старосту,

что это сказывали вчера отъ него. А другой встаетъ такъ и полагаетъ съ самаго утра: «Нѣтъ, Господи, я небуду печалиться, ни о какихъ малостяхъ небуду трудить душу свою. Небуду записывать ни на бумажкахъ ни въ книжечкѣхъ ни въ мысляхъ своихъ всѣхъ нужныхъ дѣлъ своихъ, а при всякомъ дѣлѣ и помышленьи скажу: когда нужно Тебѣ, Господи, изведи его, Самъ положи его тогда въ память мою.» Какъ печалятъ они себя даже ничтожностями, какъ убиваютъ ихъ даже всѣ великія дѣла ихъ, какъ убиваетъ и самовольная праведность, какъ постоянно человѣкъ сокращаетъ заботами даже видимое время свое, радость и драгоценную жизнь свою! Развѣ Онъ не дастъ самаго лучшаго дня для плодовъ твоихъ, для всѣхъ цвѣтовъ твоихъ?

Онъ—сердце міра и все—и малѣйшее отъ Него и укрѣпляется отъ Него, если взглянуть хоть на мигъ на Него.

Всѣмъ мы у Господа довольны, всѣ у хлѣба, у соли, у всего и за всѣмъ, всѣ сидимъ за всемірнымъ безконечнымъ столомъ. И Онъ даетъ хлѣбъ и соль на весь міръ, даже псы ѣдятъ крохи отъ стола Его, всѣмъ открытъ и духовный хлѣбъ и тѣлесный. Только трудись.

Часто слышалъ я отъ васъ, старики, что какъ не согрѣшить и не заботиться при работѣ? И что-же выходитъ изъ вашихъ заботъ? Ничто неприводится такъ, какъ ты задумалъ.

Разсчитай даже по пальцамъ невыгоды. Ты печалился, вмѣсто того, чтобы думать какъ лучше удѣлать сейчаснее, ты былъ Богъ вѣсть гдѣ.

Не оттого ли и работа твоя часто выпадаетъ изъ пальцевъ твоихъ?

Но ты потерялъ сокровище въ дому твоёмъ!

Особенно, братья, огорчаетъ сердце мое, когда я слышу

эти лукавыя слова въ бѣдной избѣ. Богъ возлюбилъ тебя, потому что Онъ никогда не даетъ богатства на узкомъ пути, Онъ приблизилъ тебя къ тайнѣ Своей, а ты хочешь погубить всю милость Его. Ты выходишь такъ-же виновенъ какъ богатый, даже еще болѣе—чѣмъ прибавляющій безъ конца поля къ полямъ своимъ.

Благословенъ, радость обитаютъ въ сердцѣ моемъ, когда я вижу бѣдныхъ, темныя стѣны твои, низкія окна твои, не разрушай мира моего съ невысокимъ плетнемъ твоимъ. Ворота твои—настежь открыты они. Ты, какъ и я, какъ и Онъ—нищій странникъ земли.

Блаженны нищіе и духомъ и тѣломъ, потому что Онъ—все во всемъ. Я это хочу объяснить вамъ, братья, что на нашемъ пути странниковъ необходима и эта и та нищета—и духовная и тѣлесная. Ты скажешь, что тѣлесное это малое, но ничего малаго нѣтъ, въ маломъ скрыто великое какъ въ младенцѣ будущій взрослый человѣкъ, малое и есть великое. Если въ великомъ наблюдаешь—въ глубинѣ, тѣмъ болѣе въ маломъ, въ наружномъ. Есть и наружное, которое отъ Него. Кто нарушитъ одну изъ этихъ малѣйшихъ заповѣдей Его, того малѣйшаго назоветъ въ царствѣ Божьемъ.

Ну если я войду въ домъ идолопоклонника, ужели, други, радуется сердце мое? И вотъ я увижу, что этотъ идолопоклонникъ мирный и тихій и живетъ себѣ въ бѣдности и еще благословляетъ судьбу за всю жизнь свою, развѣ я этому не порадуясь, но развѣ изъ-за этого перестану печалиться объ идолахъ его? И вотъ я вхожу въ другой домъ—хозяинъ его не язычникъ, видимыхъ идоловъ нѣтъ у него, но злоба и ненависть въ сердцѣ его. И развѣ я не порадуясь первому, что онъ христіанинъ, и развѣ изъ-за этого я перестану печалиться о злобѣ его? Вотъ я прихожу ночевать въ другую деревню—къ

великому богачу, хозяину кабака,—и онъ такой мирный, принимаетъ меня, даетъ мнѣ на дорогу и валенки и одежду. Развѣ не радуюсь я его кротости, но развѣ изъ-за этого перестаяю я печалиться о богатствѣ его, о сѣти его? И если я встрѣчу злобнаго бѣдняка, я всегда буду радъ за бѣдность его и благословенье, и умиленье къ ней вѣчное въ сердцѣ моемъ и печаль о внутреннихъ идолахъ его.

Братья, среди самыхъ темныхъ народовъ я встрѣчалъ такихъ, которые весь вѣкъ живутъ въ бѣдности и безъ конца благодарятъ Всевышняго. И вы, хитрые и злые мужи силы, не обвиняйте ихъ. Многіе изъ нихъ могли такъ-же стремиться къ золотому тельцу какъ и вы, но небыло этого никогда въ ихнемъ сердцѣ, часто богатство проходило мимо рукъ его, но онъ всегда раздѣлялъ его со всѣми. Не шевельнулась на увеличение имѣнья рука его, оттого остался онъ такимъ всю жизнь. Въ одной губерніи я ночевалъ у самаго бѣднаго въ селѣ, смолоду нелюбилъ онъ замковъ и даже при мнѣ забранилъ за это жену, когда она прятала что-то въ сундукъ. Гдѣ разбогатѣть при такой любви, при такой мудрости, при такомъ различеніи истиннаго блага?

Богатство земное это видимый идолъ и еще издали я замѣчаю его, какъ только подхожу къ избѣ съ высокими воротами, съ желѣзными цѣпами, со стаей злыхъ собакъ. Я говорю имъ: миръ, младшіе братья мои, миръ, братья псы, вы видите—по заповѣди посоха нѣтъ у меня, чтобъ негнѣвить васъ, чтобъ говорить миръ и псамъ. Но кто успокоить голодныхъ собакъ богача?

ЕЩЕ СКРИЖАЛЬ.

Рабъ истины есть рабъ всѣхъ.

Они говорятъ.

Ужели рабство есть тайна свободы?

Да, братья, рабство любви есть тайна свободы. Всемирная скорбь есть сердце всемірнаго торжества. Состраданье, сожалѣнье есть тайна и корень сорадованія. Распятіе и воскресенье—все есть едино.

Скорбь о всѣхъ уже есть торжество и вѣчно-новое воскресенье во всѣхъ и чудо и исцѣленье.

Кто никогда не страдалъ, тотъ никогда не будетъ и радоваться. Самъ Господь, Самъ Царь міра есть рабъ всѣхъ. Онъ всѣмъ помогаетъ даже въ тѣлесномъ.

Что можетъ быть выше? Тотъ, кто забылъ себя, кто всѣмъ послужилъ, тотъ царь и священникъ. Иначе погибнетъ даже твой духъ.

Рабами всѣхъ будутъ только свободные. Такъ мнѣ сказали рабы на пламенной колесницѣ серафимовъ.

Я видѣлъ ихъ и среди улицы современнаго города.

Но быстро унеслись они въ степи къ рабамъ—вѣчнымъ друзьямъ моимъ, ко всемірному братству рабовъ.

Братья, братья!

Въ этомъ великомъ современномъ Вавилонѣ знаній и роскоши, среди этой всемірной пустыни, среди нѣжныхъ и жестокихъ рабовладѣльцевъ, я одинъ защитникъ вашъ, мои братья рабы, я посланъ сюда отъ вашего всемірнаго общества земледѣльцевъ.

Трудъ есть побѣда и жизнь.

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ «ВѢСОВЪ».

Противъ искусства и науки, последнее слово бывшимъ единомышленникамъ.

Я только напоминаю вамъ, братья, древнюю заповѣдь брата Моисея:

«Если строишь жертвенникъ Богу, строй его изъ земли, а если будешь класть изъ камней, если Богъ далъ тебѣ особые таланты, смотри! тутъ особенно берегись, необтесывай ихъ, потому что какъ скоро возложишь твое тесло на нихъ, то осквернишь ихъ.» И это древнѣйшее слово подтвердилъ и другой человѣкъ «Растите какъ лиліи у береговъ долинъ, какъ обѣщано, неглядясь ни въ какія зеркала.»

Все вымышленное, выдуманное въ вашемъ искусствѣ, въ вашихъ искусствахъ, все небывшее, неслучившееся въ наружномъ мірѣ ни въ глубинѣ—все это я отвергаю, а сколько такого у васъ! Истинная красота рождается готовою во всеоружьи въ сердцѣ человѣка, но вы неумѣете ждать, самыя прекрасныя теперешнія произведенія я болѣе считаю только недоносками.

Когда я читаю іудейскихъ пророковъ—Аввакума, Іону, Михея, Іезекиіля, мой духъ спокоенъ, несмотря на ихъ ветхозавѣтныя покрывала жестокосердія, несмотря на многія ихъ недоумѣнья, а самыя прекрасныя ваши сочиненія мнѣ тяжелы.

Противъ романовъ. Это просто длинныя повѣсти суеты, такъ называю я ихъ. Зачѣмъ придумывать имена людемъ, зачѣмъ вводить ихъ въ разныя положенія, зачѣмъ заставлятъ ихъ говорить выдуманное, зачѣмъ лгать? Истинная притча она ко-

ротка и пряма, такова крылатая древняя притча восточныхъ мудрецовъ.

Все это гоже только праздному обществу.

И такъ много суеты, зачѣмъ еще изображать ее? Нужно создавать новый мѣръ, новую землю.

Противъ стиховъ. Чѣмъ болѣе вы будете забывать объ одеждѣ стиховъ, о наружномъ размѣрѣ удареній, о непремѣнномъ созвучьи буквъ въ концѣ каждой строки, только тогда совершится пѣсня свободная неупорядоченная и мѣсто ея будетъ Церковь или Жизнь. И тогда Богъ дастъ ей безсмертную одежду и истинно прекрасную.

Противъ науки. Мелкими мыслями разума не достигнешь не только Господа, а даже малѣйшей истины. Она достигается только созерцаніемъ и сочетаньемъ, бракомъ съ каждой песчинкой земли.

Сухія безчувственные многотомныя книги ваши—тѣнь безъ духа, и всѣ когда-нибудь погибнуть и даже дѣти не коснутся ихъ.

Противъ живописи и ваянья и архитектуры или строительнаго искусства. Мы и такъ тяжелы, и такъ обременены этимъ тѣломъ. Зачѣмъ еще обременять себя изображеньями. Весь этотъ мѣръ долженъ исчезнуть. И пророкъ говорить: Я опять поселю васъ въ кущахъ, какъ въ дни праздника.

Противъ многихъ словъ. Слова только одежда. И одежда можетъ быть даже грубой, даже рваной, даже некрасивой только бы крѣпко было тѣло и выносливо къ жару и холоду. И можно такъ закрыть себя одеждою, что трудно будетъ ходить. Это дѣлаете вы.

Противъ представленій или театровъ. Это ваше искусство представленія я всегда глубоко презиралъ даже тогда, когда принадлежалъ къ вамъ. Мнѣ всегда было радостнѣе самому прочесть вещь, чѣмъ увидѣть ее представленной. И такъ трудно понять что бы ни было, а представленіе это полная измѣна или перелицовка написаннаго. Потому театръ—училище лжи. Первый лжець есть актеръ, представляющій. Онъ смѣется тогда, когда нехочетъ смѣяться, плачетъ тамъ, гдѣ нѣтъ плача. И всѣ зрители привыкають ко лжи и учатся лгать. Вотъ отчего такъ много лжи въ современномъ образованномъ обществѣ—даже отъ этихъ театровъ. Зрители смотрять на зрѣлище какъ на жизнь и плачуть при изображенныхъ страданьяхъ и выплакивають тутъ всѣ слезы и радость свою, всю силу духа. Потому они возвращаются въ жизнь сухіе и смотрять на нее какъ на представленіе и проходятъ спокойные мимо самыхъ ужасныхъ зрѣлищъ.

Даже вы сами признаете, что незачѣмъ представлять сказанное и написанное: раскрашенное изваянье и вы назовете не изваяньемъ, а куклой.

Это истинное искусство толпы!

Противъ образованья безъ вѣры и противъ всей мертвой жизни. Безъ храма, безъ молитвы самый ученый, образованный, самый милосердый человекъ часто будетъ оказываться ниже самаго грубаго идолопоклонника въ жизни.

Какъ смерть—такъ тяжела мнѣ ваша жизнь. Только тѣломъ и разумомъ занимаетесь всѣ вы, а духа незнаете. Даже своего духа незнаете вы, а Духъ Божій сокровенъ отъ васъ.

Всѣ ваши книги, всѣ ваши искусства, вся ваша наука, все ваше образованье, всѣ ваши города и обычаи—одна великая пустыня.

Кто изъ васъ видалъ огненную колесницу херувимовъ, которую видали даже древніе?

Въ защиту только музыки и пѣсни. Изъ всѣхъ вашихъ искусствъ частью понимаю и признаю я въ храмѣ только одно — музыку и пѣсню, но даже не теперешнюю музыку и не теперешнюю пѣсню. Эти легкіе крылатые звуки ближе къ безсмертному всенаполняющему невидимому міру. И пѣсня пусть является только отъ избытка въ сердцахъ и предъ Всевидящимъ — на жертвенникѣ безконечнаго.

2

ТЫ ПОВЪДИЛЪ, ГАЛИЛЕЯНИНЪ!

ВЕСНА 1903 ГОДА.

Господи, гдѣ сила Твоя и весна Твоя?
Гдѣ на землѣ обитаетъ торжество Твое?
Возврати меня, Жизнь моя, въ сердце Твое,
Возврати мнѣ сердце дней древнихъ,
Возврати мнѣ всю вѣру и душу мою,
Напиши меня на рукѣ Твоей,
Напиши стѣны мои на рукѣ Твоей,
Стѣны мои всегда у очей Твоихъ!
Помяни дни Твои торжественные непобѣдимые,
Когда рука Твоя вела меня и въ мракѣ!

Братья, воскликните къ Богу голосомъ радованія!
Я повстрѣчалъ Его на пути моемъ.
Сзади приблизился Онъ ко мнѣ,
Невидимо прикоснулся Онъ ко мнѣ,
Поразилъ меня на землѣ Своей,
Наступилъ на меня, побѣдилъ меня,
Боролся со мной съ великимъ одолѣніемъ,

Назвалъ меня «богоборецъ мой»
И въ сумеркахъ утра благословилъ меня.
Сочетался со мной бракомъ таинственнымъ
И никто не видалъ нашихъ дней весны,
Только степи кругомъ разстилалися,
Только птицы кругомъ раскликалися,
Только крылья кругомъ развѣвалися,
Только пѣсни кругомъ раздавалися
— Видимыя и невидимыя.
Сочетался со мной бракомъ таинственнымъ,
Въ море морей втекли рѣки мои
И видать я въ струяхъ имена Его,
Нѣтъ конца именамъ Его.
Отецъ мой и Сынъ мой, Возлюбленный мой,
Старшій братъ мой, невѣста моя и сестра моя,
Правая рука моя,
Онъ—вся жизнь моя и душа моя!

2

И шель по весенней дорогѣ.

И внезапно, послѣ долгихъ сомнѣній, какъ покровъ провалился среди окружающаго меня міра, я опять увидѣлъ небеса и воскликнулъ: «Родныя поля мои, дорогія горы мои, какой блескъ, какой блескъ!» Ибо какъ звѣздный свѣтъ, какъ непрерывный звѣздный свѣтъ, наполнявшій все небо, такъ тихими волнами, таинственными лучами обвѣяно было царство Свѣта.

На какихъ языкахъ человѣческихъ расскажу я это? Потому что, братья, въ истинномъ ясновидѣннѣ приблизился я къ этому чистому міру, который для васъ закрытъ этой притчей, именовъ небесь.

Какъ небеса окружають всю нашу смерть, всѣ наши убійства и дикіе шумы, какія они спокойныя, чистыя!

И пѣсня безконечнаго сожалѣнья прозвучала надъ землею моею: «Имя Его—Безконечное Сожалѣнье.»

3

Въ уединеннѣ я отдалился отъ людей и долго лежалъ какъ мертвый на жесткой землѣ прошлагодняго жннва — и суслики въ ближней гречихѣ недоумѣвали, не мертвый ли я или какая-нибудь еще новая неизвѣстная тварь. Незримыя силы наполняли благоуханьемъ землю, какъ море голубѣлъ

просторъ, почва земли горѣла. И я кричалъ и боролся съ Кѣмъ-то во внутренностяхъ моихъ. Всѣ гордые образы земли и небесъ—ученые Ѳемоны, современные мудрецы и невѣрующіе и Денница—всѣ прошли предъ взоромъ моимъ въ тотъ день.

Наконецъ я поднялъ голову, въ дыханьи земли я видѣлъ изнеможеніе отъ зноя, какъ чуждыя сіяли небеса. И суслики на окраинахъ ближняго поля—перекликаясь, суетясь, перебѣгая недоумѣвали про меня.

Съ этого дня я разрушилъ навсегда это старинное недоумѣніе. Долго мучился я, какъ разумѣть, что говорить на землѣ, чтобы негдѣть моимъ братьямъ, пока не увидѣлъ Тихаго Сіянья на неустойчивыхъ крыльяхъ вѣтра, пока не увидѣлъ близко, близко Престола Твоего, пока не услышалъ чистыхъ всенаполняющихъ животныхъ рѣкъ Твоихъ. Тысячами созданій Твоихъ, тьмами темъ утреннихъ пѣсенъ ихъ окружилъ Ты меня. Твой престолъ на камнѣ и на былинкѣ, и на скалѣ и на всемъ веществѣ, на землѣ и на солнцѣ, на дубѣ и на березкѣ и на животномъ и на человѣкѣ и на ангелѣ и на сынѣ и даже на врагѣ Твоемъ. Я видѣлъ Твой престолъ и на безднѣ и бездна не уменьшила свѣта Его. Кролики и змѣи мирно извивались у подножій Твоихъ, мирно упокоились они, неизмѣннымъ блескомъ озарились и долины и желѣзные рудники, и не прекраснѣй ихъ были драгоценные камни земли. Изъ земли и небесъ былъ выкованъ Твой престолъ, тамъ протекали всѣ рѣки времени и вѣчности, расцвѣтали и уже неотцвѣтали цвѣты мгновенные, изъ мрака возставали умершіе, и искупленные наказаньями и кровью Твоей были чище непорочныхъ Твоихъ. Въ одной рукѣ Твоей я видѣлъ лицо животного, лучами Твоими испуганное, но Ты клалъ ласкающую руку Твою и какъ дитя слушался онъ опять приказаній Твоихъ, и въ безсмертной звѣздѣ указалъ Ты подругу

ему и подобно звѣздѣ и лучами звѣзды очистились сердце и члены его. Въ другой рукѣ Твоей въ отчаяньи кричалъ человекъ, но Ты показалъ ему горы земли и назвалъ ихъ братьями его. И онъ принялъ заповѣдь труда и сожалѣнья и началъ трудиться среди вѣчности Твоей, ибо нѣтъ печали земного труда въ безконечности, въ творческомъ побѣждающемъ бездну дѣлѣ любви. Изъ всѣхъ рѣкъ наклоняясь велѣлъ пить Ты ему, древнѣе простые пути возвратилъ Ты ему. И Ангелы трепетали въ рукѣ Твоей, какъ служители ждали смерти своей. Черезъ огонь преображенья привелъ ты всѣхъ ихъ въ вѣчныя двери Свои; устами къ устамъ открылъ законы Свои даже былинкѣ степей, верблюды и мыши и звѣзды и ангелы получили непостижимыя до сихъ поръ никѣмъ безсмертныя одежды свои, сотканныя изъ лучей Твоихъ. Весны покрыли холмы и стали надъ утесами бездны, города открывались вездѣ..

Кто говорить мнѣ? кто поеть мнѣ? Я думаю, Господи, надъ этимъ будутъ смѣяться мудрецы и всѣ люди.

И я воскликнулъ: «Живому, Живому, Живущему въ вѣка вѣковъ, Безначальному, Безконечному, Невидимѣйшему, Единому отдаю, отдаю жизнь мою. Я не Ты, Ты не я, мой духъ не Твой, Твой духъ не мой, но я подобенъ Тебѣ, Отецъ!»

4

На пути изъ Нижняго въ Балахну.

въ 1903 году.

Горы, холмы земли—братцы, сестры мои,
Даже камни дорогъ—други вѣрны мои,
Неба своды, лучи—какъ отцы мои,
Звѣри дикіе—братцы милые,
Рѣки тихія—обрученныя мнѣ, навсегда мои.
А и миръ вамъ, сестры звѣздочки,
Звѣзды ясныя—вы цвѣты небесъ,
Всѣ цвѣты полей въ вѣнцахъ царскихъ,
Лучи солнечныя—гонцы радостныя,
Камни мирныя придорожныя молчаливыя,
Я предъ вами, предъ всѣми лицомъ ницъ до земли простираюсь,
Отъ васъ всѣхъ озаряюсь..
И былиночка—сиротиночка, ты родимая!

5

Начинаются, други, деньки строгіе,
Познобило ночесь въ поляхъ и послѣднюю ли былиночку,
А вечеръ небо ясное кругомъ обкладывалося..
Понимайте-ка, други, небо ясное, звѣзды чистыя,
Понимайте-ка, други, мысли ясныя, очи строгія.
Съ ними вмѣстѣ войдемъ мы въ тебя, рай высокій мысленный.

Тамъ увидимъ всѣ лицомъ къ лицу Безначальнаго Всеединаго!
Красота всѣхъ міровъ—слабый лучъ Его,
Быше всякой любви даже край одеждъ Его,
Праведность всѣхъ святыхъ—только край одеждъ Его.
Тамъ восплачемся предъ Сотворившимъ насъ!
Родной Батюшка, Мать, Возлюбленный,
Нѣтъ конца именамъ Твоимъ,
Сотворивый насъ, неотвергни насъ!
Вмѣстѣ съ нами страдающій, сострадающій,
На грѣхи наши взирающій, воскресни въ насъ!
Нами распинаемый, съ нами воскресаемый,
Воскресни въ насъ!

Наипаче-же убѣгайте, други, жизни каменной равнодушно-ей.
А и станемъ снова всѣ въ тихой ревности,
Опояшемся чистымъ разумомъ.
Понимайте-ка, други, мысли ясныя, очи строгія,

Будемъ бодрствовать въ ночь суровую, деньки строгіе.
А и благо полагать предъ Нимъ ночи бодрья.
Что среди ночей земли, среди смертной осени
Приходилъ мой милый вѣрный другъ, восходило солнце красное
нежданное.

IV

ДѢЛА И ДНИ

ДНЕВНИКЪ ЗАКЛЮЧЕННАГО

1904 года.

Малые и злые дни вышшняго вѣка.
изъ книги Е з р ы.

Берегись, берегись, смотри, говоритъ мнѣ Другъ мой, замѣчай, замѣчай, сейчасъ ты былъ среди Моихъ странъ, ты глядѣлъ на эти пустыя стѣны, на этотъ ткацкій столикъ, на эту тишину заключенья, на изрѣдка доносящіяся съ площадокъ шумы, ты глядѣлъ на все какъ на неизмѣнные начертанные ко благу пути даже въ заблужденіи своемъ.

Ты хочешь знать Мое слово? Не торопись, не торопись никогда, потому что безконечная жизнь, безконечное дѣло на каждомъ шагу окружаютъ тебя какъ весна, какъ множество родниковъ въ приморской странѣ. Помни, каждый родникъ сынъ небесъ, это братья твои, слушай все и люби, всѣхъ люби.

Если-же поторопишься, то ты уже не читаешь предложенное тебѣ, предъ тобой мелькаютъ только отрывки, страницы, непонятныя буквы, слова, а музыка не звучитъ для тебя, для поспѣшнаго.

Здѣсь рядомъ есть обѣ страны. Въ одной ищутъ только чуда, въ другой желаютъ только какъ-нибудь остановиться или вернуться. Но безконечна лѣстница и путь ея единственный — всемірное преображеніе, всемірный пиръ.

2

Бываетъ время дорогое, бываетъ время дешевое.

Однажды я запечалился въ заключеньи своемъ и дешево стало для меня быстрое неудержимое время и тихимъ показалось оно мнѣ и много утекло его въ тотъ вечеръ. Въ одинъ вечеръ можетъ уйти тысяча лѣтъ. Не пренебрегайте-же даромъ Его, чтобъ Онъ не пожалѣлъ, что далъ его вамъ!

Но снова я укрѣпился и возвратился въ церковь вселенскую и снова стоялъ среди безконечнаго наполненнаго неземной музыкой храма и ради братьевъ моихъ Богъ возвратилъ мнѣ вѣчную жизнь. И въ восторгѣ я помыслилъ и уразумѣлъ и увидѣлъ, что Богъ сильнѣе всего міра, Онъ сегодня-же вечеромъ можетъ открыть двери моего заключенья.

Такъ засвидѣтельствовано и въ видимомъ писаньи: «Вотъ клеветникъ будетъ ввергать васъ въ темницу и будете имѣть скорбь дней десять.» У Него все опредѣлено до малѣйшаго мига, только десять дней заключенья моего! Онъ сегодня-же можетъ открыть мои двери.

И хорошо ли будетъ тогда мое прощанье съ этой комнаткой, если я печалился въ ней? И я поглядѣлъ на все и все было живое. Кровать запертая на замокъ у стѣны глядѣла на меня съ такой любовью, стѣны охраняли и привѣтствовали меня, онѣ помнили только лучшее отъ меня, только пѣсни мои и улыбку, они простили мнѣ часъ печали. И я сказалъ не шутя: «миръ тебѣ, сестра моя комнатка.» И благословилъ ее.

И Духъ Жизни соединилъ меня со всѣмъ міромъ и съ этими каменными стѣнами. Ибо во всемъ есть великая непостижимая жизнь. И выглянувшее въ дверную форточку лицо тюремщика было дорого мнѣ, какъ давно знакомое и знающее меня.

3

Я ткалъ, вдругъ дверь открылась и испуганный надзиратель предупредилъ, что сейчасъ придетъ главный начальникъ всѣхъ тюремъ. И вотъ они вошли и стали у дверей—все мои тюремщики—мирные, ласковые. Главный начальникъ тюремнаго управленья подробно разспрашивалъ меня, довольно ли пищи, нравится ли работа. И я отвѣтилъ имъ: «братья, слишкомъ много, слишкомъ часто заботитесь вы обо мнѣ.» И мирно поговорили и простясь ушли.

И вдругъ въ истинномъ озареньи я уразумѣлъ, что это Богъ опять послалъ мнѣ притчу изъ книги Жизни Своей. Потому что такъ будетъ въ грядущихъ народахъ, преступникъ противъ закона будетъ все одно что въ тюрьмѣ, но не въ тѣлесной. Истинно въ пустынѣ окажется онъ, ибо всѣ будутъ бояться его. Но несмотря на боязнь лучшіе, истинно начальствующіе надъ вселенной придутъ къ нему съ кротостью и спросятъ его, довольно ли у него духовнаго хлѣба.

4

Въ мою наружную комнату вошелъ наружный невысокій человѣкъ и подарилъ мнѣ на праздникъ наружную книгу. Такъ дѣлаетъ онъ по всей тюрьмѣ каждый годъ и истинно его ведетъ духъ любви, но онъ еще темень и печаленъ, онъ подстражей ветхозавѣтнаго закона. И я уразумѣлъ. Богъ мой

даетъ миѣ знакъ. Такъ будутъ отъ вечера до утра входить во всѣ тюрьмы въ грядущихъ народахъ, но не въ наружную комнату и не съ наружными книгами.

И незамѣтно за работами заключенныхъ приблизится праздникъ—преображенъе міра.

Такъ, братья, умѣйте читать и видимую книгу.

5

Вы деньки ли мои—деньки тихіе непримѣтные,
Вы деньки мои—братцы милые, други вѣрные,
Каждый день ровно голуби надъ тюремнымъ окошкомъ моимъ
подымаетесь,

Волю Божию исполняете.

Вы деньки мои—рѣчки чистыя и спокойныя,

Вы часы мои—рѣчки горныя,

Вы минуточки—родники придорожныя,

Вы какъ камни прекрасныя многоцѣнныя,

Вы за что еще миѣ дарованы?

Какъ младенца меня озаряете!

Вы деньки мои—братья твердые неизмѣнныя,

Вы идете дорогами неизмѣнными,

Каждый часъ, каждый мигъ у васъ неизмѣнныя.

Вы какъ ангелы меня озаряете,

Осѣните меня, братья ангелы, свѣта крыльями,

Осѣни меня, ангелъ вечера,

Свѣтомъ внутреннѣйшимъ, неземнымъ крыломъ.

Здѣсь въ заключенїи мнѣ совсѣмъ не видно, какъ проходить дни земли. Окно мое часто открыто цѣлый день—особенно если я работаю, часто я стою у рѣшетки, но когда выйдешь на прогулку, тогда только видишь солнце и свѣтъ и лучи.

«Какъ солнышко блеститъ!» — невольно воскликнулъ я однажды, выходя на дворъ въ пасмурный день. Надзиратель посмотрѣлъ на меня какъ на безумнаго. Плотная мгла строго стояла надъ городомъ.

Но сегодня надо было воскликнуть: «какой огонь!» вмѣсто имени солнца. И день еще сильно зимній, но всеозаряющій свѣтъ!

Мы приближались къ костру, какъ зимой послѣ долгой мотобы, и всѣ члены радовались свѣту какъ отдыху.

И возвратившись я долго сидѣлъ за станкомъ задумавшись и не могъ удержать улыбки и радости. Благодарю тебя, братъ мой день, твое лобзанье еще на мнѣ. Ангелъ ты или одинъ изъ братьевъ нашихъ, изъ намъ подобныхъ или кто бы ты ни былъ, я понялъ твое привѣтствіе.

Братья, будемъ радоваться всему, потому что все живо. Мы живые, но могущественное солнце, которое болѣе насъ, ужели не живо оно? и дни и минуты и всякое мѣсто—все живо.

Ходите всегда предъ лицомъ всѣхъ братьевъ вашихъ! Очищай всѣ дѣла и всѣ мысли и всѣ члены свои, чтобы радовались всѣ отъ тебя, чтобъ неопечалить и неосквернить никого.

Ходи всегда среди всѣхъ братьевъ своихъ!

Начало новой земли.

И сталъ снова младенцемъ, зима миновала
И на мокрыхъ дорогахъ дышало весной,
До зари моя радость меня пробуждала
И рука раскрывала глаза и смежала
И я слышалъ въ постели какъ звонъ надъ водой.

И былъ сынъ земли—матери и всѣ шумы земли
Были такъ мнѣ знакомы какъ дитѣ колыбель
И опять я глядѣлъ какъ въ черты дорогія
И со мной говорила березка родная
И еще оголенные ясни и ель.

И ходилъ я въ союзѣ великомъ всемирномъ,
Съ каждымъ другомъ какъ рабъ одной жизнью дышалъ,
Для меня Ты одѣлъ всѣмъ сіяніемъ пирнымъ
Мое сердце и небо и выступы скалъ.

И опять было быстро и легко мое тѣло
И въ груди проходила въ мой городъ Весна,
Надъ окномъ-же рѣка и звенѣла и пѣла.
И я всталъ помолясь отъ глубокаго сна.

Но кругомъ подымались темничныя стѣны
И надъ всѣмъ, что любилъ я, таилась зима
И снаружи нигдѣ не видѣлось измѣны..

8

О небесное пространство
 И обширный разумъ Твой,
 О Ты бездна, Божья мудрость,
 Непсчерпимый кладезь Твой!
 Дай познать намъ, что есть мука,
 Что есть огненная рѣка,
 Кто есть Богъ въ пречудномъ видѣ,
 Гдѣ исшествіе Его?

лъ народныхъ пѣсень.

1

Господи, услышь меня, вотъ я остановился предъ Тобой.
 Въ тишинѣ открываешься Ты громче бури, такъ читалъ я
 въ одномъ изъ писаній земли, Ты всегда какъ истинный
 Отецъ готовъ вразумлять насъ.

Отчего, Господи, такъ часто обрушивались ступени мои?
 Развѣ не Ты водилъ меня цѣлые годы? Развѣ не обращалъ
 Ты въ младенца меня непокорнаго и уже я не зналъ ни зав-
 трашнихъ дней, ни заботы сегодняшней, ни воспоминаній
 прошедшаго?

Я пересталъ спрашивать Тебя, Господи, и согрѣшилъ
 Приди-же, Сокровенный, Побѣждающій всѣ желанья, приди
 хотя бы въ самой нищей одеждѣ, какъ странникъ, какъ ино-
 земецъ, какъ незамѣтный приди.

Съ этого дня я полагаю послѣднее безконечное основанье,
 съ этого дня буду спрашивать Тебя постоянно, пусть назовутъ
 меня сумасшедшимъ всѣ люди.

Господи, прости, прости меня.

Я видѣлъ свѣтъ Твой такъ близко и отступилъ. Эти люди, сказалъ я и даже сейчасъ говорилъ, эти люди заразили меня, они недумаютъ, что Ты можешь помогать и малѣйшему.

Но я уже входилъ въ эту комнату, я сидѣлъ уже за этимъ ужиномъ съ учениками Твоими, и вотъ Ты являешься на порогѣ блѣдный отъ молитвы и любви, но радостный ради заповѣдей сожалѣнья.

И гдѣ теперь это время перваго брака? гдѣ женихъ? гдѣ невѣста? гдѣ друзья? гдѣ недруги ея?

И Богъ отвѣтилъ ясно, тотчасъ-же, тутъ-же, ибо Онъ Живой тутъ. И недумайте, что Онъ мысль или мертвая истина какихъ-нибудь мудрецовъ.

Онъ говоритъ: Исполни всѣ малыя заповѣди Мои, иначе не увидишь великихъ.

И Ангелъ подошелъ ко мнѣ и показалъ книгу и велѣлъ писать, хотя я ничего непрочиталъ. И тогда сказалъ мнѣ: это книга простая, книга простоты. Безъ простоты я не покажу тебѣ ея тайнъ. Оставь, оставь свою волю! Развѣ я не училъ тебя этому всѣ эти годы? Развѣ не пѣли этого съ тобой друзья твои — помнишь? — среди зеленыхъ полей предъ прощаньемъ?

И я сказалъ: Господи, какъ я познаю пути Твои? Вотъ они требуютъ мира со всѣми, а эти требуютъ только сраженій? Развѣ Ты не велѣ меня уже? Если я ошибался, я готовъ отказаться. Но я видѣлъ — хоть слабую, но истинную церковь Твою, за туманами утра увидѣлъ я ее и возрадовался.

Спасенье Богу!

Ты сказалъ:

Я создамъ, создамъ, построю на рабѣ моемъ страну, побѣ-

дившую многія скорби этихъ народовъ, сильно приблизятся они къ странамъ безсмертія и вотъ тогда, какъ приливъ приближается къ берегу, тихо и со всѣхъ сторонъ приблизятся времена побѣды.

Помни, ты можешь быть камнемъ, но можешь быть и какъ прежде на тропахъ протоптанныхъ младенцами и животными. Но мой ты долженъ быть только камнемъ, Я положу его, Я обтешу, Я украсу.

Завѣтъ и бракъ и союзъ заключу Я съ нимъ.

Къ кому говорить? Какъ обратитъ васъ, ученые? Гдѣ искалъ я мудрости и всякій разъ напрасно? И вотъ, братья, я возвѣщаю вамъ: Онъ—имя Его—Красота, Тайна.

Мудрые, какъ можете шествовать вы безъ Него? какъ раздѣлите вы Его храмъ на храмъ и притворъ? зачѣмъ говорить о Немъ, если чудеса Его, сила Его отвергаются?

Онъ общалъ мнѣ, друзья, съ сегодняшняго вечера указывать каждое дѣло, каждое слово велѣлъ полагать мнѣ предъ Нимъ.

Долго бѣгалъ я по всѣмъ этимъ улицамъ со всѣми этими уличными мальчишками. Мы были малы, но—право—какъ злы! Годы прошли, пора неотступать отъ Него, ибо въ Его домѣ рожденъ я, каждый вечеръ я озорникъ возвращался подъ кровлю Его, а въ Его глазахъ сіяла любовь, она укоряла меня. Какъ небеса, какъ пиръ, какъ ночи, какъ друзья кто-то побѣдилъ меня, поразилъ меня на землю свою, плѣнилъ меня свѣтомъ очей своихъ.

И тогда Онъ воскликнулъ:

Пустыня, пустыня, вотъ что сначала Онъ послалъ мнѣ сказать тебѣ. Чтобъ ты оставилъ заботы о духовныхъ и душевныхъ одеждахъ и пищахъ твоихъ!

Слушай Его и будешь возрастать какъ лиліи какъ обѣщано, какъ написано. Неторопись цвѣтами, дай сначала хоть листьевъ братьямъ твоимъ, даже звѣрямъ.

Пустыня, тѣлесный постъ и молчанье—вотъ тебѣ первыя ступени храма. И развѣ ты не зналъ этого? Это извѣстно даже младенцамъ. Вѣдь духъ Мой—хоть распинаемый, хоть униженный, но во всѣхъ.

По всей землѣ и отъ вѣка проносились эти слова Мои.

Сначала исполни всѣ заповѣди чистоты и воздержанья. Не можетъ огонь любви загорѣться на жертвенникѣ нечистоты.

Древній простой путь возвращаю Я тебѣ. Есть и видимое, которое отъ Меня,—не мертвая часть, но заповѣди на самое явное и наружное дѣло любви, но не заповѣди наружныхъ народовъ.

Оттого они говорятъ: и наши наружныя сѣти отъ Него. Но они нехотятъ исполнить малыхъ приказаній истинно Моихъ, приказаній къ свободѣ, чтобъ дать мѣсто тайнѣ Божьей, а не обрѣзаньямъ.

Ибо тайнѣ слишкомъ, слишкомъ мало мѣста, даже если оставить всѣ плотскія движенья въ молитвѣ Моей!

II

Ночь на рождество 1903 года.

Только тотъ, кто единосущенъ Отцу, кто постоянно съ Отцомъ, только тотъ можетъ всегда исполнять Его всемирную волю.

И долго не могъ я не радоваться, Господи, долго радовался я эту ночь даже не предъ Тобой, я озирался на жизнь свою

Какъ уразумѣть мнѣ это? Отчего не сразу очистилъ Ты меня? Отчего не сразу оттолкнулъ Ты меня?

Ты пустилъ меня зайти въ наши обычные смертоносныя страны земли, ихъ и не боятся и не считаютъ опасными.

Прежде видалъ я безуміе и страны разврата и страны насмѣшки. Я видѣлъ еще болѣе опасныя страны, я шелъ подъ рукою гордаго духа все начало пути.

Но эти теплыя страны ужаснѣй тѣхъ странъ, равнодушіе, затѣмъ и животная жизнь едва не пришли на меня. Едва одно время не вернулась царица разврата, самолюбіемъ и заботой едва не обременилъ я себя, я недумалъ, что можно ходить безъ нихъ даже въ храмъ, я забылъ, забылъ все что видѣлъ..

Какъ охранилъ Ты меня, Чистый, Ты, Котораго чистымъ очамъ несвойственно глядѣть на зло?

Отчего понемногу освобождалъ Ты меня? Отчего еще долго я не видѣлъ Тебя? Отчего, когда я увидѣлъ Тебя, завѣса была еще на глазахъ моихъ?

Развѣ я самъ могу снять ее? Развѣ я могу бороться, если самъ сымаю ее? Горькимъ опытомъ узналъ я это.

Ты охранилъ меня и во время грѣха моего, любовь къ вѣрѣ и бѣдности Ты не отнял у меня.

Боже, иначе я не пришелъ бы къ Тебѣ, тайно долженъ Ты былъ побѣдить меня, я продалъ бы Тебя тогда за друзей своихъ, я полюбилъ грѣхи свои.

Оставляю, оставляю заботы свои!

Не могу не варадоваться, не о Тебѣ даже думаю сейчасъ, Господи, удивляюсь на жизнь свою!

Ради всѣхъ стремящихся, ради друзей Твоихъ, не ради меня утверждаешь Ты меня. Я вижу, вижу—Жизнь Твою въ глазахъ друзей Твоихъ, она зѣница очей Твоихъ. Братья, твердо говорю вамъ, я ясно увидѣлъ: Онъ утвердилъ меня навсегда, навѣки.

Чей голосъ сказалъ мнѣ, что надо бы печалиться о вчерашнемъ, о долгой хитрости своей? Ты забылъ грѣхи мои.

Смѣю ли вспоминать?

Онъ сказалъ: «Радость вмѣсто борьбы объявляю тебѣ, побѣду надъ временами вѣковъ возвращаю тебѣ. Теперь можешь бороться, теперь и Я жду помощи твоей.

«Ненавидятъ Меня друзья утра дней моихъ.»

Прости, прости, цѣлымъ, простымъ сотвори опять духъ мой. Братья, я объявляю вамъ: вмѣсто разума далъ Онъ мнѣ мудрость, вмѣсто исканій далъ знанье.

Въ великомъ униженіи, въ великой тайнѣ, въ чистотѣ, цѣломудріи, въ великомъ смиреніи, въ великомъ смиренномудріи, въ великой простотѣ скрывается Онъ. Онъ Богъ сокровенный.

Во внутреннемъ городѣ.

Среди города воздвигнуть былъ замѣчательный и дивный чертогъ, по твердости постройки его можно было назвать крѣпостью, по красотѣ раемъ. по обширности это зданіе могло вмѣстять весь міръ.

изъ Бу н ѣ я н а.

Три псалма.

I

Высокая надъ землею вознеслась гора,
 Покрытая камнями живыми благоуханными,
 Цвѣтками изукрашенная многоцѣнными,
 Рубинами, гіацинтами.
 И возвелъ Онъ на гору Свою учениковъ Своихъ,
 Послѣдній разъ говорилъ съ ними не притчами,
 Лицомъ къ лицу и устами къ устамъ бесѣдовалъ съ ними Онъ.
 Говорилъ имъ: «проповѣдуйте твари всей и вселенной всей!
 У Отца Моего живо все, не умретъ ничто.
 Даже камни будутъ огнистыя въ царствѣ Его,
 Братья камни будутъ пѣть дивныя пѣсни въ царствѣ Его.»
 И вознесся въ виду ихъ въ обители невидимыя,
 Ибо старая обитель не могла уже удержать Его,
 Вознесся на вершины заоблачныя духовныя
 Въ небеса невидимыя всенаполняющія.
 И нѣкоторые увидѣвъ поклонились Отцу,
 А иные усомнились въ многобоящемся сердцѣ своемъ.

Но я знаю—Ты живъ, о мой Другъ и Братъ,
Недостойнъ я коснуться и слѣда ноги Твоей,
Даже тутъ на землѣ вижу слѣды Твои,
Даже невѣрующихъ достигаютъ лучи Твои,
Въ пустыняхъ ночей приближаешься Ты ко мнѣ,
Бесѣдуешь со мной надъ столовьемъ моимъ,
Возводишь меня къ Отцу Твоему!

и

О Боже, прости и очисти, я грѣшенъ,
Вечоръ обступили видѣнья меня,
Рожденныя въ сердцѣ моемъ обступили,
Отъ небеснаго дня Твоего увели.

Вотъ слово мое къ вамъ, враждебные призраки!
Я про Бога Живого говорю вамъ, друзья,
Вы къ сердцу пристрастны, но вы зарождѣны
Внѣ воли моей и въ странѣ мнѣ чужой.

О Боже, я буду вникать въ разумѣнье,
Только выйти не дай изъ стѣнъ городка,
Внимательно буду слѣдить я сквозь окна,
Узнаю я издали всѣхъ приближающихся
И предъ суетнымъ гостемъ будетъ рѣчь коротка
И предъ суетнымъ гостемъ будемъ, други, молчать.

О Боже, я буду бороться, но только
Если Ты какъ друзья побораешь со мной,
Внимательно буду слѣдить я сквозь окна,
Узнаю я издали всѣ незримыя силы
И чужой не зайдетъ пировать въ городокъ.

На землѣ есть мѣста смертоносно-опасныя,
Черезъ нихъ Ты съ утра невредимо веди,
Черезъ время опасное, чрезъ мѣсто опасное,
Гдѣ царство пустыни, гдѣ бродятъ шакалы,
—До вечерняго отдыха невредимо веди.

Миръ вамъ, всѣ прекрасные, тихіе, чистые,
Я васъ достигаю чрезъ стѣны темницы,
Вы съ Богомъ и въ Богѣ живые ключи.
Отнынѣ даю обѣщанье великое
—Всегда всѣхъ съ собой повсемѣстно нести.

Пируйте весной въ городѣ за стѣнами,
Подымайте заздравную чашу любви,
Я здѣсь безопасенъ съ Тобой и съ друзьями,
Сюда не достигнуть видѣнья меня.

О Боже, прости и очисти, я грѣшенъ,
Вечоръ обступили видѣнья меня,
Рожденныя въ сердцѣ мсемъ обступили,
Отъ небеснаго дня Твоего увели.

III

Псаломъ—первый день заключенья.

Воспѣвайте-ка, други, Батюшку Родимаго
Беасмертнаго Вседняго.
изъ народныхъ пѣсень.

Ты подарилъ мнѣ тихую радость,
Непостижимую всѣмъ другимъ,
Ты возсіялъ мнѣ сквозь окна темницы,
Гаснуть какъ свѣчи предъ солнцемъ слова.

Ты пришелъ какъ всегда незамѣтный,
Въ духовной, но нищей одеждѣ любви.
Непостижимый, Вседниный, Всесильный!
О дай весь Твой міръ душѣ моей.

Я глядѣлъ себѣ то вправо, то влѣво,
Незналъ, что сейчасъ придетъ Единственный мой,
Ты мнѣ разсѣкъ своимъ словомъ все тѣло,
И во внутреннѣйшій мой уголъ вшелъ.

Къ той посланной горницѣ, къ дальней пещерѣ
Сорокъ ночей шелъ увидѣть Тебя Илія
И тамъ-же Іисусъ на камняхъ молился,
Отъ Батюшки радости-вѣсточки ждалъ.

Видали они разъяренныя бури
И вихремъ пустыней вздымались пески,
Но только въ дыханьи весны благовонной
Они признавали, Царь мира, Тебя.

Съ Тобой во всей истинѣ вся безконечность,
Какъ предсказано въ книгахъ твоихъ, Моисей:
Богъ шель отъ Синая, Святой отъ Сеира
Съ тьмами, съ толпами святыхъ.
Одесную сіяеть пламень закона,
А святые всѣ, всѣ въ рукѣ Твоей.

Тамъ первенецъ Твой изъ сыновъ человѣческихъ,
Съ нимъ всѣ двѣнадцать ученики.
Непостижимая тайна свершается:
Въ чашѣ вино и душа и кровь Твоя.

Вотъ къ внутренней горницѣ всѣ приближаются,
Хлѣбъ преломленъ, всѣ вкушаютъ его,
Вотъ льются невидимой крови потоки
За всѣ согрѣшенья небесъ и земли!

О Боже, прими-же, вотъ мое тѣло,
Прими-же, о Боже, и душу мою,
Радъ умереть я и духомъ за братьевъ,
Но Ты не дозволишь мнѣ умереть.
Непостижимый, Безсмертный, Единный!
Ты далъ мнѣ навѣки обитанье предъ лицомъ Твоимъ.

Непостижимую далъ Ты мнѣ радость,
Непостижимую даже душѣ,
Ты возсіялъ мнѣ сквозь окна темницы,
Гаснутъ предъ Словомъ земныя слова.

IV

Что за городами дальними
Послѣ тѣхъ пустынь глубокихъ сѣверныхъ,
Недоходя вѣдь горъ лѣсистыхъ,
Я видѣлъ тамъ рѣчку древнюю и славную.
Заросла талами, луговинами,
Вся украшена равнинами поемными,
Тамъ проходятъ только страннички свободные,
Безпокойные орлята неудержимые,
Ветхому неподзаконные,
Ничему и никому неподневольные.
Тамъ лучами даже тѣло озаряется,
Тамъ природа смерти побѣждается,
Власть могущества и чудо объявляются,
Тамъ свершается земное воскресеніе,
Тамъ и травушки какъ сестры оживляются,
Тамъ и камни духомъ и движеніемъ наполняются.
По дорогѣ той идутъ друзья всемірные,
Други Божьи—все радѣтели, все пожалѣвшіе,
Земли Русскія что страдатели,
Все постигшіе, все простившіе, все оправдавшіе,
Радостью младенческой озаренные,
Всѣ печати съ книги снявшіе,
Мечъ земной, любовь земную сокрушившіе,
Всѣ богатства, раболѣпство и убійство,—все поправшіе.
Въ простотѣ Его велѣнья исполнявшіе,
Въ маломъ и въ великомъ—какъ рабы, какъ дѣти исполнявшіе.

Часто, Господи, исполняя самое пустое дѣло по наружности, вдругъ въ изумленьи останавливался весь духъ мой— вѣдь Ты руководишь все это, вѣдь Ты какъ барахтающемуся младенцу помогаешь мнѣ, вотъ-вотъ сейчасъ Ты направишь и этого другого человѣка такъ, чтобъ измѣнить заблужденъе мое чрезъ него, если я впалъ въ заблужденъе.

Боже, изъ бездны, изъ пустоты, изъ ничего я сотворенъ, вызванъ къ жизни. Это я знаю самъ и Ты сочетался со мной. Даже когда я нарушалъ Твой завітъ и сломалъ Твой жезлъ расцвѣтшій, даже тогда Ты оставался въ союзѣ со мной, Царь мой, Отецъ мой и Всемирный, Женихъ мой, Другъ, Учитель! По истинѣ Ты даже какъ Рабъ мой, великое уничиженъе несъ Ты всегда и несешь за меня, спускаешься въ эту долину смертной тѣни, терзаешься, едва не погибаешь среди страны ужаса, во власть моего царя и товарища— Смерти я отдалъ Тебя. Странникъ Обходящій вселенную, я оттолкнулъ, незамѣтилъ Тебя, Тебя какъ презрѣннаго.

Среди бездны и смерти обитаешь Ты ради меня. Однажды всѣ мои члены, всѣ подданные города моего подняли на Тебя мечи, а Ты, Ты молился за нихъ.

Ты пришелъ ко мнѣ въ страну моей матери, чтобъ охранить меня отъ этой матери моей.

Ты Мать моя, Старшая Сестра моя, Невѣста моя, нѣтъ конца именамъ Твоимъ.

И имя Твое едино и лицо Твое едино.

VI

Простой въ простой нищей одеждѣ прихожу я къ Тебѣ, Древнему Простому..

Оставляю, оставляю свою волю! въ этомъ, въ этомъ воля моя, Господинъ! Оставляю заботу не о пищѣ, не о завтрашнемъ днѣ, это я оставилъ давно, оставляю заботы печальныя о праведности своей, о дѣлахъ, словахъ, постахъ, молитвахъ своихъ. Самъ не хочу, не хочу дѣлать ничего, лучше Ты прикажи. Долго погибалъ я отъ этихъ заботъ, но теперь не буду заботиться даже о друзьяхъ моихъ. Самъ Всевидящій пошли мнѣ и скажи всѣ дѣла, всѣ слова и всѣ чувства въ сіяньи Твоемъ. Друзей моихъ Ты любишь неудержимой для меня любовью, враговъ Своихъ Ты простилъ давно. Вѣдь Ты ведешь меня къ друзьямъ моимъ, Господи?

VII

Другъ, сегодня Ты пришелъ—Ты Тихій Непобѣдимый Свѣтъ.

Я стоялъ у дверей, и двери были открыты и я говорилъ о Тебѣ этому твердому израильянину, въ которомъ нѣтъ лукавства.

Ты не покинулъ небесъ Своихъ, но два луча Твои быстро—быстрой неудержимой любовью, быстрѣй неудержимой любви ворвались въ раскрытыя двери мои. И музыкой и весной были исполнены эти лучи и шелестѣли какъ тысячи вешнихъ листьевъ и неудержимо пронеслись и озарили всю тѣсную ка-

морку мою и недвижно какъ убѣгающій источникъ протекали предъ взоромъ моимъ, какъ потокъ времени утекающій въ безсмертную вѣчность.

О Ты Скрытый и Явный, Недвижный и Неудержимый, прими сегодня обѣты мои, дай мнѣ видѣть всегда рѣку Твою.

viii

Я остановился, остановилъ свое дѣло, остановилъ всѣ мысли и желанья свои, чтобъ положить предъ Тобой всю жизнь мою съ этого мига, чтобъ отказаться и отъ самыхъ прекрасныхъ рѣкъ земли моей, чтобъ склониться къ неудержимой рѣкѣ Твоей, Царство Свѣта.

Братья, я услышалъ звукъ, одинъ только звукъ услышалъ я. И я усомнился, не схожу ли я по земному съ ума, и звукъ исчезъ. Но прекрасные великіе ангелы все еще стояли предо мной съ улыбкой сіянья. Этотъ мгновенный звукъ былъ отъ много болѣе многоструннаго инструмента, чѣмъ сердце человѣческое.

И такъ говорю я Тебѣ: «Свидѣтель Вѣрный, Всемирный и Истинный, Самъ побѣди до конца, до конца побѣди все невѣрье мое. Ты знаешь, какого я рода, какія насмѣшливыя сомнѣнья царствуютъ по сейчасъ на этой землѣ, въ какихъ оскорбительныхъ гордостяхъ возрождѣны эти народы.»

А братья ангелы сіяли улыбкой и свѣтомъ и крыльями даже въ сомнѣннн моемъ.

Это было много лѣтъ тому, когда я еще былъ въ сильной тьмѣ, но свѣтъ и во тьмѣ свѣтитъ, онъ сильнѣй тьмы— и въ первомъ, истинно пророческомъ озареньи я воскликнулъ совсѣмъ нечистыми устами: Есть Неизбѣжимое. Не избѣжать. Не избѣжать Неизбѣжимаго Свѣта.

Неизбѣжимые законы Мои, такъ говорить мнѣ мой Богъ,— слышишь? необходимые пути Мои предназначены тебѣ. Ты не можешь избѣжать необходимыхъ законовъ видимаго міра, а мой часъ неизбѣжно насталъ. Быстро, легко исполни его какъ необходимое велѣнье судьбы, ты уже видишь въ грядущемъ, ясно видишь, что Я веду тебя къ славѣ смиренныхъ Моихъ, но еслибъ даже не видѣлъ, не можешь не принять изъ руки Моей.

Все, все— и малѣйшее и малѣйшія наружныя дѣла и слова на каждый день, часъ и мигъ Я назначилъ тебѣ, если пойдешь за Мной. Истинно малаго нѣтъ. Прежде сотворенья всего видимаго міра назначилъ Я все для смиренныхъ моихъ. Смирись-же самъ.

Свѣтъ, великій Свѣтъ!

Какъ Я смирился, смиришь. Я приближаюсь къ тебѣ незамѣтно безъ сіянья, чтобъ ты не ослѣпъ, великій грѣхъ твой вижу Я, едва не погибаю въ странахъ смерти твоей.

I

ПАМЯТКА—ПИСЬМО ВРАТУ ПО ПЛОТИ ПРЕДЪ ЕГО ПУТЕШЕСТВИЕМЪ НА ВОЙНУ.

1904 годъ.

Жоржъ, вотъ тебѣ моя памятка на всю жизнь, на жизнь и смерть, на вѣкъ и вѣкъ.

Какъ смѣю я—еще недавно отклонявшійся—учить кого бы ни было? Но какъ разъ всѣми исканьями и великими отклоненьями слишкомъ было изранено сердце мое и я вижу, что нѣтъ наставника. Я первый склонилъ бы колѣна и смиренно принялъ бы все изъ устъ малѣйшаго—только Имъ посланнаго. И вотъ я не вижу этого среди всѣхъ народовъ, то суевѣрья и буквы, то невѣрья и умаленья Его силы гасятъ сіянье Его. Развѣ это не игра Его именемъ, если вмѣстѣ съ истиной Его смѣшиваютъ свою ложь фиміамовъ и буквъ? Если Онъ конецъ закона, значить они не ищутъ постоянно слышать Его, ходятъ по дорогамъ и приказаньямъ Его. Другіе все еще полны безсознательной общей гордости всей земли и понимаютъ Его—то какъ сухое понятіе, то какъ только природу, то какъ разумъ и совѣсть людей, во всякомъ случаѣ и эти обрѣзываютъ Его силу и невѣрятъ таинственному приближенью Его, невѣрятъ, что рано или поздно Онъ измѣнитъ весь міръ. Нѣтъ не по гордости, а искренно, я никогда не искалъ своего.

Я тоже едва не уклонился съ ними. Развѣ я не искалъ правды и въ обрядахъ, и въ буквѣ, и даже въ невѣрующихъ? но истинно только по смиренью моему искалъ я у нихъ, я не

смѣлъ отвергать и безсловесной ослицы, не проговорить ли она. Не по гордости пришелъ я къ тому, что нашель; кто этого непонимаетъ, тотъ никогда не видѣлъ души моей. Не по гордости, а по смиренью были всѣ мои заблужденья.

Но теперъ Онъ не велить мнѣ ни гордости ни такого униженья послѣднихъ годовъ, а достоинства сыновъ Божьихъ.

Жоржъ, не о себѣ я говорю, но я хочу, чтобъ ты никогда недошелъ до отчаянья, чтобъ свѣтъ вѣры никогда не погасъ предъ тобой даже на этихъ путяхъ всей земли, чтобъ ты зналъ, что есть ищущіе, чтобъ ты не соблазнялся на всѣ прошлыя отклоненья мои.

Онъ открывается только не невѣрующимъ Ему.

И пусть я погибну, но я буду искать Его даже до смерти, среди бездны и безднѣ. Но Онъ уже держитъ меня за правую руку мою, уже указалъ мнѣ многія заповѣди Свои—и малыя и великія и малѣйшія и безконечныя. Спасенье Богу!

Вотъ тебѣ моя памятка, Жоржъ—теперь, если примешь ее. Уединяйся каждый день, когда бываешь одинъ, закрывай свои окна и двери и зови Его, Возлюбленнаго души твоей. Онъ—Свѣтъ, Супругъ, Искупленіе.. Если перестанешь заботиться и станешь спрашивать у Него о всемъ, Онъ будетъ тебѣ указывать все. Постоянно живи и ходи вмѣстѣ съ братьями, участниками царскаго пира. И камни и воды и растенья исполнены жизни, и ангелы постоянно окружаютъ всѣхъ насъ. Но еще болѣе Онъ въ малыхъ дѣтяхъ Своихъ.

Когда будешь охранять достоинство силы своей, будешь ни ненавидѣть плоть ни покорять ее, но будешь господствовать надъ ней какъ надъ малымъ братомъ своимъ. И тогда только

принесешь всѣмъ надежду, заключишь союзъ и съ презрѣнными и съ несчастными, съ каждымъ камнемъ, проникнешь въ сердце вещей.

Не ходи духомъ по плоти, а заставь и плоть радостно ходить на путяхъ духа.

Ночью или днемъ если увидишь меня, знай, это я достигъ до тебя; и не думай, что это мечтанье, потому что это даже главное всемогущество наше. Всегда будь чистъ и всегда будешь со всѣми и всегда будешь ясно узнавать приходящихъ къ тебѣ и всегда будешь достигать всѣхъ друзей и они будутъ радоваться тебѣ. Такъ приблизится преображеніе вселенной, такъ увидятъ еще здѣсь всѣ начало полного безсмертія..

XI

Къ недоумѣнному устремимся уму.
изъ пѣснопѣній древней
греческой церкви.

Я радуюсь въ концѣ этого дня, потому что когда я иду медленно, я иду лучше, скорѣй. Кому подчиняюсь я, чтобъ радоваться? Не разуму, не наружному разуму, не наружному орудію.

Но я возрадовался сегодня, потому что уразумѣлъ сегодня, какъ суетны эти раздѣленья души на разумъ, на любовь, на волю. Одни мудрецы гордятся, ставятъ выше всего разумъ, другіе ученые превозносятъ тайну, другіе свободу и совѣсть. Это значить, что у нихъ неполная любовь, неполный разумъ, неполное чувство. А истинная жизнь одна, разумъ этотъ недоразумѣнный, онъ и есть и тайна и любовь и свобода и духъ, вѣчно-новая неударжимая рѣка, исходящая отъ престола Бога и Агнца.

XII

Итакъ нельзя пренебречь ни разумомъ ни умомъ ни разсудкомъ ни совѣстью ни человѣческой правдой ни плотью ни знаньемъ. Но тѣмъ болѣе нельзя пренебречь Его духомъ, зовомъ Его, любовью Его, Его разумомъ, животными неударжимыми рѣками Его.

Одно время я думалъ, что могу итти безъ Него. И я палъ. Потомъ я сталъ бояться работать и дѣлать, я сталъ говорить:

пусть Самъ Онъ сработаетъ за меня, потому что мнѣ страшно надѣяться на малѣйшее дѣло свое. И снова едва не упалъ я, малыя слабости уже подымали главу свою.

И тогда Ты сказалъ мнѣ:

Суровымъ сдѣлай лицо свое, закрой отъ очей ихъ и печаль и радость свою. Сынъ мой, свободный, ты воинъ! Ужели ты не хочешь бороться? Я такой породилъ твою силу, что даже безъ меня ты сильнѣй всего міра, если помнишь Меня. Потому что ты сынъ Мой. И въ этомъ свобода твоя, этимъ ты Мнѣ подобенъ.

Отвергни не разумъ, не знанье, не плоть, а заблужденныя дороги ихъ.

XIII

И подобно камнямъ въ вѣнцѣ
Они возсіяютъ тогда на землѣ Его.
пѣть пророка Захаріи.

И Ты показалъ мнѣ, что Ты простилъ мнѣ грѣхи мои. Снова ходилъ я въ живой жизни Твоей. Дни мои — Ты ихъ опредѣлилъ на вѣнцѣ главы Твоей, тамъ-же—среди безконечности и простора и блеска проходили и освѣщали всю ночь друзья мои. И строили храмъ Твой.

Ангелы мечами побуждали бездну, вызывали бездну къ жизни, изъ ничего, изъ пустоты дѣлали и вѣчно дѣлаютъ все.

Онъ показаль мнѣ оружія и я усомнился. Господи, не самолюбіе ли это? вѣдь этимъ побѣдится весь міръ. Не наслажденія ли это страна? я вѣдь долженъ не искать ничего. Сіи долженъ и хочу итти не ради награды!

Но Онъ показаль мнѣ всю страну Свою, ввелъ меня въ рощи Свои, и тогда я увидѣлъ, что тысячи вооруженныхъ ждали, ждали, чтобъ еще кто-нибудь помогъ имъ. Они хотѣли войти въ страну вѣчной весны.

v

ИЗЪ ИЗСЛѢДОВАНІЙ

Благ'слови насъ, Отецъ нашъ,
На пути въ селѣ стоять,
Въ органецъ Божій играть,
Души вѣрныхъ утѣшать,
Ко царствію призывать,
Показать дорожку праву
Ко уму Христову здраву.
Умъ Христовъ, други, найдемъ,
Царство Божье не' обойдемъ.

изъ народныхъ пѣсень.

Братя, я хотѣлъ излагать слово о Богѣ подробно по частямъ и раздѣленьямъ вопросовъ какъ земные мудрецы, но Богъ воспретилъ мнѣ. Онъ не велить ни украшать ни перечеркивать ни прибавлять ни убавлять ни зачеркивать ни переставлять ни лгать.

Только тамъ, гдѣ ошибется рука твоя, тамъ можешь исправить.

Будемъ жить въ храмѣ простомъ и говорить и дѣлать только что отъ Него.

Истинное богословіе, богопознанье не наружной гордости откроется, не путями наукъ земныхъ.

Онъ запретилъ мнѣ, запретилъ послѣдніе оплоты мои.

2

О ПОСЛѢДНЕМЪ ОГНѢ.

Тогда Саломія спросила Іисуса: „Когда наступитъ царство Божіе?“ Онъ отвѣчалъ ей: „Когда два будутъ одно и всѣ будутъ какъ одинъ человѣкъ, когда наружное будетъ какъ внутреннее и мужескій полъ вмѣстѣ съ женскимъ не будетъ ни мужескимъ ни женскимъ.“ Тогда она сказала: „Значитъ хорошо, что я никого не родила?“ Онъ отвѣчалъ ей: „Вкусайте отъ всѣхъ травъ, но не отъ тѣхъ, въ которыхъ есть горечь.“

Отрывокъ, сохранившійся въ посланіи Климента, мужа апостольскаго.

Вотъ Я сдѣлалъ послѣднее такъ, какъ первое. Оттуда-же.

Мы вышли съ нимъ изъ селенья, мы оставили стариковъ разсуждать о томъ, что мы говорили, мы искали не словъ.

Мы шли, куда—незнали.

И онъ спросилъ меня: «другъ, одного я не могу понять въ словахъ твоихъ—какъ-же наступитъ это преображеніе міра?»

И долго въ молчаньи и быстро шли мы.

Мы незамѣтно приблизились къ странѣ Его, мы шли по полямъ Его.

Кто-то приблизился къ намъ и подалъ намъ невидимаго вина.

И я сказалъ ему: «братъ, какъ-же спрашиваешь ты про это? развѣ ты не видишь теперешняго?»

«развѣ ты не опьянѣлъ? развѣ ты такъ-же явственно замѣчаешь все кругомъ какъ прежде? развѣ туманъ не окружаетъ тебя?»

«Да, ты незамѣчаешь одежды вещей, радость твоя теперь сильнѣй даже плоти твоей.»

«Но теперь какъ разъ ты заключилъ союзъ даже съ каждой былинкой степей, ты проникаешь въ сердце вещей.

«Съ каждой тварью теперь ты заключаешь неизмѣнный новый завѣтъ, ты заглянулъ въ каждую тайную жизнь.

«Такъ наступитъ преображеніе міра. Не будутъ замѣчать одежду, не будутъ терзаться объ одеждахъ своихъ.

«И только тогда украсятся и одежды твои.»

И опять мы шли и молчали.

И я началъ опять:

«Братъ, я расскажу тебѣ притчами. Я видѣлъ одного безумнаго.

«Онъ здоровался и говорилъ съ тѣнями, а не видѣлъ тѣль и людей.

«Это древняя чпстая притча, ребенокъ пойметъ ее.

«Никто не видитъ духовнаго тѣла, одежду тѣломъ почитаютъ они.

«Когда выйдетъ внутренній человекъ въ красотѣ своей? зачѣмъ звенять цѣпи его?

«Еще скажу тебѣ—вотъ безконечная драгоценная лѣстница.

«Нижняя ступень ея изъ земли и почти незамѣтна она предъ блистаньемъ безконечнаго множества сверкающихъ ступеней. И такъ незамѣтна была она.

«И вотъ они обезумѣли, стали играть съ этимъ деревомъ и теперь стенаютъ и ищутъ лучей, а сами ослѣпили глаза свои.

«Тайну скажу тебѣ—она даже останется—эта нижняя ступень, но тогда незамѣтной какъ тѣнь будетъ она и покорной. И озарится она, станетъ подобной сіянью зари.

«Я скажу тебѣ, ночью тѣни сливаются въ одну безконечную тѣнь.

«Утромъ подымается солнышко. Смотри, какія длинныя тѣни

бѣгутъ на поля и даже на дальнія рощи отъ спѣшавшихъ рабочихъ людей.

«Кто опьяненъ виномъ видимымъ, и тотъ забываетъ печали и заботы. Но что-же будетъ тогда? Въ другой дворецъ войдетъ онъ.

«И не притчи прекрасны, а слабы всѣ притчи человѣческія предъ истиннымъ испытаньемъ.»

И мы услышали звукъ серебрянной трубы.

И я говорилъ:

«И сейчасъ уже труба призываетъ насъ.

«Которые встанутъ, исчезнутъ изъ глазъ остальныхъ.»

И прекрасная жена склонилась надъ нами съ небесъ и налила намъ полныя чаши вина и всѣмъ тварямъ и мы пили вмѣстѣ съ былинками. Мы шли шатаясь какъ пьяные.

Мы не знали,—куда зашли. Мы зашли въ сердце равнины, въ глубокую равнину степей.

«Не пора ли намъ возвратиться? — сказалъ я товарищу:— но смотри! Съ этого дня ходи вездѣ вмѣстѣ со всѣми.

«Не выходи изъ церкви вселенской, когда будешь опять среди нихъ, твердо стой среди братьевъ моихъ.

«Внѣ церкви нѣтъ спасенья.

«Вотъ часть пророческая — пророчество новаго завѣта, пророчество объ окончательномъ преобращеньи вселенной.

«Все выше подымается солнце и все уменьшаются тѣни, такъ будетъ въ послѣдніе дни.

«Вспомни, что есть страны, гдѣ солнце становится на самомъ зенитѣ надъ самой макушкой, тогда тѣнь истребится, уйдетъ вовсе подъ ноги.

«Весь видимый міръ подобенъ ветхому завѣщанью и вещественному обряду, все это только тѣнь грядущаго, а тѣло во Христѣ.

«Училища пророческія откроются на обновляющейся землѣ, тамъ будутъ учить всемогуществу.

«Ясновидѣньемъ проникнуть чрезъ всѣ вещественныя стѣны, побѣждать все вещество.

«Живая часть не будетъ въ презрѣнны у нихъ, свободное пророчество наполнить уста и женъ и младенцевъ.»

И опять мы шли и молчали.

И опять говорилъ я, мы ровно плыли въ океанѣ степей.

«Развѣ невидимый огонь не сильнѣй видимаго? развѣ не нашъ духъ въ грѣхопаденьи устроилъ весь заблужденный путь міра?»

«Развѣ не сгоритъ отъ огня любви этотъ міръ смерти? и смерти не будетъ уже.

«Истинно говорю тебѣ, не лгу: если возьмутся за руки какъ дѣти и всѣ сразу устремятся къ нелицемѣрному исполненью заповѣди, Онъ придетъ и не умедлитъ. Такъ наступитъ преображенъе вселенной.»

3

О союзѣ со звѣрями.

О союзѣ со звѣрями буду говорить я, братья. Медвѣди и волки обходили мой путь въ лѣсахъ.

Вспомните обычаи сѣверныхъ губерній, когда медвѣдь начинаетъ обижать скотину.

Вся деревня собирается къ берлогѣ, пастухъ, который во все время пастыбы не прикасается къ женщинѣ. выступаетъ къ приготовленному котлу.

Тамъ соль и земля и уголь съ золою изъ печки, но не въ нихъ сила заговора его.

Громко читаетъ онъ заговоръ, упрасиваетъ лѣсового царя не обижать болѣе скотъ — милый крестьянскій животъ.

Онъ призываетъ на помощь святыхъ, умоляетъ и медвѣдя и горы открыть ему, гдѣ вчерашняя бѣлонюшка:

«Вы не скрали ли ю, пути не смутили ли, дорожки не скрыли ли?»

«Если вы скрыли, отдайте ю» — повторяетъ вся деревня — ребяташки, бабы и мужики.

Говорятъ, послѣ этихъ заговоровъ рѣдко трогаетъ медвѣдь скотину, но развѣ сила въ словахъ заговора?

Онъ видитъ изъ берлоги своей, какъ мирны они, онъ видитъ, что великая бѣда пришла на нихъ. вмѣсто гнѣва и ружей просьбу приносятъ они!

Я расскажу вамъ еще одинъ случай. Мы собирали грибы на башкирской землѣ въ Уральскихъ горахъ.

Одинъ изъ насъ отдался отъ насъ и вдругъ увидѣлъ змѣю, быстро и мирно проходила она путемъ своимъ, даже едва поглядѣла на него.

Но рука человѣка — тоже змѣя, она ненавидитъ сестру свою.

Камнями преслѣдовалъ онъ ее, какъ пьяный оглушень былъ ненавистью своей.

Три твердыхъ раны получила она, и онъ видѣлъ послѣдній ея взоръ, какъ за камнемъ скрылась она.

Истинно это былъ взоръ сожалѣнья.

Въ тотъ-же день заболѣла рука его, онъ не могъ собирать вмѣстѣ съ нами.

Пустой бы осталась бочка его, еслибы друзья не раздѣлили съ нимъ своего.

И тогда онъ сказалъ: «Истинно познаю, Богъ нелицепріятенъ. Во всякомъ народѣ мирный угодець Ему.

«Вѣдь она проходила мимо не обижая меня, зачѣмъ кинулся я на нее?»

«Еслибы она еще напала на меня, но и тогда я могъ бы умереть за заповѣди Ею, если я вѣрую имъ.

«Теперь познаю это слово, что и змѣя будетъ питаться пылью на горѣ Ею и будетъ обитать на святой горѣ Ею.

«Дѣти будутъ играть со змѣями.»

Братья, считайте безумцемъ меня, я говорю просто то, что заключено въ глубинахъ моихъ.

Долго удерживался я изъ боязни васъ, образованные, примите слова мои.

Кто какъ я цѣлые годы проходилъ въ лѣсахъ, кто видѣлъ такъ жизнь степей безъ человѣка?

Я пришелъ къ вамъ посломъ отъ медвѣдя, истинно хочу примириться онъ съ вами.

Когда первый напалъ онъ на васъ? не былъ ли онъ полонъ всегда уваженья?

Еслибы миръ вашъ былъ съ ними, они ходили бы какъ псы около вашихъ жилищъ.

Вамъ ненужно бы было все ваше оружье противъ звѣрей, потому что медвѣди охранили бы васъ.

Львы убѣжали бы въ пустыни, увидя ихъ несмѣтныя полчища около вашихъ домовъ.

Всѣ хищные звѣри умерли бы съ голоду или измѣнили бы жизнь свою.

4

О ПЕРВЫХЪ ВОСКРЕСЕНЬЯХЪ.

Мы не отдѣлены отъ Единого, мы недалеки отъ Него. Мы дышимъ въ Единомъ, въ Немъ мы существуемъ.

Мы не должны безпокойно ждать божественнаго свѣта, но ждать во внутренней тишинѣ и приготовляться къ его созерцанію — какъ глазъ, устремленный на небосклонъ, ожидаетъ поднимающагося надъ моремъ солнца. Тогда какъ бы поднимаемые потокомъ разума и увлекаемые растущей волной мы внезапно видимъ его съ вершины ея. Но разумъ созерцаетъ свѣтъ разума не виѣ себя, онъ скорѣе подобенъ глазу, который, не обращая вниманія на виѣшній свѣтъ, внезапно поражается собственнымъ свѣтомъ. Даже слово „видѣніе“ не подходитъ въ этомъ случаѣ, это скорѣе отреченіе отъ себя, желаніе соприкосновенія, однимъ словомъ желаніе слиться съ тѣмъ, что созерцаютъ въ святилищѣ.

Душа видитъ Бога только тогда, когда исчезаетъ пребывающій въ ней разумъ, или вѣрнѣе сказать Его видитъ ея первобытный разумъ. Тогда душа и Богъ составляютъ одно, двойственности болѣе нѣтъ. Здѣсь на землѣ такой полной близости союза подражаютъ любящіе, стремящіе слиться въ одно существо.

изъ Плотина.

ПЕРВЫЙ ОТРЫВОКЪ.

Ты сказалъ человѣку: Ты созданъ свободнымъ и Дыханіе Жизни Моей Я вдунулъ въ тебя и Мой духъ есть въ тебѣ, какъ невѣста связанъ съ духомъ твоимъ.

Братья, иногда Онъ приближается къ заключенной въ насъ часги Своей, разрушаетъ всѣ цѣпи, всѣ страданья ея. Музыку

моря кто передастъ на словахъ человѣческихъ? даже великія рѣки ничтожны предъ ней.

Но ты низокъ еще, человѣкъ. Не жди океана, довольно пока и рѣки тебѣ. И даже Духъ Божій, который въ тебѣ, еще закрытъ отъ тебя, потому что ты распинаешь Его. Весна расцвѣтаетъ на полянкахъ, въ лѣсахъ, въ городѣ и даже на всякой оградѣ, подъ всякимъ просторомъ земли и небесъ, но не видятъ ея глаза умирающаго. Она словно мать окружаетъ его, освѣженнымъ вѣтеркомъ чрезъ окно утишаетъ страданья его.

Обратись сначала къ тому, что совершенно твое. Онъ создалъ свободнымъ тебя и далъ тебѣ духъ человѣческій. Онъ можетъ идти вмѣстѣ съ Духомъ Святымъ, но можетъ идти и раздѣльно. Какъ ручей предъ рѣкой, такъ твой духъ предъ Распятымъ въ тебѣ. А Онъ только часть Всеединаго, Онъ только рѣка Всеединаго Океана.

Сначала исполнись стремленьемъ и озареньемъ въ этомъ духѣ твоёмъ, отъ вечера до утра ищи только тайны его. Тогда и Духъ Божій будетъ другомъ твоимъ. Когда перестанешь Его распинать, воскреснетъ и Онъ. И только рѣкой можно выплыть къ столицѣ небесъ и земли и увидать красоту и покой океана.

ВТОРОЙ ОТРЫВОКЪ.

Нѣтъ конца воскресеньямъ въ Богѣ.

Первое воскресенье еще на землѣ — духъ человѣческій исцѣляется, Невидимый Свѣтъ и надежда на помощь Его укрѣпляютъ въ борьбѣ того человѣка. На этой ступени много

значить борьба самого человѣка. Божья помощь тутъ постоянна, но она вся невидимая.

Если онъ полагаетъ бодрюю ночь предъ Бодрствующимъ и Святымъ, если побѣждаетъ и пищу и душу и міръ и даже духъ свой, открывается таинственная — сначала незамѣтная, но скоро ослѣпительная радость. Человѣкъ видитъ Того, Кого распиналъ, и Онъ воскресаетъ и еще болѣе укрѣпляется духъ человѣка. Это воскресенье второе.

Но есть еще третье. Нѣтъ конца воскресеньямъ. Насколько второе воскресенье ослѣпительнѣй перваго, насколько Духъ Божій, обитающій въ человѣкѣ, всерадостнѣй и свободнѣй его человѣческаго, настолько всецплнѣй послѣднее воскресенье и надъ воскресеньемъ Его въ человѣкѣ. Тамъ воскресала лишь часть Всеединого, обитающая въ человѣкѣ, а тутъ приближается къ человѣку и истинно и таинственно весь сочетается съ нимъ—Тотъ, Кто пребываетъ надъ міромъ.

Онъ и надъ міромъ и въ мірѣ!

Начните-же съ первой ступени, учитесь азбукѣ совѣсти. Царями должны вы быть надъ всей жизнью, надъ плотью, даже надъ разумомъ и надъ всѣмъ міромъ душевнымъ. Иначе не увидѣтъ вамъ Царя царей.

5

О ПЛОТИ И ДУХЪ.

Отрывки изъ одного исследования.

Радуюсь началъ онъ говорить: „радуйся и ты со мной, братъ мой тѣло мое.“

изъ жизни Франциска Ассизскаго.

Хвала Тебѣ, Господь, и за сестру нашу тѣлесную смерть,

Отъ нея не спасется ни одинъ живущій,
Горе тому, кто ею въ грѣхахъ смертныхъ будетъ найденъ,

Но блаженъ, кто всю жизнь творилъ благо и милость,

Смерть не принесетъ ему ничего худого.

изъ гимна брату солнцу Франциска Ассизскаго.

Одежда великой жены есть праведность святыхъ.

изъ откровенія Іоанна.

I

И долго молчалъ я и всѣ звуки замолкли и внимательно всматривался я среди тишины. И я видѣлъ, какъ неудержимо вращались всѣ капли крови во всѣхъ жилахъ моихъ по неизмѣннымъ кругамъ своимъ. Музыку ихъ подобную музыкѣ звѣздъ слышалъ я.

И лѣстницу безконечную видѣлъ я. И всѣ члены мои, всѣ малѣйшія части мои—каждая стояла на ступени своей. И на самомъ верху моей лѣстницы видѣлъ я, какъ возвышался

надъ бездной безсмертный духъ мой, немного робко, но постоянно и неизмѣнно подымался онъ.

Поэтому связаны вы со мной, сестра моя плоть и всѣ члены мои, чтобъ идти за движеньемъ его, чтобъ одухотворился весь мѣръ, чтобъ духъ получилъ другую живую одежду и вѣчно новую, которая будетъ всегда отражать движенья его.

||

Тогда я говорилъ тебѣ, плоть:

Я хочу любить тебя, сестра, любовью нѣжной и могущественной, хочу обнять тебя въ благоволеньи, чтобъ ты преобразилась въ безсмертіе.

Змѣнное все въ тебѣ отвергаю, отвергаю, потому что я знаю—ангеломъ ты была. Какъ одежда лучами въ драгоценныхъ камняхъ ты сіяла.

Бѣдная бросаемая бурей, позабытая, съ этого дня глазъ мой на тебѣ, но не ради теперешняго униженья, не ради грѣхопаденій твоихъ.

Я хочу, чтобъ твои окна были чище рубиновъ, а стѣны твои изъ сапфировъ. Теперешніе тяжелые вещественные шаги твои отвергаю.

Одежда, невѣста, жилище мое, ты земля моя мнѣ обрученная. Не хочу я оставить тебя въ теперешнемъ запустѣньи твоёмъ.

Онъ вложилъ въ меня безконечное сожалѣнье къ тебѣ.

Ш

ИЗМѢНЕНІЕ ТѢЛА ВЪ ДУХѢ.

И тѣло станетъ духомъ и весь видимый міръ,
и даже камни воскресаютъ какъ серафимы и
будутъ торжествовать и жить и пѣть.

Бракъ, бракъ съ плотью объявилъ Онъ мнѣ, когда я оставилъ все плотское. Онъ сказалъ мнѣ: теперь ты безопасенъ, теперь можешь приблизиться къ ней. Мечомъ преобрази весь видимый міръ!

Сестра моя, невѣста безутѣшная, кто утѣкаетъ тебя? Ты была быстрѣй молніи среди рая Его, ты никогда не отступала отъ меня, куда бы я ни пошелъ, надъ утесами бездны стояла и не падала.

Рука объ руку ты боролась въ союзѣ со мной противъ бездны, изъ устъ твоихъ я слышалъ пѣсни подобныя музыкѣ моря, ты бодрствовала за меня во время отдыха моего.

Землей, землей моею ты была. И Онъ велѣлъ мнѣ воздѣлывать и хранить твои горы, твою красоту.

Теперь она не можетъ подняться, пылью покрыты всѣ члены ея, въ недовольствѣ, въ грязи лицо ея. Кто приблизится къ ней, кто подыметъ ее, кто назоветъ ее невѣстой своею?

Какъ стала мертвой неизмѣнной въ заустѣнности своемъ живая неудержимая въ жизни своей? Больная безумная она глотаетъ пыль съ дорогъ своихъ, называетъ это царствомъ своимъ, заботится о пыли и тѣни своей!

Все вещество станетъ духомъ!

СРЕДИ КНИГЪ.

Господи, благослови меня ходить спокойно, дѣлать благо неторопясь, чтобъ я не дѣлалъ его только по видимости, чтобъ забывать мнѣ душу блага.

Суетныя скорыя мысли современныхъ людей удали отъ меня, потому что я вижу рѣку Твою—спокойную, тихую.

Господи, Ты знаешь меня, я вышелъ къ людямъ, къ ихъ ученьямъ, къ ихъ книгамъ—только ради братьевъ моихъ—чтобъ чужія оружія не побѣдили смиренныхъ братьевъ моихъ.

Господи, благослови чтобъ --меня не преткнуло это видимое писанье, чтобъ эта видимая книга не закрыла мнѣ внутреннѣйшаго озаренья Твоего и живого завѣта общенія со всѣми. Какъ малую часть разумѣю я всѣ эти страницы, всѣ науки, всѣ книги земныя—какъ свѣчу предъ утреннимъ блескомъ --- предъ Безконечной Свободной Невидимѣйшей Книгой Твоей.

Дай мнѣ чистое слово, чистое дѣло, чистыя мысли, молитву неизрѣченную. Сохрани меня въ воздержаньи среди всѣхъ изысканныхъ пищъ, сохрани меня въ бѣдности и въ тѣлесномъ трудѣ, во всѣхъ заповѣдяхъ Твоихъ—и малыхъ и великихъ. Дай мнѣ свидѣтельство, смиренье, мужество.

II

СРЕДИ ЗНАНІЙ.

Всѣ тѣла, твердь, звѣзды, земля и всѣ ея царства не стоятъ малѣйшаго изъ духовъ, ибо онъ знаетъ все это и самого себя; тѣло-же не знаетъ ничего. Всѣ-же тѣла всего міра и всѣ души съ ними и всѣ ихъ созданія и знанья не стоятъ малѣйшаго движенія милосердія—потому что оно принадлежитъ къ гораздо болѣе высшей ступени.

изъ П а с к а л я.

Мудрецы земли Фемона искали земного знанія и всѣ купцы изслѣдователи мудрости приобрѣтали только золото земли.

изъ книги пророка В а р у х а.

I. СРЕДИ ЗНАНІЙ.

Я буду искать Его среди пустыни, не буду слушать измѣническаго молчанья безконечности.

«Я не слыхала о Немъ» отвѣтила мнѣ пустыня. «Нѣтъ Его»—говорила мнѣ смерть и животная молодость.

Онъ откроется только на жертвенникѣ чистоты и любви. Порази мечемъ Слова вѣчное молчанье пустыни.

Весь день я проходилъ среди пустыни знаній, я всматривался во всѣ песчинки ея. Тому-же ужасу пустоты, той-же всеокрушающей всеубивающей пустотѣ жизни подобна она.

Она дочь матери своей, холодомъ превзошла она мать свою.

Сколько травъ среди этихъ пустынь, какъ дрожать надъ ними природные жители!

Обгорѣлыя желтыя изсохшія травы, далеко имъ до лѣсовъ, по которымъ проходили ноги мои! Когда увидите вы другія, чудныя страны?

Имъ нечего дѣлать въ безконечной пустынѣ своей, поэтому десять разъ перебрасывали они съ мѣста на мѣсто всякую песчинку песковъ, поэтому учеными называются они.

Братья, нѣтъ гордости въ словахъ моихъ, но душа моя едва не умерла среди вашихъ знаній, среди необозримыхъ разнообразныхъ свѣдѣній въ нихъ.

Я ужаснулся. Бездна—подобная вашей пустынѣ—разстлалась въ душѣ моей. Львы поднимались изъ незамѣтныхъ глазу овраговъ и глядѣли съ холмовъ на заходящее солнце.

Я внимательно глядѣлъ на васъ и вдругъ оглянулся на душу мою. Она ранена и жалуется душа моя.

Сколькихъ младенцевъ загубили они!

Печаль, братья, великая всемірная печаль о пустотѣ вашихъ знаній, о бесплодности ихъ—она одна вошла въ мое сердце и едва не умертвила всѣхъ пирующихъ во дворцѣ моемъ съ Возлюбленнымъ моимъ.

Братья, это была печаль какъ не объ васъ, а какъ объ ужасномъ грѣхѣ души моей. Зачѣмъ глядѣлъ я на всѣ эти страны, отвергавшія чудо и милость?

Грубые жестокіе наружные люди вступали въ душу мою съ искусной музыкой множества разнообразныхъ музыкальныхъ орудій и это называлось знаньями земли!

Какъ братьевъ хотѣлъ я принимать всегда всѣхъ, въ смиреніи ждалъ враговъ своихъ.

Но Богъ сказалъ мнѣ: на этотъ разъ ты согрѣшишь въ смиреніи своемъ.

Иди и поражай какъ Навинъ всѣхъ враговъ своихъ.

Въ чемъ вы живете, народы? кто остановить возгордившіеся умы? ужели возможны безконечныя мученія? ужели безъ конца будутъ мучить себя они?

И чѣмъ болѣе достигаетъ человѣкъ чистоты или мудрости или знанья, тѣмъ опаснѣй шаги его. Онъ начинаетъ хвалиться и слѣпнетъ въ хвалѣ своей. Грѣхъ лучше праведности его. Нѣтъ, равно ужасны и грѣхъ и праведность его, и незнанье и мудрость и темнота его.

Они сплели тонкую многообразную сѣть, подобную сѣти первородныхъ, сѣти сѣтей.

Та сѣть называлась природа борьбы и теперешній міръ, эта сѣть называется знанье. Недалеко одна отъ другой равнодушіе и слѣпота.

Кто когда глядѣлъ въ мракъ, чтобъ видѣть? кто изучаетъ безуміе, кто собираетъ всѣ шаги его какъ драгоценности, кромѣ безумнаго?

Кто когда видѣлъ этотъ ужасъ, кто лицомъ къ лицу разсматривалъ пустой глазъ этой змѣи?

Чистыхъ младенцевъ и благороднѣйшіе умы подчинила она сѣтямъ своимъ, плѣнники лишь пришиваютъ къ ней новые лоскутки — если кто изъ заключенныхъ искуснѣй другихъ.

Не могу, не могу смотрѣть на нее! не ради опасности.

Печаль о себѣ и о мірѣ побѣдила радость мою, зачѣмъ Ты, Господи, приблизилъ меня къ странамъ смерти духа?

Слезы, братья, на глазахъ моихъ, вы еще не разумѣете всѣхъ прегрѣшеній своихъ.

Не только съ плотью своей, и съ разумомъ и съ душой и съ любовью и съ духомъ прелюбодѣйствовали они!

Затоптали всѣ дѣтскіе цвѣты!

Тогда я сказалъ: чѣмъ поражу бездну?

Непокорностью, полной непокорностью. Иначе какъ призовешь ее къ воскресенью ея?

Она можетъ убить тебя, возстань-же, самъ порази ее.

Она безумна, пусть врагъ станетъ рабомъ твоимъ. Когда онъ смирится, объявишь его младшимъ братомъ твоимъ.

Борись противъ безсознательной ночи, противъ равнодушнаго дня, даже противъ невѣсты твоей, противъ неудержимо стремящихся силъ, противъ недвижныхъ скалъ, противъ дикихъ звѣрей.

И не дай себя побѣдить духу сомнѣнья, что борьба не отъ Него.

Кто любитъ, тотъ можетъ бороться. Борись и съ собой.

Кто любитъ, никого не обидитъ, только смоетъ грязь со всѣхъ лицъ.

2. Сомнѣнїе ради изслѣдованья пути мудрецовъ.

«Хорошо,—воскликнулъ я:—сомнѣнїе, сомнѣнїе! приближался ли къ этимъ сегодняшнимъ пустынямъ моимъ самый сомнѣвающийся изъ мудрецовъ? Ибо нѣтъ ничего ничтожнаго и ненужнаго и сомнѣнїе этихъ ученыхъ одинъ изъ путей къ Нему.

«Хорошо,—воскликнулъ я:—пусть только сомнѣнїе, пусть я еще незнаю Его—какъ совершенно незнающій, даже какъ нежелающій свѣта Его. Какъ Іовъ, какъ Іаковъ я буду бороться съ Тѣмъ, Кого встрѣчу въ лучахъ зари, пока не разсвѣтетъ. Господи, прости меня, дай мнѣ на одинъ мигъ поглядѣть въ эту бездну.

«Какая-то надежда поддерживаетъ меня. Я не боюсь погибнуть въ ней.»

И я поднялъ оружіе плоти и разума противъ всѣхъ сокровищъ въ дому моемъ. Я сказалъ: «положимъ, ненадолго предположимъ, что я только вчерашній рожденный, что у меня нѣтъ никакого знанья, что голая доска душа моя.»

И я заглянулъ въ бездну—безначальная—пустая подобная змѣѣ—безконечная слѣпая молчаливая, молчаливая—какъ будто никогда нигдѣ не было жизни ни звука—такая была она, мать всѣхъ живущихъ. И она протянула ко мнѣ побѣждающія руки свои и бездонными и прекрасными и умерщвляющими глазами глядѣла въ глаза мои и я едва не оступился на утесѣ души моей. Я удержался только въ мигъ ужаса, только въ мигъ смерти моей. Кто-то крыломъ коснулся лица моего.

И я взглянулъ въ душу свою и ту-же бездну увидѣлъ я—тысячи мыслей, цѣлые города пожеланій, борьбы, и свѣтъ и мракъ.

И только взглянувъ въ эти бездны, измѣривъ ихъ до самыхъ глубинъ, я увидѣлъ надъ ними Его.

Братья, истинно это древнее слово: сомнѣнье освобождаетъ. Только тотъ, кто усомнился во всякой душѣ и во всемъ мірѣ, кто разувѣрился въ силѣ и въ духѣ и въ веществѣ, кто усомнился въ красотѣ и вселенной, только тотъ увидитъ Его.

Кто никогда не печалился, никогда не ужасался, никогда не будетъ и радоваться.

О темный народъ, они называютъ тебя суевѣрнымъ, но предъ тобою младенцы всѣ эти великіе сомнѣвающіеся и мудрецы, только ты усомнился во всемъ, какъ величайшіе мудрецы ты отъ вѣка позналъ, какъ мало это орудіе разума.

Только испытавшій недостаточность всѣхъ наукъ и философій, познавшій суету всѣхъ знаній, всей мудрости, всей плоти и всего духа, только сомнѣвающійся во всемъ, только онъ можетъ вѣрить въ Того, Чье имя Тайна.

Суета суетъ, сказалъ царь древней мудрости, царь всѣхъ мудрецовъ древности, все суета! Только Одинъ можетъ спасти.

III

ОТВѢТЫ НѢКОТОРЫМЪ УЧЕНЬЯМЪ И КНИГАМЪ.

I

Онъ распростеръ безконечный сводъ небесъ.
 Къ самому ли себѣ обращаюсь я съ та-
 кими мольбами? Какъ мнѣ достигнуть до
 Браммы, Бога моего?

изъ в е д ѣ , священнаго писавья Брами-
 вовъ.

Я хотѣлъ сказать о томъ, что часто занимающіеся умо-
 зрительной наукой называютъ Богомъ не Живого, а какую-то
 свою мертвую человѣческую душевную истину.

Но есть Самый Истинный, Самый Совершенный, значить
 и Самый Живой. Только у Него полная жизнь, потому что
 имя Его—Жизнь Безконечная. Скорѣй можно сомнѣваться въ
 жизни всего, чѣмъ въ жизни Бога. Весь міръ мертвъ и
 смертью всего только подтверждается только жизнь—только
 Его. Онъ Истина Живая Немертвая славы, Благословенный
 Богъ истины. И это не мертвая истина душевныхъ мудрецовъ
 земныхъ. Онъ Умъ Недоумѣнный, Высшій Разумъ Недора-
 зумѣнный, Который дѣлаетъ все, что хочетъ, на землѣ и въ
 небесахъ.

Конечно многіе народы понимали о Богѣ очень наружно
 и суевѣрно. Поэтому современные ученые склонны полагать
 Его только въ сердцахъ и дѣлаютъ изъ Него только понятие
 ума своего. Тѣ прибавляли, эти убавляютъ, тѣ уклонялись

вправо, эти уклонились влѣво. Берегитесь обѣихъ заквасокъ— не только фарисейской но и садукейской.

Истинно никто не можетъ увидѣть Отца, только Сынъ Божій. Но Богъ не совѣсть твоя и не сердце твое. Онъ внутреннѣй твоего сердца, Онъ Сердце Всемирное и Совѣсть Всемирная и знаетъ все.

Кромѣ трехъ мѣръ земли есть таинственная другая мѣра, которую зналъ, о которой поминалъ и апостолъ Павелъ: «Поэтому преклоняю колѣна предъ Отцомъ, отъ Котораго именуется всякое отечество на небесахъ и землѣ, да дастъ вамъ по богатству славы Своей крѣпко утвердиться Духомъ Его во внутреннемъ человѣкѣ, чтобъ вы укорененные въ любви могли постигнуть со всѣми святыми, что широта и долготы и глубина и высота.»

Не въ высоту, не въ широту, не въ долготу, не въ видимыхъ мѣрахъ земли достигнешь Его. Но въ мѣру таинственную, въ глубину, въ мѣру Ангела, которая теперь уже мѣра человѣческая, въ мѣру Сына Божія и Усыновленья, которая болѣе ангельской. Не вверху и не внизъ, не вправо, не влѣво, не взадъ, не впередъ, а въ глубину. Вотъ какая мѣра объявлена теперь на землѣ!

Живое личное отношеніе человѣка къ Богу, видѣніе Бога, несмотря на всѣ сомнѣнья буквѣдовъ и невѣрующихъ, всегда останется главнымъ дѣломъ жизни. И ни разсудочное построеніе вѣры ни церковное правовѣріе ни даже искренняя постоянная чистота и благочестіе не могутъ исчерпать его: это все только части, только нѣкоторыя части Тайны Божьей.

2. Шеллингу.

Въ третье, послѣднее время земли то, что являлось въ предыдущія времена какъ Судьба и Природа, разовьется и проявится какъ Провидѣніе; такъ что то, что казалось дѣломъ судьбы или природы, было уже зачатками не совершенно проявляшагося Провидѣнія.

Когда начнется это послѣднее время? Сказать этого мы не можемъ. Но когда оно наступитъ, появится Богъ.

изъ Шеллинга.

Не читаль я всѣхъ сочиненій твоихъ, одну только страницу увидѣлъ я о первомъ древнемъ царствѣ безжалостной судьбы, когда протекли вѣка вѣковъ, я прочелъ о разрушеніи ею царствъ рая, потомъ о царствѣ природы, гдѣ слѣпныя силы соединяются съ закономъ и приготавливаютъ пути дня грядущаго. Наконецъ будетъ царство, гдѣ явится Богъ. Будь благословенъ за слова твои. Такъ говорили лучшіе пророки древности.

Истинно не могли еще истребить люди Духа Пророческаго, несмотря на мертвыя раздѣленные сухія мысли свои, если даже Ренанъ, образецъ современнаго невѣрья, противникъ чудесъ, и тотъ однажды пророчествовалъ о чудесахъ: «Пока ихъ не было, мы не видимъ ихъ, не могли до сихъ поръ доказать ихъ, но не отвергайте будущаго, погодите, могутъ еще наступить чудеса.» И такъ онъ сказалъ, и истинно—такъ это слово невѣрующаго велико, какъ и тогда, когда Духъ Божій воскресъ и проговорилъ въ безсловесной ослищѣ и она сказала пророку: «Онъ—Распятый всегда былъ во мнѣ и сегодня воскресъ. И я объявляю тебѣ—вспомни заповѣдь сожалѣнья—зачѣмъ бьешь меня? Ангелы постоянно окружаютъ всѣхъ насъ.» И открыла глаза ему.

Такъ однажды проговорилъ и Милль, указавъ всѣ шаткости своей многотомной науки. Въ одномъ мѣстѣ онъ объяснилъ, что мы не можемъ представить предѣла въ пространствѣ только потому, что не видимъ его. Въ другомъ-же мѣстѣ онъ признаетъ, что законъ вещественной необходимости это только законъ видимости опыта, но что возможно представить гдѣ-нибудь міръ и безъ необходимости во всѣхъ явленьяхъ его. И истинно неможетъ быть безпредѣльнымъ пространство. Одинъ Онъ—безъ конца.

3. Эпикуру и всѣмъ подобнымъ ученьямъ—древнимъ и новымъ европейскимъ.

Признать болѣе или менѣе извѣстную необходимость въ дѣствіи значить предаться отчаянью. Поэтому остерегайся подражать толпѣ, которая признаетъ Богомъ судьбу, случайность судьбы совершенно лишаетъ ее свойствъ Божества, такъ какъ Богъ можетъ поступать только праведно.

изъ отрывковъ Э п и к у р а.

Прекрасно сказалъ о тебѣ мудрецъ другихъ вѣковъ Декартъ, что твое ученье о стремленіи къ удовольствію въ концѣ концовъ легко согласить съ ученьемъ противниковъ твоихъ стоиковъ, которые учили, что высшее благо одна добродѣтель. Ибо истинно Богъ есть радость. Духъ Божій—духъ младенцевъ, духъ радости.

Прекрасно сказалъ еще Лейбницъ, что почти всѣ ученья, большинство ихъ, правильны въ томъ, что утверждаютъ, и неправильны въ томъ, что отвергаютъ. Но кто достигъ такого спокойствія, чтобы неколебимо радоваться среди всѣхъ разно-

гласій земли, предвидя, какъ сольются всѣ рѣки и волны въ одну музыку будущаго моря, всеобъемлющаго океана? Только тотъ, кто возводитъ всѣ мысли къ Нему, даже въ враждебныхъ къ Нему ищетъ слѣдовъ Его.

Я прочелъ твое письмо къ Менецію и удивился: какъ стремится къ божеству, къ чистотѣ, даже къ вѣрѣ и такое вещественное ученье! Ты говоришь, что удобнѣе раздѣлять мнѣнїе толпы о богахъ, чѣмъ мнѣнїе нѣкоторыхъ ученыхъ, будто каждый нашъ шагъ дѣйствіе слѣпой необходимости. Ты говоришь, что такъ остается только отчаянье, что случайность судьбы совершенно лишаетъ ее свойствъ божества. Ты говоришь, что вѣрующій все-таки можетъ надѣяться на успѣхъ своихъ молитвъ.

Конечно ты не признавалъ Творца, но это ученье твое было только движеніемъ противъ окружающихъ суевѣрій, ибо ты нигдѣ не слышалъ про Чистѣйшаго Единаго Милосердаго. Великій духъ вѣры жилъ и въ тебѣ, ты оставилъ человѣку свободу.

Но Онъ не мѣшаетъ свободѣ. Имя Его есть Свобода. И твое исполненіе обрядовъ въ почтеньи языческимъ богамъ твоей родины не было дѣломъ страха, ты видѣлъ, что всякая плоть извратила свой путь, что эти окружающія насъ несовершенства не могутъ быть отъ Него, ты зналъ, что есть въ человѣкѣ знанье о Совершенномъ Единомъ, но ты не зналъ пути къ Нему, какъ не знаютъ многіе и сейчасъ — и также искренно стремящіеся какъ и ты. И тогда ты поставилъ боговъ за границей вселенной, ты думалъ, что они далѣе чѣмъ на дѣлѣ, что нельзя имъ, совершеннымъ, вмѣшиваться въ несовершенства земли.

Но безконечное сожалѣнье руководитъ Его, приводитъ Его даже на землю мою, даже на смерть и страданье Его.

IV

ОТРЫВОКЪ. ПРОТИВЪ ТОЛСТОГО И НИЦШЕ.

1. НИЦШЕ У ПОРОГА ХРАМА.

Вы, которые восхищаетесь ничтожными вещами, вы подхватываете всё полумертвые недостижшія слова Ницше, а самое благородное въ немъ забываете.

Въ немъ — въ этомъ человѣкѣ совершился великій ужасъ борьбы двухъ величайшихъ враговъ, такъ не боролся Господь даже съ Денницей. Въ немъ совершился ужасъ борьбы двухъ обширныхъ современныхъ европейскихъ міросозерцаній — и ни одинъ не побѣдилъ, скорѣе даже одинъ — роковой — побѣдилъ, — поэтому человѣкъ изнемогъ. Въ немъ боролось древнее научное вещественное или материалистическое подробное пониманье съ пониманьемъ начала всеозаряющаго огня въ человѣческомъ духѣ. Какой ужасъ ужаснѣй этой борьбы, этого мученья — или вѣчный добровольный мракъ или безконечный свѣтъ?

Онъ боролся съ вещественнымъ пониманьемъ и не могъ одолѣть — въ этомъ ужасъ его. И вотъ предъ послѣдней борьбой, предъ послѣднимъ своимъ пораженьемъ онъ восклицаетъ въ одной чистой пѣснѣ, которая къ братьямъ: «Развѣ вы не знаете, братья? Болѣе, выше любви къ людямъ цѣню я любовь къ вещамъ и мечтамъ!» Онъ прежде признавалъ только тѣла людей, только людей какъ тѣла. Вещами онъ называлъ всё чувства и силы души. Отсюда недалеко и до вѣры и въ духъ человѣка, ибо въ немъ всё эти вещи, и въ Бога.

2. Задачи мистика или таинственнаго ученья (противъ Толстого). О различіи между свободой для разума и свободой для Духа Божьяго.

Конечно свобода нужна и по человѣческому разсужденію. Тѣмъ болѣе Духъ Іеговы болѣе всѣхъ самыхъ священныхъ писаній, болѣе всего видимаго міра, болѣе всѣхъ мертвыхъ слѣдовъ, болѣе даже свободнаго независимаго духа человѣческаго, болѣе всего храма безконечнаго и всемірнаго.

Имя Его есть Свобода.

Одно изъ именъ Божьихъ есть Свобода.

Но нѣкоторые ищутъ свободы не для Божьяго Духа, даже не для человѣческаго духа, а только для одного изъ его орудій—для разума. Но это орудіе ниже даже другого орудія—ниже созерцанія, какъ лопата слабѣе кирьги. Только кирьга разбиваетъ Уральскія скалы. А духъ еще болѣе созерцанія.

А Духъ Предвѣчнаго — Источникъ Любви и Огня и Незрѣченнаго, въ немъ всѣ жизни, какъ тысячи голосовъ въ водопадѣ, какъ листья въ весеннемъ лѣсу.

3. ОГНЕННАЯ КОЛЕСНИЦА ИЛИ МЕРКАБА ІЕЗЕКІИЛЯ ПО КАББАЛЪ.

Что это, Господи, что Ты взошелъ на колесницы Твои спасительныя? Отъ дуновенія Твоего ринулись воды, Ты проложилъ дорогу чрезъ море великихъ водъ.

И поднялись пламенные колесницы. Имя Его Вездѣсый. И онъ съ Нимъ. Колеса ихъ какъ алмазы, какъ молніи, какъ вихрь, какъ вино, какъ серебрянный звонъ весеннихъ листьевъ,

какъ незримые чудесные побѣждающіе звуки, какъ музыка звѣздъ и морей и небесъ, какъ бесѣда ангеловъ въ глубинѣ души, какъ ожерелье, какъ радость чистыхъ сестеръ.

Изъ конца въ конецъ міра въ часъ побѣды въ день прилива стремятся колесницы молній.

На огненной колесницѣ сгорить вся тѣнь, вся плоть, весь видимый міръ, все это жизнесмертное видѣнье.

И братъ нашъ серафимъ съ лицомъ пламеннымъ и совершенно открытымъ—безъ покрывала воскликнулъ:

это огненная колесница всемірнаго сожалѣнья и торжества!

v

Сестрамъ Іоаннѣ и Надеждѣ Брюсовымъ.

Сестры, вотъ послѣдній разъ оглядываюсь на видимыя книги всѣхъ народовъ. И вотъ мое слово о всѣхъ ученьяхъ и книгахъ. Лучъ солнца падаетъ и въ овраги, но стоящіе на вершинѣ видятъ весь его и закатъ и восходъ. На нихъ за весь день не упала ни одна тѣнь, они жили въ лучахъ.

На востокѣ я увѣренъ, что Конфуцій говорилъ нѣкоторыя слова очень чистыя и близкія изъ книги совѣсти и сердца, но Бога онъ не видалъ. Другой китайскій отшельникъ, Лао-тзы—я увѣренъ — иногда видалъ Бога. Поэтому въ числѣ именъ

Бога онъ называетъ и такіе — Удаляющійся и Удаленный и Возвращающійся. Нѣкоторые браминисты и буддисты—я увѣренъ—видали Брамю, но никакъ не всѣ. Потому что нѣкоторые изъ нихъ впадали въ самовольныя разумѣнья даже большинство, но другіе изъ нихъ мало говорили о Немъ, но знали, что есть Неизрѣченный. У магометанъ суфи поняли ложь обыденнаго знанія и сознанія и ума и изучали слѣды невидимой красоты даже въ видимомъ цвѣткѣ. Вагабиты сказали о Коранѣ Живомъ, подлинникъ котораго находится на небѣ, что можно создать болѣе совершенное чѣмъ Коранъ. Одновременно и позже у нихъ были особенные пророки и свободныя секты — почти снявшіе всѣ покрывала, напримѣръ Бекташи.

Изъ греческихъ мудрецовъ Гераклитъ былъ предъ Его именемъ, хотя не назвалъ Его. Нѣкоторые орфическіе гимны о Зевсѣ звучатъ вмѣстѣ съ пѣснями Исаяи. Сократъ—я увѣренъ—былъ часто руководимъ ангеломъ Іеговы, но не ученикъ его Платонъ, который просто разсуждающій. Но ближе всѣхъ древнихъ греческихъ мудрецовъ мнѣ Плотинъ, который видѣлъ Бога 8 разъ за всю жизнь. И ученикъ его Порфирій увидѣлъ Его только одинъ разъ на восьмидесятомъ году жизни. Они точно считали.

Шведенборгъ и Баме приближались къ Нему въ новыя времена, изъ нихъ Шведенборгъ очень обремененъ разсужденьями, но много ближе всѣхъ ихъ Францискъ, несмотря на языческое покрывало папства, которое одѣвало его. Сильно стремящійся увидить и во тьмѣ, какъ сказалъ Іисусъ: «Слѣпые прозрятъ и зрячіе ослѣпнутъ.» Францискъ создалъ глубокий и вѣчный языкъ первой проповѣди всѣмъ твореньямъ, первой любви къ нимъ, онъ исполнилъ слово Іисуса: идите, проповѣдуйте всей твари. Есть нѣмецкій философъ девятна-

дцатаго вѣка, Лотце, онъ считалъ, что за плотью скрываются невидимыя духовныя силы, но недостижшія еще духовности. Францискъ зналъ это много лучше чѣмъ тысячи написанныхъ словъ, когда однажды радуясь сказалъ своему тѣлу: «Порадуйся со мной и ты, братъ мой тѣло мое.»

Карлейль, Рескинъ, Толстой, Викторъ Гюго уже много слабѣй видятъ Его и лучше ихъ всѣхъ, всѣхъ менѣе умѣвшій разсуждать, Гюго. Но ближе всѣхъ современныхъ пожалуй нѣкоторыя вещи Метерлинка.

Но я разумѣю — нигдѣ такъ неудержимо не открывалась сила Божія какъ въ крови древняго іудейства, это древняя секта Авраамова и Зороастра. Въ странѣ Зороастра тоже небыло изображеній. Іона, Аввакумъ, Михей, Амосъ, Захарія, Исайя, Іезекиль, Давидъ, бесѣдовали съ Нимъ какъ съ другомъ. Несмотря на многія покрывала ветхозавѣтнаго жестокосердія и обряда, несмотря на ужасныя недоразумѣнья я предпочитаю Библию всѣмъ лучшимъ книгамъ всѣхъ народовъ. Потому что всѣ пророки исчезали глазами въ Единую Высшую Жизнь и знали, что есть Онъ Единый истинно Живой.

Но безъ всякаго покрывала возсіяла истина только въ человѣкѣ Иисусѣ и его апостолахъ.

7

Пыль дорогъ.

Воспоминанія временъ.

1

О чудесахъ, отрывки изъ одного изслѣдованія.

Всѣ части вселенной оживлены и все наполнено духами.

изъ отрывковъ Г е р а к л е т а .

Невидимыя существа, находящіяся въ области „освѣщающей“, удерживаютъ живыхъ существъ отъ плотскихъ пожеланій. Имя этой области „освѣщающая“ дано такъ потому, что она свѣтитъ свѣтомъ ученія и созерцанія.

изъ монгольско-буддійскаго к а т е х и з и с а .

ПЕРВЫЙ ОТРЫВОКЪ.

Есть не только солнце, есть звѣзды. Онѣ сіяютъ и надъ видимымъ міромъ, но истинное чудо Его невидимое.

Когда пустыяники искали побѣды надъ видимымъ міромъ, искали чудесъ испѣленья и воскресенья всего, это я никогда не назову безуміемъ, какъ бы ни смѣялись надъ всѣмъ этимъ

мудрецы теперешняго образсванья. И тѣмъ болѣе это возможно и очевидно, что долженъ быть побѣжденнымъ весь видимый міръ. Потому что всѣ вещи насъ окружающія наполовину сотворены даже нами, онѣ символы нашего духовнаго міра. Мы ихъ создали и мы перемѣнимъ ихъ. Человѣкомъ грѣхопаденье, Человѣкомъ воскресенье мертвыхъ. Невидимый огонь сильнѣй видимаго и огнемъ преображенья измѣнятся весь міръ.

Новыя силы будутъ цвѣсти только на новой землѣ.

Къ этому частью пришла и невѣрующая наука. потому что она учитъ, что міръ есть представленіе самого человѣка.

Первое чудо, явное даже каждому, всемогущества духа. Съ кѣмъ этого не случилось? на яву и во снѣ вдругъ видитъ онъ своихъ ближнихъ и дорогихъ и бесѣдуетъ съ ними, несмотря на всѣ вещественныя стѣны, раздѣляющія ихъ. По истинѣ это не мечтанье. Всякій разъ, когда видишь любимыхъ тобой, знай, что они устремились къ тебѣ и достигли тебя и подходятъ къ дверямъ твоимъ и говорятъ тебѣ миръ. И отвѣтъ имъ—миръ вамъ, не утрать всемогущества своего, какъ ты утратилъ весь міръ, не поддавайся духу невѣрья. Тогда и они будутъ видѣть тебя и слова твои достигнуть и ихъ.

Но если такъ всемогущъ духъ даже невѣрующихъ, какъ-же будетъ всесиленъ видящій и вѣрующій!

Человѣкъ приказываетъ человѣку и учитъ и воспитываетъ младенца и направляетъ драгоцѣнную душу какъ хочетъ и властвуетъ надъ мнѣньями братьевъ и часто убѣждаетъ во лжи даже знающихъ не менѣе его. Взглядомъ побѣждаетъ врачъ способнаго къ внушенью и неспособнаго, прекрасный побѣждаетъ однимъ взглядомъ къ любви, но тѣмъ болѣе всенаполняющій духъ вѣры черезъ своихъ и въ своихъ.

И если человекъ силенъ и надъ высшими ступенями, надъ друзьями своими, онъ непремѣнно преобразить и побѣдить и весь низшій міръ. И будетъ приказывать камню и камень отвѣтитъ и скала дастъ источникъ воды живой. И запретитъ сестрѣ своей смерти и она какъ невѣста, какъ зачарованная послѣдуетъ за нимъ. И бездну вызоветъ къ браку съ Возлюбленнымъ своимъ. И бурѣ скажетъ: «умолкни, сестра»—и станетъ великая тишина.

И овладѣтъ не снаружи вещами, но какъ древніе пустынножители проникнетъ сожалѣньемъ въ сердце земли и львовъ и пустыни. И подобно древнимъ сказкамъ о коврахъ самолетахъ, переносащихъ человекъ, куда онъ прикажетъ, исполнится невозможное.

ЕЩЕ ОТРЫВОКЪ.

Я не хочу говорить невѣрующимъ, я хочу убѣдить васъ вѣрующіе,—вы дороги мнѣ.

Уразумѣйте, что чудеса и всемогущество духа надъ плотью не противъ разума, уразумѣйте, что изъ любви эта вѣра.

Все, что изъ любви, то разумно. Что выше разума, то не можетъ быть неразумнымъ.

Кто искалъ чудесъ ради гордости—умиралъ, кто хотѣлъ ихъ не для любви, а для себя, кто не исполнялъ первыхъ тайнъ и ступеней Его—чистоты и смиренья..

Но если Онъ пошлетъ тебя сдѣлать,—какъ смѣешь отвергнуть?—Вотъ что я хотѣлъ сказать вамъ!

Онъ хочетъ исцѣлить весь міръ.

Посмотрите внимательно, не потому ли въ васъ это невѣрье въ окончательное преображенье, что въ васъ еще остатки прежняго невѣрья?

Мертвые книжники, хотя называютъ себя вѣрующими, тоже какъ ограпичили Его силу и тоже на дѣлѣ невѣрятъ въ Его всемогущество. Станьте только дѣтьми!

О други, исцѣлить, исцѣлить весь міръ! прекратить всѣ обиды, побѣдить смерть мечемъ преображенья!

Долго боялся я чудесъ Его, одно время я даже отрекся отъ того, что видѣлъ уже на пути своемъ.

Я объяснялъ это всемогуществомъ духа человѣческаго, по истинѣ мало было мое объясненье, я даже боялся быть безумнымъ въ глазахъ ихъ.

За это Ты отступилъ отъ меня, Ты Самъ поднялъ мечъ на меня, боролся со мной въ глубинахъ моихъ, пока не увидѣлъ я всѣ дѣла Твои.

ТРЕТІЙ ОТРЫВОКЪ.

Все это только пыль, только пыль, только слабые слѣды проходившихъ на дорогахъ того времени моего Ангеловъ. Но и пыль отъ нихъ священна.

Какъ могу я отвергать Его силу и гдѣ положу границу ей, если я видѣлъ ее?

И если вы скажете, что Ангелъ ничтоженъ ибо онъ только звѣзда предъ Богомъ, я отвѣчаю: Есть и солнце и звѣзды и

Онъ не желаетъ, чтобъ умерли звѣзды, ибо даже Онъ сотворилъ ихъ. Есть и внутреннѣйшее озаренье, откровенье Самого Бога Слова во внутренней посланной горницѣ (если послана и убрана она) въ смертной плоти человѣка. Но Богъ можетъ вразумлять человѣка и чрезъ птичку, чрезъ всякую травку, чрезъ человѣка и чрезъ писанье и чрезъ притчу и чрезъ сновидѣнье и чрезъ ангела и чрезъ видѣнье, чрезъ язычника и чрезъ бессловесную ослицу.

Но еще болѣе, чѣмъ въ ангелахъ, Онъ въ нищихъ дѣтяхъ Своихъ, въ нищихъ и духомъ и тѣломъ. Потому что Онъ все во всемъ. Онъ приказалъ намъ и тѣлесную и духовную нищету.

Обѣ заповѣди лежатъ человѣку — сначала уединенье, молитва, пустыня, чтобъ достигнуть рѣки, чтобъ черпнуть изъ нея, чтобъ бесѣдовать съ Нимъ. Но есть и вторая — укрѣпившись, иди даже къ каждой былинкѣ — живи и съ людьми и съ ангелами и съ травами и со звѣрями. О всѣхъ и за все!

II

На Бѣлозерской дорогѣ въ 98 году.

И я проходилъ по насыпямъ, по холмамъ дорогамъ многоозерной страны. И внизу я видѣлъ—тянулись исхудалыя лошади подъ немилосердыми кнутами мальчишекъ, за ними медленно и въ то-же время легко подвигались по блестящей глади озеръ широкія нагруженныя барки.

И Ты сказалъ мнѣ: «въ тотъ день человѣкъ будетъ ходить только по горамъ и не запряжетъ уже никакой твари и будетъ взирать взоромъ великаго милосердія на всякую плоть.

«И спустится даже въ долины, гдѣ мучаются животныя—и звѣри и скоть.

«И будетъ приводить всякую плоть на вершину горъ.»

III

И человѣкъ невѣдомаго народа и древнихъ временъ—подобный магометанскому суфи—показалъ мнѣ цвѣтокъ—чистый благоуханный среди южнаго лѣса. Онъ висѣлъ ничѣмъ не поддерживаемый между небомъ и землей среди душнаго отъ расцвѣтающихъ почекъ воздуха и блестѣлъ какъ одна изъ ступеней лѣстницы безконечнаго множества существъ восходящихъ къ Аллаху.

И человѣкъ сказалъ мнѣ: «Какъ неизмѣнна и духовна красота даже мгновеннаго цвѣтка! Какъ горные неударжимые

потоки, какъ росистый туманъ юля нѣжна и могущественна красота. Красота это имя Его.»

И онъ сказалъ: «мы чтимъ всякую красоту на землѣ и видимъ въ ней лучи Его.»

И я услышала пѣсню пророка Захаріи:

«О какъ велика благодать Его
И какая красота Его!
Хлѣбъ одушевить языкъ у юношей
И вино у отроковицъ.
Всякая красота отъ Господа,
Чтушіе красоту, прославьте Господа!»

iv

Боже, я сидѣлъ съ книгой среди міра — среди глухихъ стѣнъ, среди тусклаго свѣта земли.

Ночь надвигалась и вдругъ дыханье весны окружило меня, тысячи листьевъ дрожали какъ струны, какъ родники, тысячи братьевъ протянули мнѣ руку помощи.

Я успокоился какъ младенецъ, какъ нашедшій дорогу къ родному окну среди непонятнаго холоднаго шума чужихъ, я зналъ, что даже животныя, скрытыя въ этихъ лѣсахъ, чувствуютъ вмѣстѣ со мной.

Я вижу дорогу Твою, по которой сзади—невидимо для меня проникалъ Ты ко мнѣ.

Узкая дорога—невидимо пролегаетъ она среди звѣздъ — только одна стопа Твоя умѣстится на ней.

На ней еще дрожать лучи Твои, Твоего посѣщенья, только по дальнимъ небеснымъ звѣздамъ, по затеряннымъ въ травахъ цвѣтамъ пролегаетъ прямая неуловимая человѣку дорога Твоя.

Слѣды Твои въ водахъ многихъ и пути Твои не познаются.

Спасенье Богу!

Вдругъ я увидѣлъ Твой взоръ, чрезъ весь міръ на меня устремленный по этой дорогѣ Твоей, тихіе неотрывающіеся внимательные побѣждающіе вѣчныя глаза Твои.

Чрезъ всю вѣчность взираетъ Онъ въ сердце мое. Онъ опредѣлилъ всѣ пути мои.

Много тварей Твоихъ, Побѣдитель, но Ты любишь и ничтожнѣйшую пылинку—все творенье Твое, какъ человѣкъ любить и часто забытыя, но лежащія въ глубинѣ его воспоминанья о друзьяхъ утра дней своихъ. Побѣди меня, Побѣдитель!

Какъ океанъ возносить волны свои надъ собой, Ты возносишь меня выше огней Своихъ.

▼

Я видѣлъ, друзья, сегодня эту великую тайну искупленья, о которой не напрасно говорятъ среди нашихъ народовъ. Есть на землѣ и глубокія притчи, лучше всякаго разума и первѣе его эти преданья, это прозрѣнье древнихъ временъ.

Я видѣлъ, какъ Онъ уподобился человѣку, чтобъ человѣкъ могъ понять его. И Онъ спустился съ небесъ на землю мою

и пролилъ на ней Свою кровь и въ самый мигъ смерти воскресъ и озарилъ все, даже плоть мою. Я видѣлъ, какъ Онъ сходилъ въ этотъ мѣръ, въ сердце каждой песчинки, проповѣдывалъ и звѣрямъ и растеніямъ, даже въ преисподнюю, даже въ пустыни ужаса бездны и къ гордому духу, врагу Своему, принесъ Онъ жертву — неудержимую любовь Свою.

И я воскликнулъ: О Ты, Чьимъ имена мѣтъ конца, Кого называютъ Иеговой, Браной, Отцомъ, Христомъ, Буддой, Матерью и Невѣстой и Женихомъ! я видѣлъ тайну Твою.

VI

Братья, Онъ указалъ мнѣ на тысячи плотскихъ заблужденій, даже другъ съ другомъ враждуютъ они — сыны одной матери. Онъ сказалъ мнѣ, что заблужденія душевныя еще много опаснѣй и разнообразнѣй. Особенно-же берегитесь духовнаго заблужденія — лжепророчества и гордости духа!

Онъ показалъ мнѣ, какъ побѣждаетъ человѣка видимый мѣръ. И ясно открылъ мнѣ глаза, что чужія заблужденныя силы постоянно окружаютъ всѣхъ насъ. Сыны бездны входятъ въ твой внутренній городъ. А ты ихъ считаешь жителями города своего и этимъ согрѣшаешь, укрѣпляешь ихъ.

Различай, различай свои голоса и чужіе, чтобы бороться!

Это было послѣ одержанной чистой побѣды. Я увидѣлъ какъ городъ предъ праздникомъ залитый огнями, дѣти радостно глядѣли на проходящихъ, окна лавокъ сіяли, всѣ освободились отъ работъ и проходили за дѣлами своими. Изъ

Нерукотворнаго Храма доносился звонъ, подобный звуку множества листьевъ весной. Я увидѣлъ звѣздное небо, по неизмѣннымъ путямъ подымались, проносились міры, всѣ солнца и земли Его, и неслышная музыка наполняла вселенную.

Такъ озарилсъ и мысли мои!

Вдругъ въ углу моей камеры я услыхалъ чей-то шопотъ, я взглянулъ и увидѣлъ дѣвушку въ простомъ платьѣ. Какъ пришла она, я не зналъ. И чисты были мысли мои, я не призывалъ никого. Я отвернулся къ окну, думая что видѣнье исчезнетъ, но она была уже близко, прерывисто дышала чья-то легкая грудь, робкая рука чуть-чуть коснулась локтей моихъ. И ужасъ охватилъ меня, потому что прекрасны были очертанья ея, благородна была поступь ея. Я закрылъ глаза, но куда ни глядѣлъ я, о чемъ я ни думалъ, она тутъ-же садилась рядомъ со мной, молчаливо и кротко ждала, предлагала мнѣ любовь свою, ночами наслажденій, искрами пира горѣли глаза ея, какъ сіянье іюньскаго дня проникали черезъ рѣсницы и вѣки мои.

И долго изнемогая боролся я.

И вдругъ ясно, ясно уразумѣлъ я, что это вразумленье Твое: Ты открываешь мнѣ, что незримыя силы постоянно окружаютъ всѣхъ насъ.

Берегите окна свои!

И сразу исчезла она.

VII

Это не было мечтаньемъ, братья, я даже долго позналъ, что Ангелъ прошелъ мимо меня.

Мы докашивали загонъ. Вдругъ чьи-то быстрыя крылья разсѣкли воздухъ и почти предъ нашими лицами въ отчаяньи металась перепелка. Я ясно видѣлъ, что всѣ ея перья взъерошены. Тутъ гдѣ-то должно было быть гнѣздо ея. Пётра и Андрей пошли и внимательно смотрѣли, но въ то-же время опасались раздавить птенцовъ. Недокосить загона нельзя было, трава была больно хороша, травы въ этомъ году были плохія и хозяинъ не поблагодарилъ бы насъ.

Братья обошли всю межу, обыскивая руками всѣ закоулки, но нигдѣ ничего не было видно, ямъ не было видно, почва была тверда какъ камень отъ зноевъ іюля. Наконецъ мы рѣшили медленно подвигаться, постоянно внимательно осматриваясь и прислушиваясь. Мать въ ужасѣ скрылась.

Вдругъ я услышалъ чьи-то шаги отъ стана. Кто-то шелъ по равнинѣ твердой и звучной радостной походкой, какъ очень высокій и сильный. Я удивился—ужели это Андреевъ отецъ, отчего такъ звучны шаги его?—и хотѣлъ оглянуться, но братья доканчивали дѣлянку. Я прибавилъ ходу и нагналъ ихъ. Нигдѣ не было слышно писку, не было замѣтно ни комочковъ земли ни ямки.

Я оглянулся. На равнинѣ никого не было видно даже за станомъ въ долину.

И сразу я уразумѣлъ. Это Богъ послалъ ангела Своего перепелкѣ, чтобъ охранить ея птенцовъ среди нашихъ лезвій, чтобъ мы знали, что Онъ слышитъ молитву всѣхъ тварей и заботится о всѣхъ.

8

Отрывки.

I

И даже плотская память переселеній затеряна у преданныхъ ревниво струямъ земли.

Тотъ кто достигнетъ послѣдней ступени на лѣстницѣ вѣчности, тотъ увидитъ и всѣ времена земли, тотъ оглянувшись увидитъ и всѣ дороги свои начиная отъ первыхъ жизней своихъ.

II

Разумъ и тайна.

Созерцаніе выше знанія и разсужденія. Умъ нуженъ только для того, чтобъ изгнать безуміе, но на безуміе ни умъ не составляютъ истиннаго откровенья.

изъ священнаго писанья браминовъ.

Мудрость дается не знаньемъ, иначе ею обладали бы и злые и добрые.

изъ отрывковъ Гераклита.

Разумъ, разумъ—вездѣ слышалъ я. Но всѣ сухія разсужденья этихъ разумныхъ были, такъ противоположны, да и не

давали радости душѣ моей. Я помнилъ изъ жизни моей о свѣтѣ Другого Высшаго Разума, Иное Сознанье озаряло меня. Знанье Твое открывалось мнѣ.

И я началъ изслѣдовать то, что вы называете разумомъ. Эти одежды были сшиты и изъ новыхъ заплатъ и изъ старыхъ кусковъ, но это только одежды. Ясно увидѣлъ я, что и разумъ и плоть только орудія духа.

Всѣ чувства, всѣ камни, всѣ силы, всѣ животныя и растенія, всѣ животныя души людей, все душевное какъ и все видимое— и разумъ и совѣсть только орудіе духа.

И Ты сказалъ мнѣ: «Смотри, не согрѣшай опять! Надъ плотью твоей, надъ словомъ твоимъ, надъ душевными силами, надъ разумомъ, даже надъ любовью твоей ты господишь.»

Много спорили о тайнѣ и разумѣ мудрецы. И если разумъ и тайну вы называете сестрами, только одна изъ нихъ старшая—Тайна. И домъ не можетъ быть безъ основанья и основанье разумъ, но домъ складемъ изъ кирпичей. Тайна болѣе разума.

Господи, прости меня, небольшую праведность положилъ. Ты мнѣ, я изслѣдовалъ много времени и умъ и рассудокъ, доказательства не нужны Тебѣ, Непостижимый, я не нашелъ въ нихъ радости, робкіе пути противны неустойчивымъ озареньямъ Твоимъ.

Какъ орудіе принимаешь Ты и разумъ и даже тѣло мое, но только орудіе даже духъ мой предъ Тайной Твоей. Но Ты держишь меня за правую руку, подымаешь меня какъ надъ моремъ волну среди жизни Твоей, среди жизни Твоей охраняешь жизнь каждой былинки, даешь каждому жизнь свою.

III

ДУША ЖИВОТНАЯ И ДУША ЖИВУЩАЯ.

Низшая душа непременно погибнетъ, но высшая душа, называемая въ писаны живущая, душа души или духъ — устами Своими сотворилъ Онъ ее. Бодрствующій и Живущій на Деревѣ Жизни Своемъ, Онъ далъ и мнѣ быть живущимъ на этомъ-же деревѣ. Не ошибитесь, познавайте себя, различайте въ себѣ непостижимую силу и видимую душу, смертное и бессмертное.

Кто держится за низшую душу, погибнетъ.

IV

ЧАСТИ ЧЕЛОВѢКА.

Древняя русская народная пѣсня о Голубиной Книгѣ говоритъ, что наши кости отъ горъ земли, а наша кровь отъ желѣза-руды. И истинно въ человѣкѣ есть части всѣхъ тварей. Тысячи разъ уже переходили онѣ многія ступени и опять возвращались.

Такъ написано и въ ведійскихъ писаньяхъ: «Отдай водамъ и растеньямъ тѣ части, которыя отъ нихъ, воздуху отдай животную душу твою, но въ тебѣ есть бессмертная часть.»

Одна часть выше всего, какъ Богъ выше міра.

И около этой части Самъ Богъ, потому что Онъ тутъ-же около подобья Своего. Такъ пѣлъ и Давидъ: Боже и часть моя, Боже вѣкъ!

Богъ и надъ міромъ и въ мірѣ и все наполняетъ.

Какъ голова одинъ изъ членовъ тѣла, такъ и Онъ есть въ Тебѣ.

Онъ не ты, ты не Онъ, но Онъ такъ близокъ къ тебѣ какъ никто.

Все движется только Имъ. И въ каждой былинкѣ есть Его лицо.

И къ Нему безъ конца поднимаются всѣ ступени.

Небесъ невидимыхъ—изъ всего, что знаемъ на землѣ мы, человѣки, — ближе всего касается сердце человѣческое и то однимъ краемъ и одного края ихъ. Праведность всѣхъ святыхъ только одежда Невѣсты Его, а небеса всѣхъ небесъ только храмъ для Него. Мы только одежда Невѣсты Его, а тѣло Ея кто уразумѣеть? А Духъ Жениха кто объяснить? А Отца кто уразумѣеть?

И края одеждъ Его наполняли весь храмъ.

Только молитва смиренныхъ проникнетъ всѣ покровы и не успокоится пока не получитъ отвѣта. И какая это молитва, на которую нѣтъ отвѣта? Нѣтъ другой мудрости кромѣ смиренномудрія и нѣтъ другой мудрости кромѣ цѣломудрія. Какъ написано: «Истинно Ты Богъ Сокровенный, Богъ Израилевъ Спаситель.» Какъ-же откроешься Ты, Великій, въ томъ, кто великъ? тогда не увидѣтъ тебя. Только надъ долиной возвышаются горы.

Что предъ Нимъ всѣ одежды цвѣтовъ и царей?

Изъ письма.

Я буду идти за Нимъ до смерти. Ты спросишь меня, кто Онъ. По истинѣ я познаю Его чуднаго имени, но я знаю Его. Только Онъ можетъ знать Свое имя. Братъ, выслушай эти нѣсколько словъ отъ одного изъ искателей богопознанья.

Другъ, я изъ тѣхъ людей, которые вѣруютъ слову: «горе тому, кто прибавитъ что къ словамъ пророчества книги этой, и горе тому, кто отыметъ что отъ словъ книги пророчества того.» Не о буквальной книгѣ я говорю, а о истинѣ, о Писаньи Невидимомъ, о Внутреннемъ Свѣткѣ, о Самомъ Богѣ-Словѣ, во всѣхъ распинаемомъ и во всѣхъ воскресающемъ. Но, братъ, развѣ это все—оставить фарисейскую закваску надеждъ на обряды и обрѣзанья и фимиамы, развѣ это все—узнать, что Слово Божье Безконечное не можетъ быть заключено ни въ какой видимой книгѣ? Можно жить безъ рукотворнаго храма, но можно не найти и нерукотворнаго. Есть не только закваска фарисейская, закваска прибавляющихъ къ слову вѣры мертвыя части и тѣсные храмы свои,—есть и закваска садукейская, закваска убавляющихъ, обрѣзывающихъ Божью силу или вовсе отвергающихъ ее.

Только тотъ можетъ идти путемъ правды, кто постоянно возвращается къ Отцу съ молитвой: «Господи, не дай мнѣ ничего прибавлять къ направленью Твоему, не дай мнѣ ничего убавлять отъ истины Твоей.»

Многіе познають, что есть Тайна—Прекрасная Неизрѣченная Недостижимая разумѣньемъ. И потомъ, какъ превращаютъ они эту тайну! Они думаютъ, что достигли этой тайны, если повторяютъ слова древняго язычества. Они спускаются не только ниже разума, ниже даже плоти.

Но тайна это Ты, Господи. И нѣтъ другой тайны. И Ты открылъ мнѣ это сегодня.

Господи, это я знаю давно—Ты вездѣ. Но сегодня я увидѣлъ одну бездну—такую ужасающую. Я зналъ, что Тебя распинаютъ, отвергаютъ, незамѣчаютъ, убиваютъ почти всѣ.

Но сегодня я уразумѣлъ одну великую тайну. Послѣ многихъ распятій иногда наступаетъ ужасъ бездны—Окровавленный Истерзанный Тихій, Ты удаляешься изъ непокорнаго города—вдругъ, но взоръ твой кротокъ и радостенъ и исполненъ такой скорби, такого безконечнаго сожалѣнья.

Одежды Жениха блистаютъ на Тебѣ, Вѣчный Странникъ.

Отчего, Господи, часто изнемогалъ я въ борьбѣ, даже въ малыхъ дѣлахъ, въ малѣйшихъ заповѣдяхъ.

Вотъ тайна борьбы, о братья! Иные борются сами, но не надѣются на Него. Они совершаютъ и истинную правду, но далеко ей до непорочной чистоты.

Другіе ищутъ только помощи Его, а сами и въ малѣйшемъ дѣлѣ складываютъ руки, уступаютъ всякому грѣху, даже съ мыслями не борются они.

Вотъ тайна борьбы, о братья! Побѣда совершится только тогда, когда таинственно соединится твоя сила съ помощью Его, когда твоя неустанная борьба соединится съ надеждой на могущество Его.

Одинъ мигъ какъ столѣтія, какъ тысячи весны!

Я знаю, я твердо вѣрую, Господи: видимое время ничтожно предъ сіянемъ вѣчныхъ дней. Въ одинъ мигъ можешь вмѣстить Ты тысячи тысячъ годовъ, можешь изгладить все прошлое—всю ненависть къ Тебѣ, всѣ оскорбленья, страданья, всю нечистоту. Ибо кто не распиналъ Тебя? и что за важность—вчера или пять лѣтъ назадъ, въ мысли или на дѣлѣ.

Не дай намъ увлечься лживой праведностью, ибо обманчива и ненадежна она!

Но своего Ты хранишь отъ всякаго грѣха. Я буду торжествовать, буду радоваться на всемірномъ пирѣ Царя.

Вся прошлая жизнь какъ вчерашній день. Съ этого мгновенья Ты не отступишь отъ меня.

Конечно грѣхъ въ мысли великъ, грѣхъ дѣла это только тѣнь его. Но если ты не допустишь своего грѣха въ наружный міръ, это начало борьбы, это малая и даже великая борьба.

Потому что трудно недопустить къ наружнымъ дверямъ того, кто побѣдилъ во внутреннемъ городѣ.

И малая борьба дѣлается великой. Ничего малаго нѣтъ. Малое и есть великое.

Вѣрный въ маломъ вѣренъ будетъ и въ многомъ.

Запомни это съ сегодняшняго дня навѣки!

II

Толстому и его послѣдователямъ.

Не могу скрыть, хочу высказать мои главныя раздѣленья съ вами.

Духъ человѣческій не есть Богъ, онъ не Отецъ, онъ только сынъ, онъ небезначаленъ, но онъ безсмертенъ и безконеченъ. Какъ Отецъ безъ начала, такъ сынъ безъ конца, этимъ онъ подобенъ Отцу. Безначаленъ-же только Единый.

Это великая тайна: Онъ былъ и небыло никого. Хотя это человѣческій языкъ видимаго душевнаго времени, но всякое слово человѣческое приточно, всякая мысль земная только приближительна.

Онъ былъ и небыло никого и Онъ вызвалъ все къ жизни безсмертной, всемірной, ради любви. Ни одинъ сухой листокъ не погибнетъ, духъ всякой былинки создалъ Онъ безсмертнымъ, всякая песчинка зажжется какъ солнце и преобразится въ царствѣ Твоемъ.

Духъ человѣческій сотворенъ. Дѣйствительно онъ сотворенъ прежде всего видимаго міра, но онъ былъ вызванъ къ жизни Предвѣчнымъ. Онъ небылъ всегда, но будетъ всегда. Хотя какъ высказать это на языкѣ человѣческомъ?

Поэтому въ человѣкѣ и бездна и свѣтъ, онъ можетъ жить въ полномъ мракѣ, можетъ жить въ неизрѣченномъ свѣтѣ. Въ глубинѣ Духа человѣческаго есть и часть или искра Вѣчнаго Огня, но онъ связанъ съ духомъ человѣческимъ только такъ, какъ невѣста связана съ Женихомъ.

Я старался говорить не на языкѣ сыновъ Божьихъ, а по человѣческому разсужденію, хотя труденъ вашъ языкъ. Языкъ

младенцевъ есть языкъ человѣческаго разума, а языкъ сыновъ Божіихъ есть языкъ всемірной любви, языкъ всемірнаго безконечнаго сожалѣнья и неизрѣченнаго всемогущества. Для него не надо другой науки кромѣ чистоты.

Второе мое обвиненіе. Вы и Толстой запрещаете много изслѣдовать о невидимомъ мірѣ, о концѣ міра, о всѣхъ тайнахъ. Вы хотѣли освободиться отъ современнаго невѣрующаго общества, отъ яда невѣрующаго образованья, но вы не освободились. Это возвращается въ васъ закваска матерьялистовъ, закваска грубо положительной науки.

Я слышалъ отъ тебя, братъ Левъ, древнее правило мертвыхъ школь: нужно размышлять съ наименьшей затратой силъ, довольно знать, что есть Богъ. Но тогда не откинуть ли и всю вѣру, не довольно ли и безъ Бога только любить людей?

Нѣтъ, братья! не жалѣйте силъ на вѣчной дорогѣ. Да и вѣра недостижима для размышленья.

Конечно нужно начинать поднятіе на гору съ подошвы ея; но не топтаться-же все на подошвѣ. Въ книгѣ совѣсти тоже много тайнъ, но это только азбука. Конечно многіе хотѣли прочесть книгу жизни, отбросивъ долгое скучное изученіе азбуки—и это было безумно. Но и это даже неразумно—бояться заглядывать далѣе азбуки.

Что вы ясно объяснили многіе законы совѣсти современнымъ заблужденнымъ образованнымъ людямъ (хотя тоже не всѣ), это ваша заслуга. А что многіе ошибаются въ чтеніи Книги Невидимой, это только показываетъ великую трудность. Безъ книги совѣсти не прочтешь и остальныхъ книгъ жизни. Сильно и много ошибаются еще многіе и въ самомъ первомъ, какъ вы знаете, въ познаньи и истолкованьи законовъ совѣсти.

Книга жизни таинственнѣй и труднѣй книги совѣсти.

Но мы не хотимъ быть только младенцами, мы хотимъ

проповѣдывать мудрость. Мудрость-же мы проповѣдуемъ между совершенными, но не мудрость вѣка этого и не властей вѣка этого преходящихъ, не царей разума человѣческаго, не современныхъ душевныхъ ученыхъ, не неозаренныхъ мудрецовъ человѣческихъ.

Третье одно изъ главныхъ моихъ обвиненій—я вѣрую въ сообщенье съ міромъ невидимымъ. Я не только вѣрую—я знаю—я вижу—не только на себѣ, на многихъ, даже на всѣхъ. Конечно приближенъе духовъ къ человѣку не такъ грубо наружно, какъ разумѣютъ народы, но оно есть. Ищите Вѣчной Истины — избѣгайте современныхъ предразсудковъ невѣрья, какъ и предразсудковъ суевѣрья.

Скажите Господу: «Господи, скажи мнѣ путь, въ оны-же пойду.» Только тогда выйдете.

Онъ болѣе всѣхъ мудрыхъ.

Миръ всѣмъ.

Кромѣ того многіе ваши отвергаютъ особенное таинственное приближенъе Господа къ человѣку.

Горе не только тому, кто прибавить что къ Книгѣ Невидимой, но и тому, кто убавить что отъ ней.

Нашъ міръ—міръ или прибавляющихъ или убавляющихъ или отвергающихъ. Поэтому въ немъ нѣтъ торжества и безсмертія, но оно будетъ.

Четыре ужаса прошли надо мной, братья. Я видѣлъ всѣ глубины бездны.

Сначала я шелъ подъ рукой гордаго духа, ибо онъ есть. Онъ возсталъ противъ Предвѣчнаго еще въ мірѣ, гдѣ царствовало первозданное торжество. Тамъ мы ходили безъ одеждъ видимаго міра. На огненныхъ колесницахъ мчались всѣ братья

на огненныхъ небесахъ. Изъ-подъ колесъ вылетали алмазныя искры и серафимы рождались изъ мгновенныхъ искръ. Мы были подобны Творцу и творили. Это не сказка, о братья! И пѣсни нѣкоторыхъ вашихъ стихотворцевъ это блѣдное воспоминанье о томъ мѣрѣ.

Какъ цари стояли растенія и двигались въ лучахъ солнца и говорили. Камни были огненными. Колесницы встрѣчались и опять разъѣзжались. Въ неудержимой любви нѣкоторые соединялись навсегда и этотъ день былъ названъ день брака. И слово звучало: «да будетъ!»

Первые дни, когда я вышелъ изъ міра, я шелъ подъ рукою возставшаго духа. Поймете ли вы меня, братья? Онъ не отвергалъ и Творца, но требовалъ полной свободы и не хотѣлъ путей Его. Онъ тоже говорилъ о любви, о сожалѣннн безконечномъ, но не признавалъ никого выше и прекраснѣй себя.

Онъ довѣрялъ мнѣ тогда и открылъ мнѣ многія тайны—будутъ другія времена, возстанутъ пророки его и на нашей землѣ.

Затѣмъ я выпилъ изъ языческой чаши, чаши обрядовъ и многобожья и она опьянила меня какъ прежде плоть и какъ вино гордости. Она научила меня самоуниженью подъ именемъ смиренья. Изъ мрака невѣрья я перешелъ въ мракъ суевѣрья. И я отвергъ вино гордаго духа и утратился и унизился, я дѣйствительно повѣрилъ преданьямъ всѣхъ старцевъ, я дѣйствительно вѣрилъ обрядамъ какъ неизмѣннымъ одеждамъ вѣчной истины. Я забылъ всѣ прежнія изученья свои, всю и человѣческую образованность, воспоминанье о ней стало мнѣ тяжело.

Но огонь истребилъ мертвый храмъ.

Новое будто болѣе духовное вино стояло предо мной—вино видимой книги и я выпилъ его, я увѣровалъ во всю

буквальную книгу, во всю букву ея. Тогда я первый разъ увидѣлъ Господа, хотя за покрываломъ, потому что я началъ очищать путь.

Тогда Господь приблизился ко мнѣ безъ покрывала и я видѣлъ Его лицомъ къ лицу, я забылъ о винѣ всѣхъ видимыхъ книгъ всего міра. Но новое вино, новая скорбь стояла на дорогѣ моей—вино невѣрья. Я усомнился въ Богѣ, не идолъ ли Онъ, я повѣрилъ только въ духъ человѣческой, на нѣсколько мгновений я повѣрилъ, что все создано духомъ человѣческимъ, что все вмѣщается въ немъ.

Рядомъ стояло вино плоти и я пригубилъ и эту чашу.

Я умиралъ.

Вдругъ я увидѣлъ Возлюбленнаго, красотой и страданьемъ сіяли глаза Его.

Я оставилъ всѣ вина земли и небесъ и побѣжалъ къ Нему.

И я увидѣлъ тлѣнныя одежды духа.

Зачѣмъ вы не начинаете ткать безсмертное одѣянье?

Первая одежда твоя, человѣкъ, это плоть, весь видимый міръ. Ты самъ соткалъ ее. Сколько въ ней злобы, убійства! На рѣкѣ убійства основанъ весь міръ. Человѣкъ уничтожаетъ животныхъ, животныя уничтожаютъ растенія и прекрасную травку полей.

Богъ этого вѣка! послушай меня. Не могу я принять этого міра, какъ бы онъ ни былъ великъ. Пока погибаетъ хотя одна послѣдняя самая презрѣнная былинка степей, я не могу забыть: и она сестра моя.

Пока все не безсмертно я не принимаю вашего міра.

И какъ тлѣнны всѣ ваши одежды!

Видимый міръ только кажется безконечнымъ, обширнымъ. Онъ самая грубая изъ одеждъ твоихъ.

Другая одежда твоя это разумъ.

Они не знаютъ, что есть высшій разумъ любви. Мертвымъ камнямъ подобны ихъ сухія мысли.

Еще скинулъ я одежду всѣхъ душевныхъ чувствъ. Тогда я увидѣлъ безсмертный истинный духъ мой у подножья храма и на самомъ верху лѣстницы безконечной Творца Его, Господа моего. Красота его—сила звѣздъ.

На какомъ языкѣ говорить вамъ, современные люди?

Все ваше образованье, всѣ ваши современные города и обычаи, вся ваша балня современной науки, весь холодный путь вашихъ сердець—какая великая, великая страшная пустыня ужаса!

Кто изъ васъ видѣлъ пламенную колесницу серафимовъ?

На огненной колесницѣ всемірной любви я увидѣлъ поднимающихся въ небеса и опускающихся въ смертную тѣнь нашей земли ради единой любви

И я услышалъ голосъ:

Драгоценный камень скрыть отъ очей всего міра.

vi

ПОСЛѢДНІЯ СЛОВА

На горѣ молчанья и жизнь.
Сегодня взойдемте, друзья, въ Ханаанъ. въ
страну молчанья.
Есть страна молчанья, гдѣ растутъ самые пре-
красные цвѣты. И есть ангелъ молчанья.
Безъ Ангела Божія несовершается никогда
никакое дѣло.

Покойному другу Якову Исааковичу Эрлиху.

Доканчивая послѣднія страницы этой книги, я увидѣлъ тебя. Изъ какого міра донесся до меня твой глазъ и голосъ твой? Я знаю—еслибы ты былъ живъ, ты можетъ быть единственный среди людей теперешняго образованья понялъ бы всѣ слова мои въ этой книгѣ и не посмѣлся бы надъ ними. Какая это широта всегда была въ тебѣ? Не отъ этой ли благородной іудейской крови, такъ презираемой въ теперешнихъ народахъ, которая была въ тебѣ? потому что эта кровь была всегда близка Духу вѣры. Знаньемъ ты не уступалъ имъ и не праздное и не гордое для самолюбія было оно у тебя—поэтому было оно у тебя много глубже и чище чѣмъ у многихъ царей разума, но какъ разъ изъ-за знанья ты еще болѣе постигалъ величіе Тайны. Ты благоговѣнно изучалъ все и зналъ всѣ начала и пути земной науки и не по дерзости, а по истинѣ зналъ, что все это только подножіе Вѣры и Тайны, какъ и плоть только подножіе духа.

Миръ тебѣ. Среди нашего празднаго дѣтства и лживаго вступленія въ жизнь ты одинъ совершалъ великій незамѣтный подвигъ и умеръ мученикомъ всей жизни.

Господи, помяни его въ вѣчномъ умѣ Твоемъ и пусть безъ конца подымается онъ по вѣчной лѣстницѣ Твоей.

Братья, при жизни, при жизни творите всю любовь, чтобы въ мигъ смерти великое сожалѣнье побѣдило ее свѣтомъ своимъ.

2

Что-же не видать нашего красна солнышка?
Аль лучи его съ врагами повстрѣчались?
Аль ушелъ отъ насъ невиданно Возлюбленный?
Аль одесды ваши, други, призапачкались?
Али красота ваша да приувянула?
Вы идите-ка други на поля зеленя,
Подышите вы цвѣтами чистыми весенними,
Украшайтесь краснымъ золотомъ, бѣлымъ серебромъ,
Пейте воду ту проточную животную,
Укрѣпляйтесь хлѣбомъ и плодами райскими,
Посмотрите въ зеркало великое
Въ ту рѣку животную кристальную,
Украшайтесь юностью да кротостью.
Отъ восточной отъ сторонушки
Какъ заря спѣшитъ—бѣжитъ Возлюбленный,
Вотъ Онъ сходитъ на траву зеленую,
Оставляетъ колесницу царскую,
Складываетъ всю броню военную,
Ровно молонья къ Возлюбленной кидается,
Предъ всѣмъ міромъ ей святое даль лобзаніе..
Даже звѣзды въ небѣ другъ со другомъ сочетаются,
Даже травки музыкой неслышной наполняются.

3

Онъ говоритъ: въ морѣ Моемъ живи и покойся. И дамъ тебѣ все чистое и все очистится, едва коснется рукъ твоихъ.

Неторопись туда, куда незнаешь самъ. Принимай изъ рукъ Моихъ вино Мое.

Никогда душа моя не отдыхала, безпокойнымъ какъ на морѣ былъ полночный мой сонъ.

Принесу Ему псалмы мои, буду прославлять Его на органахъ.

Онъ натянулъ струны въ груди моей.

Тысячи, тысячи жизней увидѣлъ я! Я прославлялъ Господина моего.

Тогда и наука и книга склонятся подъ ноги Сидящаго, красота и достоинство возвратятся ему.

Тогда и работа и разумъ и тѣло перестанутъ превозноситься надъ царемъ своимъ.

4

Прошли, прошли твои печали,
Года тяжелые борьбы.
Царь нашъ Батюшка Родимый
Жалуется къ тебѣ въ твой градъ.

О твоихъ сраженьяхъ слухи
До Его дошли небесъ.
Слышалъ Онъ, что ты и падалъ,
Но сдаваться не умѣлъ.

Это Онъ въ бою предсмертномъ
Поддержалъ твое чело
Въ часъ, какъ дрогнулъ мечъ твой вѣрный
Среди внутреннихъ враговъ.

Бой послѣдній, бой тяжелый,
Умирала жизнь моя.
Вдругъ пришелъ ко мнѣ Возлюбленный,
А я не зналъ, что Онъ со мной.

Входятъ, входятъ въ градъ твой силы,
Силы вѣчныя Его!
Вы не скройте, гдѣ Возлюбленный.
Я всю ночь ищу Его.

Вотъ идетъ и Онъ дордогой.
Ровно странникъ видъ Его—
Незамѣтный и смиренный,
Весна надъ головой Его.

На брегахъ у рѣкъ животныхъ
Изнемогла нога моя.
Если вы Его увидите,
Вы скажите, други, милому,
Что я сраженъ стрѣлой любви.

Оттого я, Боже, падалъ,
Если Ты неприходилъ,
Но теперь съ Тобой, Могучій,
Буду поборать и я.

Прошли, прошли твои печали,
Года тяжелые борьбы.
Царь нашъ Батюшка Родимый
Жалуется къ тебѣ въ твой градъ.

Входятъ, входятъ въ градъ твой силы,
Силы вѣчныя Его.
Музыкой звучать органы,
Въ ихъ рукахъ блестятъ мечи.

5

Блаженны званые на брачную вечерю Агнца.
изъ откровенья Іоанна.

Прежде я молился за многихъ, за каждого, сказалъ странникъ. Я всѣхъ носилъ съ собой, каждый день въ ночи, за работой, за преломленьемъ хлѣба, въ уединеньяхъ я всѣхъ вспоминалъ предъ Нимъ. Я хотѣлъ жить такъ, чтобъ всякаго, кого видятъ глаза мои, благословилъ Богъ. Кого я и разъ видѣлъ, уже забывалъ, цѣлый міръ былъ заключенъ въ моемъ сердцѣ, враги, тѣ, которые и не знали меня, о которыхъ только слыхалъ я, всѣ были могущественными и чистыми внутренними друзьями моими. И съ каждымъ днемъ укрѣплялись цѣпи любви и я чувствовалъ, что всѣмъ легче идти. И я зналъ, что я могу приходить къ нимъ. И нехватало времени.

Я призывалъ благословенье Его на поля, по которымъ ходилъ, я полагалъ предъ Нимъ каждый видѣнный камень и каждую былинку степей, чтобъ все возсіяло и преобразилось на землѣ живыхъ.

Но сражаясь долгіе годы съ идолопоклонствами людей, я усомнился, не идолъ ли это. Могу ли я думать, что изъ-за того, что я положилъ предъ Всевышнимъ имя другого, что изъ-за этого Онъ покроетъ его благодатью? Не видитъ ли Онъ всѣхъ и все и безъ меня? Я даже думалъ: можно ли о чемъ бы ни было просить Его?

И огонь любви исчезъ изъ груди моей.

Господи, видно необходимо было все это сомнѣнье, что Ты провелъ меня чрезъ него. Чрезъ распятые провелъ Ты даже душу мою.

Я вернулся къ молитвѣ, но молился о всѣхъ, я боялся идолопоклонствовать съ именами—если буду призывать благословеніе Его на каждого.

И вотъ пришла эта ночь, святая ночь откровенья Твоего. Давно я молился о многихъ, кого видѣлъ, но еще ни разу послѣ тѣхъ лѣтъ не принесъ ихъ всѣхъ какъ жертву мою къ подножью ногъ Твоихъ. Незамѣтно вошелъ Ты въ мой—давно оставленный печальный ужасающійся городъ. И я увидѣлъ моихъ близкихъ, какъ медленно и печально шли они. И безъ движенія до полночи лежалъ я у ногъ Твоихъ и снова говорилъ Тебѣ о всѣхъ, о друзьяхъ друзей моихъ, о живыхъ и мертвыхъ, о врагахъ моихъ и Твоихъ. И снова вспомнилъ я имена всѣхъ и цѣлый міръ входилъ въ мое сердце. Я положилъ предъ Тобой всѣхъ видѣнныхъ въ жизни моей.

Братья, друзья, миръ, миръ вамъ.

И опять пришли вы и окружаете меня и ночью и днемъ и во снѣ и въ работѣ, вы зовете меня къ брачному пиру Его.

6

ВОСКРЕСНЫЙ ПСАЛОМЪ.

Мы вездѣ видѣли славу Его божественности и силу Его могущества. Онъ далъ намъ силу апостольскую. Съ нами жили слова Его. И сіяли одежды Его. И слова Его, которыя обращались межъ нами, были какъ свѣтъ.

изъ новонайденныхъ отрывковъ Евангелія отъ Египтянь.

Объявился древній праздникъ трубъ землѣ!
Трубите предъ лицомъ Его въ память и воспоминанье!

Его Сынъ воскресъ рано утромъ въ первый день недѣли
И явился въ любви сестрѣ своей—Маріи Магдалинѣ.

Друзья, она стояла у страны гробовъ,
Она плакала и заглянула въ страну гробовъ.

Она думала, что это садовникъ райскихъ садовъ,
Она сказала Ему: «Скажи мнѣ, въ какихъ обителяхъ мой господинъ?»

«Ты знаешь всѣ эти сады, Вѣчный Садовникъ.
Ужели Онъ задержался какъ всѣ древніе въ мѣстахъ мрака
и ужаса?»

«Ужели огненная колесница серафимовъ не встрѣтила Его?
Вѣдь теперь утро, вѣетъ весной даже на землѣ.»

И Онъ говоритъ ей: «Марія, сестра моя.»

«Дорогой Учитель, Братъ!»—закричала и упала она у ногъ Его.

Онъ говоритъ ей: «Радуйся и живи и не умирай, возлюбленная!
Но еще нельзя тебѣ прикасаться ко Мнѣ.

«Когда Я взойду на вершину горъ,
Тогда безконечной любовью сочетаешься навсегда со Мной.

«Чѣмъ выше будете восходить, друзья Мои,
Тѣмъ ближе будутъ сходиться наши пути.

«Нѣтъ тѣсноты на пути Его,
Тамъ совершается тайна безконечнаго брака.»

И никому ничего не сказала она, потому что боялась;
Потомъ объявила бывшимъ съ Нимъ, плачущимъ и рыдаю-
щимъ.

Въ тотъ-же день вечеромъ шли два странника въ Эммаусъ
И въ иномъ образѣ Онъ приблизившись пошелъ съ ними.

Потому что полонъ былъ невыносимой славы свѣтъ Его
И даже до сегодняшнихъ дней не можетъ нашъ міръ вмѣ-
стить Его.

Сколько могли вмѣщать они, столько Онъ показывалъ имъ,
Но покровомъ закона удержаны были глаза ихъ.

И они сказали Ему: «Мы сомнѣваемся,
Нѣкоторыя изъ женъ нашихъ видѣли Его.

«Мы желали увидѣть Его, но еще не видали Его,
Зачѣмъ нужно было Его осужденъ?»

И Странникъ сказалъ: «О медлительные сердцами!
Не страданьями ли, не смертью ли путь въ царство
славы?»

И приблизились они—куда шли, къ селенью,
И Странникъ хотѣлъ итти далѣе—дорогой пустыни.

И они стали удерживать Странника:
«Роса на землѣ, вершины горъ темнѣютъ.

«День уже склонился къ вечеру, къ покою своему.
Останься съ нами и ночью какъ одинъ изъ насъ.»

И Онъ вошелъ въ горницу и оставался съ ними
И за ужиномъ первый разломилъ хлѣбъ на всѣхъ.

И открылись глаза ихъ свѣтомъ любви
И они узнали Его, но Его уже небыло.

Тотчасъ-же Онъ сталъ невидимъ для нихъ
И они говорили другъ другу всю ночь до зари, дорогой:

«Не горѣло ли въ насъ сердце наше,
Когда Онъ изъяснялъ намъ душу писаній?»

Въ тотъ-же день и Петръ увидѣлъ Его,
Но никто никогда не слыхалъ, какъ онъ видѣлъ Его.

Какъ высказать человѣческимъ языкомъ быстроту и блескъ
свѣта?

Даже ангельскіе языки ничтожны предъ Нимъ.

Драгоцѣнными пламенными рубинами сіяли лучи рукъ Его
—То были слѣды земныхъ ранъ Его.

И собрались всѣ вѣрные на гору Его
И Онъ вознесся въ виду ихъ въ обители невидимыя.

И нѣкоторые усомнились и не увидали Его,
Но даже огненные серафимы долго блистали на пути Его.

Богъ далъ Ему являться, но не всѣмъ людямъ,
Предъизбранные свидѣтели ѣли и пили съ Нимъ по воскресеньи Его.

И начали они незамѣтную работу свою,
Всемирная рыбная ловля была объявлена по всей землѣ.

Во время рыбной ловли Онъ приблизился къ нимъ,
Но они опять не узнали, что это Иисусъ.

Жертвенникъ ангельскій горѣлъ на землѣ,
Этого огня не касалась рука человѣковъ.

На жертвенникѣ былъ предложенъ таинственный ужинъ
—И хлѣбъ и соль и вино и плоть и кровь и рыба.

И никто изъ нихъ не смѣлъ спросить Его: «кто ты?»
И опять узнанъ былъ Онъ въ преломленьи хлѣба.

Объявляйте, друзья, древній праздникъ трубъ землѣ,
Трубите предъ лицомъ Іеговы въ воспоминаніе!

Его Сынъ воскресъ рано утромъ въ первый день недѣли
И явился въ любви сестрѣ Своей Маріи Магдалинѣ.

Одинъ изъ сыновъ Іеговы работалъ на одной горѣ вмѣстѣ
съ сынами Израиля.

Книжникъ-іудей изъ сосѣдняго многолюднаго селенья ѣхалъ
въ мѣстечко по дѣламъ своего ремесла, но свернулъ съ до-
роги, оставилъ лошадей у подошвы и подымался на гору.

День былъ знойный, время царскаго покоса—во время
кошенья бобовыхъ кормовъ. Книжникъ былъ непривычный къ
жарѣ—по своему домашнему ремеслу—портняжному.

Когда онъ поднялся на вершину, люди уже пообѣдали и
отдохнули, они держали въ рукахъ лезвія и осматривали косы
и готовились уходить со стана. Книжникъ подошелъ къ стран-
нику, одному изъ сыновъ Іеговы.

Онъ задалъ ему нѣсколько вопросовъ, онъ считалъ, что онъ не напрасно-же потерялъ столько времени и поднялся на гору и свернулъ съ дороги. Но гость потупилъ голову и молчалъ. Но книжникъ твердо требовалъ отвѣтовъ и прибавилъ еще нѣсколько вопросовъ о царствѣ Божьемъ, языкъ его быстро двигался и легко говорилъ о законѣ какъ о своемъ ремеслѣ.

«Братъ, сейчасъ нѣтъ слова въ сердцѣ моемъ, я не могу говорить,—отвѣтилъ допрашиваемый:—Богъ не говоритъ, какъ буду говорить?»

Книжникъ разсердился. Онъ считалъ, что онъ купилъ Духа Святого своимъ усердіемъ, потерей своего времени, что гость обязанъ отвѣтить ему. Онъ не хотѣлъ понимать ничего и снова спрашивалъ его.

Тогда рядомъ стоявшій юноша исполнился Духомъ Святымъ и сказалъ и всѣ увидѣли, что какъ свѣтъ, какъ весенній воздухъ было чисто слово его. Онъ сказалъ:

«Кто непремѣнно требуетъ, чтобъ говорили—хотя бы и о законѣ, кто презираетъ молчанье, не умѣетъ молчать и не даетъ молчать другимъ, тотъ и есть самый невѣрующій Богу. Онъ невѣруетъ, что Богъ вездѣ и все наполняетъ. Онъ не вѣритъ, что Богъ и въ молчаньи, для него Богъ только въ словахъ языка.»

Такъ сказалъ онъ и портной простился съ ними и ушелъ.

И тогда гость юноши сказалъ:

«И только тогда придетъ царство Божіе, когда разрушится этотъ всемірный духъ книжничества и многословья и совопросничества, когда будутъ спрашивать и говорить только то, что угодно Ему, все полагать сначала предъ лицомъ Его.»

Вечеромъ, когда уже нельзя было различать лицъ, когда всѣ сидѣли у вечерняго костра около котла, двое—молодой

мужчина и юноша подѣхали къ сидящимъ и привѣтствовали ихъ. Ихъ пригласили къ ужину, они отказались и сѣли поодаль.

Тогда гость юноши, одинъ изъ сыновъ Иеговы, спросилъ, когда всѣ молчали во время ужина и послѣ ужина:

«Братья, зачѣмъ пріѣхали вы?»

И старшій отвѣтилъ въ истинномъ смиреньи:

«Мы пріѣхали ради Бога Израилева, ради любви. Если имѣешь что сказать намъ, мы будемъ очень рады, а не имѣешь, мы рады видѣть и лицо твое.»

И тогда онъ открылъ уста свои и неудержимая рѣка жизни потекла изъ устъ его, потому что любовь сіяла межъ ними и во время молчанья они говорили на незнакомомъ языкѣ, на языкѣ, который открытъ всѣмъ возрожденнымъ—иссопу и мху, березкамъ и кедромъ и серафимамъ.

ПОСЛѢДНІЯ СЛОВА.

Я писалъ всѣ эти страницы на видимой бумагѣ не ради себя и даже не ради любви. Все это я написалъ даже противъ воли моей—только ради того, чтобъ исполнить обязанность, ради того, чтобъ засвидѣтельствовать осужденъе всему прежде написанному мной, когда я былъ еще на путяхъ невѣрья и искусственности и всякаго заблужденья.

Оставляю навсегда всѣ видимыя книги, чтобъ принять часть только въ книгѣ Твоей.

Все это написанное я разумѣю такъ-же малымъ, какъ малъ законъ Моисея предъ благодатью. На видимой бумагѣ никогда не выскажешь Глазной Истины и Тайны. Вступайте въ книгу Жизни!

СОДЕРЖАНІЕ.

INTRODUCTION by Joan Delaney Grossman vii

I. О ПРЕЖНЕМЪ.

1. О языкѣ безъ хитрыхъ и ученыхъ словъ 3
2. Какъ исповѣдь примите, братья, это слово 5

II. ИЗЪ КНИГИ НЕВИДИМОЙ.

- Отъ дѣтства пѣсни рождались въ сердцѣ моемъ 9
1. Пою царство неизмѣнное, неколебимое 10
2. Братья, онъ родился въ насъ, какъ въ вертепѣ разбойномъ 11
3. Учитель Невидимый 12
4. Вечерняя —
5. Воскресная пѣсня 13
6. Блаженны робкіе 14
7. Мудрость человѣка —
8. Какъ вождѣльны всѣ дѣла Его 15
9. Прощальная пѣсня 16
10. Предсмертныя слова Христа 17
11. Нѣтъ! мы не умремъ какъ человѣки 18
12. Прощайте, птички 19
13. Въ заключеньи 20
14. Не унывай, не унывай, душа моя 21
15. Вы шепните мнѣ, братцу вашему 22
16. Миръ вамъ, о горы 23
17. Изъ древнегреческихъ церковныхъ пѣсень 24
18. Братъ, возрадуются стѣны темницы —
19. Открою уста въ гаданьи 26
20. Слава, слава Вышнему Богу 28
21. Пѣсня братьямъ —
22. Друзья 30
 i. Слышите ли вы, друзья —
 ii. Пѣсня друзьямъ 31
 iii. Пѣсня брака 32

23. Пѣснь пѣсней	34
i. Миръ Магомету	—
ii. Онъ пришелъ на поля мои весной	36
iii. Дочери народа	37
iv. Жалоба березки подъ Троицынъ день	38
v. Бодрую ночь предъ Тобой	39
vi. Бракъ въ Канѣ Галилейской	41
vii. На напѣвъ «Встрѣтимся ли мы съ тобою»	42
viii. «Ты прости—прощай, моя милая сестра вѣрная	43

III. ЖЕРТВЕННИКЪ ИЗЪ ЗЕМЛИ.

1. Времена сомнѣнья.

1. Два отрывка	49
i. Это были два мѣсяца ужаса	—
ii. Изъ письма	51
2. Я не повѣрилъ вамъ, пловцы	52
3. Предъ вами стою я, современные люди	53
4. Кто мнѣ далъ этотъ законъ смерти?	54
5. Вотъ шепчетъ воинъ	55
6. Отвѣтъ людямъ во времена сомнѣнья	57
7. Други вѣрные меня спрашивали	58
8. Примиренье съ землей и звѣрями	59
9. Пророчество	61
10. Ученью Базара и учениковъ Сень-Симона	63
11. Я вернусь къ вамъ, поля и дороги родныя	64
12. Въ царствѣ труда	66
i. Пѣсня на работѣ	—
ii. Сколько дѣлъ у Тебя, Боже мой	67
iii. У земли	69
1. Гдѣ вы, прекрасные годы мои	—
2. Изъ круга работъ земледѣльца степей	70
i. Утро блеснуло	—
ii. До этого дня, брата, я незналъ	71
3. Страница изъ исповѣди	73
4. По дорогамъ	76
5. Драгоценная льдинка	78
iv. Восхваленье нищаго житія	80
13. Еще скрижалъ	84
14. Письмо въ редакцію «Вѣсовъ»	85

2 Ты повѣдилъ, Галилеянинъ.

1. Господи, гдѣ сила Твоя и весна Твоя?	91
2. Я шелъ по весенней дорогѣ	93
3. Въ уединеннѣи я отдалился отъ людей	—
4. На пути изъ Нижняго въ Балахну	96
5. Начинаются, други, деньки строге	97

IV. ДѢЛА И ДНИ.

1. Берегись, берегись, смотри, говорятъ мнѣ Другъ мой.	101
2. Бываетъ время дорогое	102
3. Я ткалъ, вдругъ дверь открылась	103
4. Въ мою наружную комнату	—
5. Вы деньки ли мои	104
6. Здѣсь въ заключеньи	105
7. Начало новой земли	106
8.	107
i. Господи, услышь меня	—
ii. Ночь на Рождество	111
9. Во внутреннемъ городѣ	113
Три псалма.	
i. Высокая надъ землей вознеслась гора	—
ii. О Боже, прости и очисти.	114
iii. Псаломъ—первый день заключенья	116
iv. Что за городами дальними	118
v. Часто, Господи, исполняя самое пустое дѣло	119
vi. Простой, въ простой нишей одеждѣ	120
vii. Другъ, сегодня Ты пришелъ.	—
viii. Я остановился, остановилъ свое дѣло.	121
ix. Это было много лѣтъ тому	122
x. Памятка—письмо брату по плоти.	123
xi. Я радуюсь въ концѣ этого дня	126
xii. Итакъ нельзя пренебречь.	—
xiii. И Ты показалъ мнѣ	127
xiv. Онъ показалъ мнѣ оружiя.	128

V. ИЗЪ ИЗСЛѢДОВАНIЙ.

1. Братя, я хотѣлъ излагать слово о Богѣ подробно	131
---	-----

2. О послѣднемъ огнѣ	132
3. О союзѣ со звѣрями	135
4. О первыхъ воскресеньяхъ	138
I. Ты сказалъ человѣку, ты созданъ свободнымъ	—
II. Нѣтъ конца воскресеньямъ въ Богѣ	139
5. О плоти и духѣ	141
I. И долго молчалъ я	—
II. Тогда я говорилъ тебѣ, плоть	142
III. Измѣненіе тѣла въ духѣ	143
6. Среди книгъ	144
I. Господи, благослови меня ходить спокойно	—
II. Среди знаній	145
1. Среди знаній	—
2. Сомнѣнье ради изслѣдованья путь мудрецовъ	149
III. Отвѣты нѣкоторымъ ученьямъ и книгамъ	151
1. Я хотѣлъ сказать о томъ	—
2. Шеллингу	153
3. Эпикуру и всѣмъ подобнымъ ученьямъ	154
IV. Отрывокъ. Противъ Толстого и Ницше	156
1. Ницше у порога храма	—
2. Задачи мистики (противъ Толстого)	157
3. Огненная колесница или Меркаба	—
V. Сестрамъ	158
7. Пыль дорогъ	161
I. О чудесахъ	—
1. Есть не только солнце	—
2. Я не хочу говорить невѣрующимъ	163
3. Все это только пыль	164
II. На Бѣлозерской дорогѣ	166
III. И человѣкъ невѣдомаго народа	—
IV. Боже, я сидѣлъ съ книгой среди міра	167
V. Я видѣлъ, друзья, сегодня эту великую тайну искупленья	168
VI. Братъ, Онъ указалъ мнѣ на тысячи плотскихъ заблужденій	169
VII. Это не было мечтаньемъ, братъ	171
8. Отрывки	172
I. И даже плотская память переселеній	—
II. Разумъ и тайна	—
III. Душа животная и душа живущая	174
IV. Части человѣка	—
V. Небесъ невидимыхъ	175
VI. Изъ письма	176

9.	177
i. Многіе познають, что есть Тайна.	—
ii. Толстому и его послѣдователямъ	179

VI. ПОСЛѢДНІЯ СЛОВА.

1. Покойному другу Якову Исааковичу Эрлиху.	187
2. Что-же не видать нашего красна солнышка	188
3. Онъ говоритъ: въ морѣ Моємъ живи и покойся	189
4. Прошли, прошли твои печали	190
5. Прежде я молился за многихъ.	192
6. Воскресный псаломъ.	194
7. Одинъ изъ сыновъ Иеговы	198
Послѣднія слова	202

ПРЕЖНІЯ КНИГИ

АЛЕКСАНДРА ДОБРОЛЮБОВА.

Natura naturans. Natura naturata.
Тетрадь N 1. Спб. 1895. Распродано.

Собраніе стиховъ (1895 — 1898). Мск. 1900.
Распродано.

Dobroliubov, Aleksandr Mikhailovich, 1876–1944(?)
Iz knigi nevidimoi.

BERKELEY SLAVIC SPECIALTIES
P.O. Box 3034
Oakland, California 94609 U.S.A.

MODERN RUSSIAN LITERATURE AND CULTURE
STUDIES AND TEXTS

1. Глеб Струве. К истории русской поэзии конца 1910-х — начала 1920-х годов.
Second printing in preparation.
2. К.Н. Бугаева. Воспоминания о Белом. 1981.
ISBN 0-933884-15-X
3. Валентина Ходасевич и Ольга Марголина-Ходасевич. Неизданные письма к Н.Н. Берберовой.
Second edition in preparation.
4. Н.В. Резникова. Огненная память. Воспоминания о Алексее Ремизове. 1980.
ISBN 0-933884-14-1
5. Б.Н. Топоров. Ахматова и Блок. 1981.
ISBN 0-933884-16-8
6. Борис Поплавский. Флаги. Второе, исправленное издание. (*Собрание сочинений*, том 1). 1980.
ISBN 0-933884-12-5
7. Алексей Ремизов. Иверень. *In preparation.*
8. Борис Поплавский. Снежный час. Второе, исправленное издание. (*Собрание сочинений*, том 2). 1981.
ISBN 0-933884-13-3
9. Борис Поплавский. В венке из воска; Дирижабль неизвестного направления. Второе, исправленное издание. (*Собрание сочинений*, том 3). 1981.
ISBN 0-933884-19-2
10. Александр Добролюбов. *Natura naturans. Natura naturata* (1895); *Собрание стихов* (1900). 1981.
ISBN 0-933884-20-6

ISBN 0-933884-34-6